

*Доктор филологических наук,
профессор МГУ имени М.В. Ломоносова
Юлий Абрамович БЕЛЬЧИКОВ
1928, Москва – 2018, Москва*

В этом научно-просветительском издании собраны материалы о выдающемся российском языковеде и педагоге, ученике академика В.В. Виноградова, докторе филологических наук, профессоре Юлии Абрамовиче Бельчикове, внёсшем большой вклад в многолетнюю деятельность Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), созданной при его участии в 2001 г.

В книге опубликованы уникальные личные воспоминания Ю.А. Бельчикова об истории семьи, о годах учёбы и работы в МГУ имени М.В. Ломоносова, об академике В.В. Виноградове, о наставниках и коллегах, о непростых страницах в истории советской филологии, записанные профессором МГУ В.С. Елистратовым.

Из истории русской лингвистики XX века

Беседы с профессором Ю.А. Бельчиковым

Из истории русской лингвистики XX века

Беседы с профессором Ю.А. Бельчиковым

Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)

Российская негосударственная некоммерческая организация,
имеющая официальную регистрацию Министерства юстиции РФ
(свидетельство № 14127 от 15.02.2001 г.)
ИНН: 7717118908; ОГРН: 1037739287189

Гильдия оказывает помощь в проведении лингвистической и автороведческой экспертиз по широкому спектру русскоязычных спорных текстов печатных и сетевых СМИ, документов, теле- и радиопрограмм, товарных знаков (словесных обозначений), имён собственных, а также в научно-методическом рецензировании спорных экспертных заключений. Исследования осуществляются экспертами ГЛЭДИС на основе официальных запросов и договоров.

Члены и консультанты Гильдии работают в 30 субъектах Российской Федерации и в 5 зарубежных странах.

**Русский язык — основной инструмент осуществления
гражданами РФ и их объединениями права свободно
выражать мнения и идеи, производить
и распространять информацию.**

Сайт ГЛЭДИС: www.rusexpert.ru
Телефоны: +7 (925) 002 00 22; +7 (903) 769 71 79
Электронная почта: e-expert@yandex.ru
Почта России: 129164, Москва, а/я 110, ГЛЭДИС

Гильдия лингвистов-экспертов по документационным
и информационным спорам

Из истории русской лингвистики XX века

Беседы с профессором Ю.А. Бельчиковым

Составители
А.Ю. Бельчиков, В.С. Елистратов

Москва
2022

УДК -81'1
ББК -5*81.2
Б26, Е51

Составители:

А.Ю. БЕЛЬЧИКОВ, В.С. ЕЛИСТРАТОВ

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор В.И. АННУШКИН
(Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина);

доктор философии/FG (Filosofian tohtori) В.В. БУЙЛОВ
(Университет Восточной Финляндии);

член-корр. РАН, доктор филологических наук Ю.Л. ВОРОТНИКОВ
(Институт русского языка РАН имени В.В. Виноградова);

доктор филологических наук, профессор С.Г. ТЕР-МИНАСОВА
(Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова).

Ответственный редактор:

доктор филологических наук, профессор М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ,
председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам.

Из истории русской лингвистики XX века. Беседы с профессором Ю.А. Бельчиковым: под. ред. проф. М.В. Горбаневского/Составители А.Ю. Бельчиков, В.С. Елистратов. — М.: ИПЦ «МАСКА», 2022. – 128 с.

В этом научно-просветительском издании собраны материалы о выдающемся российском лингвисте и педагоге, ученике академика В.В. Виноградова, докторе филологических наук, профессоре Юлии Абрамовиче Бельчикове (1928–2018), внёшем большой вклад в многолетнюю деятельность Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), созданной при его участии в 2001 г.

В книге опубликованы уникальные личные воспоминания Ю.А. Бельчикова об истории семьи, о годах учёбы и работы в МГУ имени М.В. Ломоносова, об академике В.В. Виноградове, о наставниках и коллегах, о непростых страницах в истории советской филологии, записанные профессором МГУ В.С. Елистратовым.

Издание адресовано лингвистам широкого профиля, преподавателям и студентам-филологам, а также предназначено всем, кого интересуют проблемы языка и история отечественного языкознания.

ISBN 978-5-6047599-4-3

© А.Ю. Бельчиков, составитель, 2022 г.

© В.С. Елистратов, составитель, 2022 г.

© М.В. Горбаневский, автор проекта, 2022 г.

© РОО ГЛЭДИС, 2022 г.

Предисловие

13 февраля в календаре нашей Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) — особый день. 13 февраля 1928 года родился Юлий Абрамович Бельчиков.

Гуманитарная наука и российское языковедение в нашем многострадальном Отечестве ныне ещё здравствуют и даже развиваются — несмотря на все жёсткие вызовы ковидного лихолетья и нового Смутного времени. Я убеждён, что в значительной мере этому помогает преемственность лучших, классических традиций русской филологии, одним из мудрых и деятельных хранителей которых был профессор Ю.А. Бельчиков, талантливый и любимый ученик академика В.В. Виноградова.

Юлий Абрамович Бельчиков родился в Москве. Окончил филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова в 1951 году. Основные направления научных занятий: история русского литературного языка, русская лексикология, стилистика и культура речи, лексикография, стиль русских писателей и публицистов, язык и культура, история русского языкознания.

Доктор филологических наук с 1974 года. Профессор по кафедре методики преподавания иностранного языка и русского как иностранного с 1976 г. Исследовал публицистический стиль как одну из доминант развития русского литературного языка в XIX-XX вв., его взаимодействие с народно-разговорной речью как одну из ведущих тенденций литературно-языковой эволюции в послепушкинский период (вплоть до рубежа XX-XXI вв.).

Профессор Ю.А. Бельчиков разработал историческую периодизацию русской общественно-политической лексики конца XVIII — начала XX в., а также литературной лексики советского

времени. Состоял членом научного совета РАН «Русский язык», совета Общества любителей российской словесности, Союза журналистов Москвы, Союза писателей Москвы, научным консультантом интернет-портала «Грамота.Ру».

С 2002 года Юлий Абрамович Бельчиков стал действительным членом Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) и старейшим членом её правления. Его фотография открывает страницу In memoriam веб-сайта ГЛЭДИС: <http://rusexpert.ru/about/in-memoriam.html>.

Книга **«Из истории русской лингвистики XX века. Беседы с профессором Ю.А. Бельчиковым»** несколько необычна, а некоторые её материалы — уникальны. Таковой она и задумывалась мной ещё в 2018 году.

Особая роль в её создании принадлежит одному из известных русских лингвистов, лексикографов и терминологов, талантливому младшему коллеге и другу профессора Ю.А. Бельчикова, доктору культурологических наук, заслуженному профессору МГУ имени М.В. Ломоносова **Владимиру Станиславовичу Елистратову** и достойному сыну своего отца **Александрю Юльевичу Бельчикову**.

Книга «Из истории русской лингвистики XX века. Беседы с профессором Ю.А. Бельчиковым» состоит из четырёх частей.

Часть первая получила название *«Легенда русской лингвистики и педагогики»*.

В ней объединены три очерка профессора В.С. Елистратова, написанные им в разные годы в связи с юбилейными датами в жизни Юлия Абрамовича Бельчикова. Стиль очерков индивидуален, светел и ярок: автор испытывал к Юлию Абрамовичу огромное уважение, был с ним дружен и практически стал его основным биографом. Эти эссе Владимира Станиславовича Елистратова напоминают нам о том, что их автор — не только учёный-лингвист, но также и поэт, прозаик, переводчик, публицист, член Союза писателей России.

Для названия второй части мы выбрали строку, написанную (точнее — надиктованную) самим Юлием Абрамовичем: «*В назначенный им срок я пришёл к Виноградову в Большой Афанасьевский переулок...*» Эта часть книги действительно уникальна, ибо в ней представлены нигде ранее в таком объёме не публиковавшиеся воспоминания профессора Ю.А. Бельчикова об истории его семьи, о годах учёбы и работы в МГУ имени М.В. Ломоносова, об академике В.В. Виноградове, о наставниках и коллегах, о некоторых непростых страницах в истории советской филологии. Воспоминания Юлия Абрамовича Бельчикова были записаны профессором В.С. Елистратовым на диктофон в форме диалогов в 2003 и 2004 гг. и им же внимательно расшифрованы. Хочу отметить важный вклад лексикографа Ирины Алексеевны Васюковой, зав. отделом лингвистики научного издательства «Большая российская энциклопедия», которая дополнительно тщательно вычитала диалоги Ю.А. Бельчикова и В.С. Елистратова и внесла в них необходимые уточнения.

Часть третья представляет собой полный текст последней прижизненной статьи профессора Ю.А. Бельчикова «*К 120-й годовщине со дня рождения академика В.В. Виноградова*». Она была опубликована в издании «Вестник Московского университета» (Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация) — в № 1 «Вестника» за 2015 год.

Часть четвёртая «*Ю.А. Бельчиков о русском языке и речи, о языковедении*» имеет библиографический характер и состоит из двух разделов. Первый раздел — «*Перечень основных научных трудов Ю.А. Бельчикова*» — по объёму невелик: в него А.Ю. Бельчиков из 613 научных публикаций отца включил особые книги. Цитирую слова Александра Юльевича: «Отец их упоминал в ряду тех работ, которыми он по праву гордился сам». Второй раздел — «*Избранные отрывки из книг и статей Ю.А. Бельчикова*» составлен мной при участии уважаемых рецензентов книги. В какой-то мере сделанная выборка может показаться субъективной и, разумеется, неполной. Однако наша цель была иной: отнюдь не создать в одной небольшой книжечке мини-антологию трудов профессора Ю.А. Бельчикова,

а представить лишь некоторые запоминающиеся примеры высказываний Юлия Абрамовича о русском языке и родной речи, в первую очередь — прикладного и просветительского характера.

В конце этого раздела приведу слова А.Ю. Бельчикова о судьбе книжного собрания отца: «Будучи потомственным филологом и преподавателем, верным своему делу, Юлий Абрамович в конце жизни передал свою личную библиотеку в дар Научной библиотеке МГУ и специально в отдел редких книг».

Завершает книгу небольшой раздел «Приложение», для которого А.Ю. Бельчиков отобрал некоторые фотографии и документы из большого семейного архива. На двух редчайших фотографиях 1951 года запечатлены моменты научной консультации, которую проводил академик В.В. Виноградов для своего молодого дипломника Юлия Бельчикова. Эта работа начинающего исследователя была отмечена учёным советом МГУ в качестве одного из лучших дипломов 1951 года (уже в 1954 году Юлий Бельчиков успешно защитил кандидатскую диссертацию, выполненную под руководством В.В. Виноградова). Одну из этих фотографий, важных для всей истории отечественной русистики, мы с составителями книги решили разместить на её обложке. В раздел «Приложение» мы с Александром Юльевичем отобрали также и несколько фотографий профессора Ю.А. Бельчикова из архива ГЛЭДИС.

13 февраля 2022 года выдающемуся учёному-русисту, доктору филологических наук, профессору МГУ имени М.В. Ломоносова, старейшему члену правления нашей гильдии ГЛЭДИС Юлию Абрамовичу Бельчикову исполнилось бы 94 года.

13 февраля 2013 г., в день 85-летия профессора Ю.А. Бельчикова, как руководитель Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам я вручил юбиляру коллективно сочинённый адрес-поздравление правления ГЛЭДИС, в котором были такие искренние строки:

«Дорогой и вседушевновспоминаемый Юлий Абрамович!

Правление Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), в состав которого Вы вошли одиннадцать лет назад, оказав нам огромную честь, поздравляет Вас с юбилеем!

Благодарим Вас за Ваши прекрасные книги, по которым все мы учились постигать тайны бытия русской лексики и фразеологии, загадки практической стилистики современного русского языка и пути их решения, учились объективно относиться к дискуссионным проблемам русистики! Скольких филологов разных поколений Вы научили любить профессию, бережно относиться к культуре и истории Отечества!

Как талантливый исследователь, Вы, досточтимый Юлий Абрамович, многих увлекли интересом к нерешённым проблемам культуры русской речи, истории и современного состояния русского языка, литературного редактирования, лексикографии, языка СМИ.

И это мы считаем Вашим неоценимым вкладом в сохранение классических традиций отечественной филологической науки, воспринятых Вами от Вашего великого учителя — академика Виктора Владимировича Виноградова.

Благоуважаемый Юлий Абрамович! Ваш тонкий ум и уникальные энциклопедические знания, погружённость в науку и открытость учёного, внимание и искренняя любовь к людям определили Ваше лидерство в научном сообществе и особый авторитет в исследованиях по современной русистике.

Новое поколение экспертов-лингвистов ГЛЭДИС, осваивая такую непростую филологическую специализацию, с почтением и пользой держит на рабочем столе методическое пособие нашей Гильдии 2010 года по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ (выполненное по заказу Роскомнадзора), в котором ключевое место занимает Ваш важный научный очерк под названием "Лингвистические экспертизы и интерпретация, истолкование текста (герменевтика)".

Низкий Вам поклон!».

3 декабря 2018 года блестящего мэтра лингвостилистики, лексикологии и культуры речи, старейшего члена правления ГЛЭДИС, стоявшего у самых её истоков, не стало...

Раб Божий Юлий покинул сей бренный мир и ушёл в жизнь вечную.

Светлая память нашему доброму и мудрому наставнику, заботливому старшему другу и деятельному соавтору наших экспертиз и книжных изданий, выдающемуся русскому языковеду и педагогу Юлию Абрамовичу Бельчикову!

У Бога все живы!

*М.В. Горбаневский,
профессор, доктор филологических наук,
председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)*

Часть 1. «Легенда русской лингвистики и педагогики»

Автор трёх очерков-эссе о Юлии Абрамовиче Бельчикове — доктор культурологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В.Ломоносова В.С. Елистратов. Они были написаны и опубликованы в 2003, 2008 и 2013 гг. к юбилейным датам в жизни профессора Ю.А. Бельчикова.

Юлий Абрамович относится к тем, кто — в полном смысле этого слова — живёт наукой. И настоящая наука живёт именно в творчестве таких учёных, как Ю.А. Бельчиков.

Наверное, всё-таки древние греки были правы, что существует некий Эрос Науки, сила, притягивающая студентов, аспирантов, уже сложившихся исследователей к вечному поиску законов бытования Слова. И этот Эрос Науки исходит в конечном счёте от человека, от Личности, а не от диссертаций и монографий.

Личность Ю.А. Бельчикова уникальна. Вокруг него всегда люди, потому что с ним очень хочется общаться. Он как бы окружён неким полем. Полем — не только бесконечной эрудиции, творческой мысли и научного диалогизма, но и добра, доброжелательности, юмора. Многолетняя научно-педагогическая биография Юлия Абрамовича чрезвычайно плодотворна и — при всём почти невероятном разнообразии и многоцветии — цельна, выдержана в единой творческой тональности. Может быть, дело в том, что у Юлия Абрамовича был настоящий учитель, о котором каждый из нас мог бы только мечтать, — В.В. Виноградов.

Ещё в студенческие годы под влиянием академика Виноградова Ю.А. Бельчиков определяется в той научной стратегии, которая в дальнейшем даст ему возможность, рассматривая широчайший спектр научных проблем, тем не менее сводить их в единый гармонический и в высшей степени плодотворный фокус. Можно было бы определить эту стратегию-фокус следующим образом: диалектика диахронии и синхронии русского языка, поиск тех ключевых параметров (механизмов, законов и т.д.), которые делают бесконечно развивающийся (подчас стремительно, революционно) язык цельным, единым, сохраняющим преемственность и стабильность. Поиск общего в частном, «аналогии» в «аномалии», «вечного» в «преходящем».

Уже начиная с дипломной работы «К изучению общественно-политической лексики В.Г. Белинского», отмеченной Учёным советом МГУ среди лучших дипломов 1951 г., и далее — к кандидатской диссертации (1954), выполненной под руководством В.В. Виноградова, и диссертации докторской («Вопросы соотношения разговорной и книжной лексики в русском литературном языке второй половины XIX столетия», 1974 г.) — найденная Юлием Абрамовичем стратегия научного поиска расширяется, углубляется, оттачивается. Этот процесс ясно отражён в многочисленных статьях, монографиях, выступлениях (Ю.А. Бельчиков автор более 600 научных работ). Первая публикация Ю.А. Бельчикова состоялась в № 1 «Вестника Московского университета» за 1953 г.

Юлий Абрамович обосновывает ряд очень продуктивных идей: о публицистичности как одной из доминант развития русского языка послепушкинского периода; о взаимодействии литературного языка и народно-речевой стихии, определившем в конечном счете фарватер развития русского языка второй половины XIX в.; о функциональных стилях как многомерной системе; об органической связи современных тенденций развития языка с пушкинской реформой; о теоретических основах ортологии как научной дисциплины о правильности речи; о словах-концептах, являющихся некими константами исторического развития лексики русского языка. Данный ряд можно было бы продолжить.

Все эти идеи Ю.А. Бельчиков (не могу сказать — «излагает») обсуждает, проговаривает в «равном» диалоге и — соответственно — развивает со студентами, аспирантами, магистрантами и соискателями в своих базовых курсах и спецкурсах: «Современный русский язык», «Стилистика русского языка», «Ортология», «Введение в языкознание», «Общее языкознание», «История лингвистических учений», «Общая лексикография», «История русской лексикографии», «Из истории русского языкознания: В.В. Виноградов», «Вопросы соотношения языка и культуры в русской филологической традиции» и многих других, перечень которых занял бы ещё немало места.

Юлий Абрамович работал преподавателем и доцентом на факультете журналистики МГУ, профессором Института русского языка имени А.С. Пушкина и директором филиала ИРЯП в Праге, профессором факультета иностранных языков МГУ. «Послужной список» профессора Бельчикова впечатляет. «География» его научно-педагогической деятельности — от Чехии до Франции, от Монголии до Финляндии. Юлий Абрамович награждён многими медалями («Ветеран труда», медалями Й. Юнгмана, Пражского университета, университета им. Э. Пуркене в Брно и др.).

Широко известны в лингвистическом мире фундаментальные труды Ю.А. Бельчикова: «Русский литературный язык во второй половине XIX в.», «Лексическая стилистика: проблемы изучения и обучения», «Словарь паронимов русского языка» (в соавторстве с М.С. Панюшевой), «Г.И. Успенский», «Интернациональная терминология в современном русском языке», «*Stilistika sovremennogo ruskogo jazyka. Lekcii*» (издано Карловым университетом), «*Russian readings for close analysis. With grammatical materials and tables*» (совместно с проф. Ч.Е. Таунсендом), «Стилистика и культура речи», «Русский литературный язык: стилистика, лексика, история» и др. Всё это — фундаментальные исследования, уже ставшие неотъемлемой частью классической русистики, и ещё шире — филологии XX-XXI вв.

Ю.А. Бельчиков — член Научного совета «Русский язык» РАН, Комиссии по научному наследию академика В.В. Виноградова, Союза журналистов и Союза писателей Москвы, совета и редсовета Общества любителей российской словесности, ряда

редколлегий, диссертационных советов, действительный член Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам. И дело здесь, конечно, не в «членствах» и «званиях», а в неутомимой жажде деятельности, служения науке, языку, людям.

Юлий Абрамович — человек «неформальный» в принципе. Рутинка, шаблон, официоз, «административный этикет» — все это не для него. Главное, пожалуй, человеческое качество Юлия Абрамовича — доброта и отзывчивость к людям. И эта доброта и отзывчивость сочетаются в нём с почти невероятной в наши нервные времена гармоничной уравновешенностью, которая была присуща легендарным древним мудрецам...

Профессор В.С. Елистратов, 2003 г.

Кажется, Корней Чуковский как-то сказал: «В России надо жить долго». Впрочем, слова эти «интеллигентская молва» приписывает многим выдающимся деятелям нашей культуры. И не случайно. Потому что в них есть глубочайший смысл. Маятник российской истории обладает колоссальной амплитудой.

Собственно говоря, жизнь в России — череда волшебных превращений. Мистерия, разыгрываемая по диалектическим законам то ли Гегеля, то ли китайской «Книги перемен». Одни крайности с невероятной быстротой, за каких-то два-три десятилетия, переходят в другие крайности, верх становится низом, левое — правым, доброе — злым, бесконечно ценное — обесцененным. И наоборот.

И только мудрый человек, долго и внимательно смотрящий «вживую» этот завораживающий спектакль, эту непрекращающуюся трагикомедию, может схватить суть происходящего.

И ещё. Поэт Иосиф Бродский любил повторять, что в России меняется всё, кроме языка. Идеологии, одежда, архитектура — всё это, в общем-то, «бренно». А вот русский язык при всей изменчивости речевых его реализаций остается «неизменным и шарообразным».

Выражаясь терминологией античных элеатов, русский язык — это «Алетейя» России, её бессмертная Истина, всё остальное — «докса», смертное «мнение». Да, у нас появилось слово «тимбилдинг» и умерло слово «бердыш»... Но, как и тысячу лет назад, русские свои самые сокровенные, интимные мысли продолжают выражать безлично («что-то мне взгрустнулось»), общаться с Богом с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов («Боженька») и посессивность определять как-то стыдливо-расплывчато-эвфемистически («у меня есть машина»). И это — проявления-мерцания нашей скрыто-неистребимой константы, бессмертной Алетейи, нашего национального сознания.

Юлий Абрамович Бельчиков — счастливый человек, потому что уже, слава Богу, «живёт долго» (по Чуковскому) и всю жизнь изучает самое главное (по Бродскому) — русский язык.

Он всю свою жизнь, как учил Конфуций, «вглядывается в дао». В дао русского языка, а значит, и России в целом.

Диапазон научных интересов Юлия Абрамовича Бельчикова огромен. И во временной перспективе, и тематически. Важнейший знак: его труды переиздаются и неизменно вводятся в учебные планы самых разных дисциплин как обязательные.

Если перефразировать знаменитое высказывание Андрея Платонова: «Без меня народ неполный», — можно смело заявить: «Без Юлия Абрамовича Бельчикова филология неполная».

В настоящее время Юлий Абрамович Бельчиков — профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, который читает студентам, аспирантам, магистрантам и соискателям «обескураживающее» по своему разнообразию количество курсов. А за его плечами факультет журналистики МГУ, Институт русского языка им. А.С. Пушкина, филиал ИРЯП в Праге... Вообще, выражаясь фривольно, Юлий Абрамович «наследил»... от Финляндии до Монголии. Но Таким Людям позволено.

Повторю ещё раз: Юлий Абрамович — счастливый человек. Он был учеником Виктора Владимировича Виноградова, он общался с такими людьми, как Петерсон, Реформатский, Лихачёв, Ахманова... Мне посчастливилось брать интервью у Ю.А. Бельчикова, и он перечислил тех людей, с которыми свела его судьба.

Это был впечатляющий «реестр». И ещё раз я вслед за Чуковским подумал, что в России «надо жить долго». Но и это лишь «штрих к портрету» Юлия Абрамовича, потому что до конца охватить всё, что продумано, пережито и осмыслено этим человеком, прожившим целую эпоху, практически невозможно.

Юлий Абрамович — человек глубоко неформальный по своей сути. Его всегда окружают живые люди (опять же студенты, магистранты, аспиранты, докторанты, коллеги), с которыми он готов проводить многие часы. Он невероятно щедр и доброжелателен. И это настоящий признак того самого мудреца, который умеет по-настоящему «вглядываться в дао» и, как сказал поэт, охватывать «единым взглядом совокупность всех вещей»...

Профессор В.С. Елистратов, 2008 г.

Юлий Абрамович Бельчиков — в полном смысле этого словосочетания — живая легенда. Живая легенда русской лингвистики и педагогики.

Ю.А. Бельчиков «начался» как учёный ещё на студенческой скамье. Его курсовая работа «Из истории слова “мещанин”» была выбрана из сотен других Виктором Владимировичем Виноградовым и рекомендована к печати.

Если изучить список публикаций Юлия Абрамовича (их счёт ведётся на сотни, сотни и сотни), обнаруживаешь такую закономерность: их становится больше с каждым годом. Поразительно, но это особенно относится и к самым последним годам. Ю.А. Бельчиков прежде всего человек удивительного трудолюбия и удивительной широты научных интересов.

В истории античной философии известно легендарное имя греческого грамматика Дидима из Александрии. Труды его не сохранились, но, судя по ссылкам на него других авторов (сейчас это называется «индекс цитирования»), Дидим — автор примерно 3500 научных разработок. Считается, что это рекорд всех времен и народов.

Но, набрав в современном интернет-поиске имя Ю.А. Бельчикова, невольно, как К.С. Станиславский, говоришь этому античному Дидиму: «Не верю!»

Дело, конечно, не в количестве публикаций. Дело в огромной, активнейшей востребованности текстов профессора Ю.А. Бельчикова. Практически всё, что он печатает, тут же переиздается. Говоря разговорным языком (по которому, кстати сказать, Юлий Абрамович — один из видных специалистов), профессор Бельчиков — «нарасхват». И в научном обиходе, и на книжном рынке.

Ю.А. Бельчиков — ученик академика Виктора Владимировича Виноградова. Очень важно отметить, что Ю.А. Бельчиков не просто продолжает дело В.В. Виноградова, развивая его идеи, Юлий Абрамович последовательно развивает именно «стратегические векторы» виноградовской школы — диалектику соотношения письменной и устной речи, диахронии и синхронии, динамики и «статики» нормы языка, преемственности и развития в языкознании, «анalogии» и «аномалии» (один из главных споров в Античности!) в русском языке.

И выясняется, что в нашу так называемую цифровую, постиндустриальную, информационную и т.д., и т.п. эпоху виноградовская методология не просто «применима» и «работает» — она является в высшей степени эффективной. О чём бы ни писал Ю.А. Бельчиков — о стиле В.М. Шукшина или об интернационализмах, о стилистике «Реквиема» А.А. Ахматовой или о разговорной лексике в научном тексте, — он последовательно и неустанно доказывает эту эффективность.

За плечами Ю.А. Бельчикова большая интересная и разнообразная жизнь.

Он был знаком с Ахмановой, Розенталем, Петерсоном, Реформатским, Лихачёвым...

В настоящее время профессор Бельчиков трудится на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, на кафедре лексикографии и теории перевода. За годы работы на факультете он читал и читает самые разные курсы и спецкурсы, плодотворно работает со студентами, магистрантами, аспирантами и соискателями.

Невероятной доброжелательностью, чувством юмора, щедростью, чуткостью, деликатностью, подлинной мудростью (прямо по толкованию из словаря С.И. Ожегова — «глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт») — всеми этими качествами наделён Юлий Абрамович. И вокруг него всегда царит очень специфическая атмосфера: вроде бы легко, просто, весело и беззаботно, но чувствуешь, что соприкасаешься с чем-то очень-очень глубоким и важным, может быть, с самым важным в жизни.

Однажды нам довелось случайно услышать диалог одного преподавателя нашего факультета с китайской магистранткой:

- Что у вас сейчас? — спросил преподаватель.
- Лекция Бельчикова.
- Ну и как... пойдёте?
- Конечно! Ведь он же — Будда...

Профессор В.С. Елистратов, 2013 г.

Часть 2. «В назначенный им срок я пришёл к Виноградову в Большой Афанасьевский переулок...»

Воспоминания профессора Ю.А.Бельчикова об истории его семьи, о годах учёбы и работы в МГУ имени М.В. Ломоносова, об академике В.В. Виноградове, о наставниках и коллегах, о некоторых непростых или малоизвестных страницах истории советской филологии были записаны профессором В.С. Елистратовым на диктофон в форме диалогов и бесед в 2003 и 2004 гг.

В.Е. *Юлий Абрамович, давайте начнём, что называется, ab ovo ... с детства... Ведь всё начинается там...*

Ю.Б. Действительно, всё начинается в детстве... И конечно, моё пристрастие к истории — не только гражданской, но и к истории литературы, вообще к истории культуры, тяга к отечественной словесности — всё это начало складываться в детстве, в отроческие годы, в семье... Как-то торжественно получилось... Наверное, повлияла ваша фраза об «ab ovo»... А если перевести разговор в бытовую плоскость, то всё было довольно обычно, как во многих семьях.

Бабушка и мама были влюблены в русскую литературу, бабушка знала наизусть массу замечательных стихотворений, обе с увлечением читали историческую прозу. Очень часто (это одно

из детских впечатлений) по вечерам или ближе к вечеру происходило громкое, вернее, негромкое чтение какого-нибудь романа или повести из русской истории. Читали по очереди (вот тогда я и приохотился к чтению). Я даже составил список царей и цариц из дома Романовых, чтобы легче было ориентироваться в перипетиях XVIII в. Меня очень интересовали и полководцы, вообще военные: от Александра Невского до героев (как тогда говорили) Гражданской войны. В одном из исторических романов встретилось выражение «охота пуще неволи». Я долго не мог его понять, осмыслить. Может быть, тогда и стал внимательнее относиться к словам, к их смыслу, намёкам, что таят они в конкретном тексте.

С возрастом, точнее сказать, с моим возрастанием всё больше меня интересовали биографии писателей — по мере чтения «изящной словесности», Пушкина, Лермонтова, других русских классиков. Я долго находился под громадным впечатлением от «Детства Никиты» Алексея Толстого. Очень нравилась трилогия Л.Н. Толстого.

Бабушка ещё любила театр, особенно МХАТ. Когда я подросток, с громадным удовольствием ходил с ней в театр. Так, благодаря ей я застал почти всех мхатовских «великих стариков». А с мамой ходил в Большой. Посчастливилось до войны прослушать практически весь его оперный репертуар. Первая опера, которую я слушал (в филиале Большого), — «Мазепа» Чайковского. Мне было тогда лет семь. После спектакля мы шли из театра с певицей, исполнявшей партию Марии, — маминой приятельницей. Она спросила, что больше всего мне понравилось в спектакле. Я чувствовал, что то, что мне понравилось, не то. И промолчал. Но после подбадривания мамы чистосердечно признался: «Лошадь» (которую выводили на сцену). По реакции взрослых я понял, что опасения о неуместности моих впечатлений — увы — оправдались.

В семье был культ книги. Особенно трепетное отношение к ней определялось ещё и тем, что мой дядя Иван Фёдорович Бельчиков был увлечённым библиофилом. Он занимался художественным и техническим редактированием книжных изданий. У него на эту тему вышло несколько монографий. Иван Фёдорович интересно рассказывал об оформлении книг,

показывал на конкретных экземплярах и секреты оформления, и разные манеры современных художников книги. Он говорил шутя: когда меня спрашивают, почему занимаюсь книгой как произведением полиграфического искусства, я отвечаю: потому что я — Иван Фёдоров сын. Его библиотека напоминала музей книги. В ней были интереснейшие раритеты, редкие и по году издания, и по оригинальности.

Наибольшее влияние на формирование моих гуманитарных интересов оказал старший дядя, Николай Фёдорович Бельчиков. Он был литературоведом, и довольно известным. В частности, дядя во многом упорядочивал моё чтение. К примеру, по его настоянию ещё до войны я прочитал «Биографии» Плутарха. А когда он работал над книгой о Шевченко (в тридцатые годы), я читал стихи Кобзаря, плакал над тяжкой, горькой судьбой шевченковской Катерины.

Когда я уже был студентом, летом, после второго курса, дядя привёз на дачу павленковское издание собрания сочинений Писарева и сказал, чтобы я нашёл одно место, которое процитировал Плеханов (это так называемая глухая цитата). Дядя готовил к изданию сборник статей Плеханова. Лето, мне едва двадцать... Страшно не хотелось корпеть над «умственными текстами». Однако постепенно Писарев, что называется, взял меня в плен и я с увлечением проглатывал страницу за страницей. И тогда впервые, наверное, обратил внимание на язык публицистического текста. Во всяком случае именно тогда я выписывал фразы из Писарева длиной в 200–240 (!) слов. Не помню, нашёл ли я ту злополучную цитату или нет, но Писарева прочитал! С тех пор запомнилась мне его статья, скорее, брошюра «Умственный пролетариат». Примеряя к себе этот «термин», я стал называть себя «полуумственный пролетарий» — ведь нельзя же равнять себя с высоколобыми разночинцами середины XIX в.! Ещё понравилась мне тогда афористическая фраза Писарева: «Хотя Платон и был основателем платонической любви, но сам любил направо и налево». Эту фразу Писарев произнёс (вернее, написал) в связи с изложением известной теории о делении людей на «творцов», которые свободно отступают от собственных теорий, установлений, и эпигонов, «строго блюдушщих» букву учения «творца».

В.Е. *И вот в такой профессорской среде Вы развивались?*

Ю.Б. Я не могу сказать, что это была профессорская среда. Мои родители — врачи. Профессором был только старший дядя. Был и третий дядя, Александр Фёдорович. Он попал в мясорубку конца тридцатых годов. Так и сгинул в сталинских лагерях. Это наша общая, всей семьи, непроходящая боль.

Мой интерес к истории, к литературе поддерживался и домашними разговорами, и чтением исторических романов (об этом я уже говорил), и тем, что меня поощряли запоминать исторические даты... Меня часто среди разговора о прочитанном спрашивали, а когда точно было то или иное событие или когда правил Иван Калита... А Борис Годунов? Помню, каким громадным событием было для меня «историческое» открытие: оказывается, совсем рядом, на месте соседнего дома (дома № 8 по Савельевскому переулку, на Остоженке), находился дом, в котором некоторое время снимал квартиру Белинский! Я страшно гордился таким соседством.

В.Е. *Совпало... Совпало...*

Ю.Б. Совпало. И наверное, не случайно (если верить разной там «паралогии»), что кандидатская диссертация моя была о Белинском (о его языке).

В.Е. *Но нам, наверное, лучше всё же вернуться к началу?*

Ю.Б. Короче говоря, уже в старших классах и когда я закончил школу, двух мнений не было: я давно определил себя на филологический факультет университета. Тем более что, ещё будучи школьником, я посещал лекции в Московском университете и Политехническом музее.

В.Е. *Это были какие годы? Давайте определимся хронологически.*

Ю.Б. Это 1944–1946 гг. Мне очень нравились лекции, которые устраивало общество «Знание» (тогда оно называлось иначе, длинное название было — «Общество по распространению политических и научных знаний»). Я ходил и в университет на лекции для студентов. (Говоря: «Университет», я имею в виду Московский университет имени Ломоносова — МГУ: тогда в Москве был один университет, хотя Солёный из «Трёх сестёр», как Вы помните, и утверждал, что «в Москве два университета». Не как сейчас... чуть ли не два десятка «университетов».)

Большое впечатление на меня производили лекции таких профессоров, как А.К. Дживелегов, А.А. Аникст и особенно М.М. Морозов. Лекции Михаила Михайловича Морозова о Шекспире — это был целый спектакль. В лицах... Он читал наизусть (иногда давал как бы зеркальные тексты по-английски и по-русски, в основном при сравнении оригинала и русского перевода, для уточнения смысла шекспировского текста...) монологи шекспировских героев, сопровождая это чтение литературоведческими и культурно-историческими, как сейчас сказали бы, комментариями. Отелло в его интерпретации, исполнении был действительно средневековым мавром и в то же время — глубоко уязвлённым в своих благородных и нежных чувствах человеком. По ходу изложения Михаил Михайлович сообщал интереснейшие детали, «околошекспировские» что ли, в частности, в связи с театральной «историей» шекспировских пьес. Так, он рассказал, как Ваграм Папазян (это один из лучших Отелло на советской сцене) спросил однажды исполнительницу роли Дездемоны, будет ли она в парике или без. «А почему Вы об этом спрашиваете?» — «Если без парика, то я Вас буду таскать по сцене за волосы...» А полемика с английскими литературоведами в защиту их же классика, «в защиту Шекспира», его «единственности» и подлинности... Логика тезисов и доводов профессора Морозова была неопровержима, во всяком случае её разделяли все слушатели переполненной громадной Ленинской аудитории в университетском здании на Моховой.

Эти профессора... они были такие разные — при их общей увлечённости литературой. Алексей Карпович Дживелегов — по-театральному (в самом хорошем смысле) торжественно-величавый и тонко ироничный, как будто испанский гранд, сошедший с полотен времён Ренессанса.

Морозов — импульсивный, как ртуть, очень эмоциональный и в то же время точный в формулировании основных положений лекции.

Аникст производил впечатление сдержанного, с сильным темпераментом и глубоко ироничного человека. На язык ему лучше не попадайся... Во всяком случае, и Мильтона, и Свифта он преподносил очень лично, если так можно сказать, как бы пропустив их язвительность через себя.

С громадным интересом слушал я лекции и по истории, в основном русской. Запомнились мне лекции профессора В.К. Базилевича, академика В.И. Пичеты (особенно его неторопливая повествовательная манера мудрого исследователя и истолкователя прошлого), профессора Е.А. Косьминского (он тоже был академик). Его лекции отличались изяществом изложения, остроумием, точным анализом социальных ситуаций Англии Средних веков и XVII в. Он умел к месту воспроизвести какое-нибудь свидетельство исторического деятеля, всегда яркое по форме, острое или шутовское, благодаря которому конкретное событие далёкой эпохи, как бы освещённое изнутри, становилось понятнее... и даже ближе. Очень эмоционально читал лекции чешский историк профессор Зденек Неедлы. Своеобразна была манера чтения лекций у академика Б.Д. Грекова. Масса интересных фактов... В то же время он всем своим видом показывал, что всё, о чём говорит, ему уже давно известно. Ну, уж ладно, я вам, так и быть, расскажу...

Незабываемы лекции Валентина Фердинандовича Асмуса по истории философии (позже, уже студентом первого курса, я слушал его лекции по логике). Лекции Асмуса остались для меня непревзойдённым образцом высокой науки, строгой логичности и относительной простоты изложения. Ясная логика мысли (разумеется, при известной подготовленности слушателя) создавала условия (если, конечно, внимательно слушать) для понимания устного текста, увлекала самим содержанием излагаемого материала и — не побоюсь этого слова — радостью познания нового для тебя «прозрения»: вот здорово — так сложно, мудро — и дошло!

На первом курсе мне посчастливилось сдавать экзамен по логике Валентину Фердинандовичу у него дома. Тогда он жил на Зубовском бульваре, второй дом от угла Кропоткинской. Кабинет Асмуса — небольшая комната, метров пятнадцать-восемнадцать, весь в стеллажах. На небольшом письменном столе (Валентин Фердинандович предложил мне сесть на жёсткое удобное кресло у стола) лежали раскрытые («в работе») книги — как я смог разглядеть, на немецком, французском языках. Для меня это было очень значимо и значительно. Сейчас стало обыденным делом

пользоваться литературой на других языках, а тогда, в сороковые годы, это были редкие остатки былой, высокой культуры!

Хозяин кабинета, как всегда, был строго подтянут, только вместо официального пиджака на нём был домашний, видимо, чесучовый пиджак, да глаза как-то изучающе-иронично поблескивали. Со мной Валентин Фердинандович был официален, но это была официальность профессора — строго доброжелательная. Единственный раз его лицо осветилось, можно сказать, нежной улыбкой, когда он сгонял своего пса Петрушку, взгромоздившегося на диванчик, с книг, лежавших там.

В.Е. *Это Вы о середине сороковых годов говорите?*

Ю.Б. Да. Сорок четвёртый — сорок седьмой. Я окончил школу в сорок шестом году и поступил в университет, на русское отделение филологического факультета. А до этого я, как уже говорил, ходил в Политехнический, в университет на лекции.

Лекции, вернее, их содержание (да в таком исполнении!)... Меня это очень увлекало и, конечно, способствовало развитию интереса к литературе, к науке о литературе, к истории.

Интерес подогревался ещё и посещением литературных вечеров, которые довольно часто проводились в сороковые годы, после войны. Это было продолжением своего рода традиции, сложившейся в Москве ещё в предвоенные годы.

Дядя часто приносил приглашительные билеты на вечера, посвящённые писателям, литературным юбилейным датам и т.п. С особым интересом бывал в ЦДЛ — тогда он находился в старинном особняке на Поварской, рядом с правлением Союза писателей. Там я «живьём» (вживую, как сейчас сказали бы) видел (и не один раз) Фадеева (почему-то он почти всегда был с очень красным лицом), Суркова (в модном по тем временам долгополом пиджаке — и тоже почти всегда с сосредоточенно-красной физиономией), Тихонова, Твардовского, Федина, Вишневского... в общем, весь цвет тогдашней советской литературы. Слушал выступления Маршака — он почему-то казался каким-то смущённым, оторопелым, когда выступал; Эренбурга — говорил он всегда интересно, мудро, вместе с тем манера его общения с аудиторией мне не совсем нравилась: какая-то ленивая (он говорил как бы нехотя, будто из необходимости, не всегда чётко

произносил фразы) и вытянутая, выпяченная «от природы» нижняя губа дополняла впечатление некоторой высокомерности. Но, повторяю, всё, что говорил Илья Эренбург, было исключительно интересно и значимо! При общей правильности, я бы сказал, безупречности речи Эренбург почему-то произносил «сороко́вые годы». Очарователен в буквальном смысле слова в общении с аудиторией и, так сказать, в межличностном общении был писатель-генерал Алексей Алексеевич Игнатьев (автор нашумевших перед самой войной мемуаров «Пятьдесят лет в строю») — блистательный военный, дипломат в прошлом, крупный, громадного роста... и между тем элегантен, изыскан в манерах, предупредителен, неизменно приветлив (сказывалось его графство)... и прекрасный рассказчик.

Тогда же впервые я увидел и услышал Ираклия Луарсабовича Андроникова: он рассказывал свою новеллу о грузинском генерале. Запомнилось его выступление на юбилее Самуила Яковлевича Маршака. Андроников рассказал смешной случай, связанный с его талантом имитатора речи других (так можно, наверное, назвать его жанр устного рассказа). Ираклий Луарсабович вспоминал, как он был у Маршака. Во время беседы раздаётся телефонный звонок. Андроников берет трубку. Звонил кто-то из общих знакомых, он просит к телефону Маршака. Самуил Яковлевич говорит со звонившим, естественно, «своим голосом», но его телефонный собеседник был уверен, что с ним голосом Маршака говорил Андроников, и осыпал Ираклия Луарсабовича комплиментами — как, мол, тот здорово копирует Маршака. Всё это было преподнесено Андрониковым в его неповторимой остроумной, живой, динамичной манере под общий хохот присутствующих. Юмористичность рассказанного Андрониковым усугублялась той милой непосредственностью, с которой на всё это реагировал юбиляр, подтверждая рассказ Андроникова. Много позже, кажется, в шестидесятые годы, мы познакомились у Виноградовых.

Ираклий Луарсабович очень серьёзно, я бы сказал, трепетно относился к своим выступлениям. Однажды он с огорчением и упреком что ли посетовал на излишнюю строгость редактора радио, когда его заставили при записи передачи повторить часть

фразы, потому что он на каком-то слове сделал ударение вполне нормативное, но оно расходилось с рекомендацией, требованием «Словаря ударений для работников радио». Ещё мне запомнилась такая «бытовая» сценка: мы были у Надежды Матвеевны, вдовы В.В. Виноградова, на одном из дней памяти Виктора Владимировича. Надежда Матвеевна всегда угощала исключительно вкусными пирожками. Случилось так, что все гости почему-то перешли в другую комнату, и мы с Иракием Луарсабовичем остались одни за столом. Перед этим Вивьена Абиевна (жена Андроникова) очень деликатно остановила его попытку взять очередной пирожок. Воспользовавшись отсутствием строгого надзора его жены, я предложил Андроникову «проглотить» два-три пирожка, тем более что они были миниатюрные. «Нет, нет, не надо, — сказал он, — завтра мне выступать. А когда съешь лишнего, во время выступления корпускулярность не та будет». Андроников свой дар имитации применял не только в «юмористических целях». Однажды к нему обратились из Дома звукозаписи помочь восстановить фонограмму исполнения Яхонтовым стихотворения, кажется, Маяковского. По какой-то причине оказался дефектным небольшой участок этой фонограммы. И Иракию Луарсабовичу предстояло восполнить голосом Яхонтова недостающий кусок звучащего текста. При контрольном прослушивании фонограммы Яхонтова имитация Андроникова была практически незаметна, не ощутима на слух.

Рассказывая о своей поездке в Японию, Иракий Луарсабович вспомнил один лингвистический казус, который произошёл с ним во время общения с японцем — работником местного радио, хорошо говорившим по-русски. Андроникова, воспользовавшись его пребыванием *(в Японии. — В.Е.)*, работники радио попросили прочитать — для записи — текст из Достоевского. Пришлось приезжать на радио несколько раз. Сопровождавший его японец всякий раз при входе в метро говорил: «Вам надо купить бирет». Андроников не понимает, почему ему надо покупать берет, когда он в шляпе. И только потом он понял, что японец имел в виду не берет, а бирет для проезда в метро *(то есть билет; причина казуса — отсутствие в японском языке звука «л». — В.Е.)*.

Когда я учился в девятом и десятом классах, дядя давал мне приглашения на научные заседания в ИМЛИ (*Институт мировой литературы. — В.Е.*), в Литературный музей, ВТО (*Всероссийское театральное общество. — В.Е.*). Я с удовольствием присутствовал на таких заседаниях. Мне всё было интересно. Особенно информация о новых архивных материалах, разные толкования текстов Пушкина, Лермонтова, других классиков, текстологические наблюдения.

В.Е. А кто ещё из таких известных людей Вам на глаза попадался?

Ю.Б. Были у меня мимолетные контакты с Рихтером. Да-да... с великим Святославом Теофиловичем...

Та встреча, о которой я хочу рассказать, произошла в Большом зале Консерватории на концерте Клиберна в его второй приезд после триумфальной победы на конкурсе Чайковского. Я с большими трудностями, но всё же проник в Большой зал. В партер не пустили, пришлось подыматься на балкон. Удалось притулиться у задней стены. Огляделся... И совсем рядом, человека через два от меня, стоит... Рихтер. Я неуверенно поклонился. Он ответил. Увидев Рихтера рядом, я совершенно успокоился: раз здесь, за последним рядом балкона Рихтер (!), значит, я не так уж далеко от сцены. В антракте, когда все выходили в фойе, я посторонился, чтобы пропустить Рихтера и его спутника. Рихтер приглашающим жестом предложил мне присоединиться к ним. Собственно говоря, я не об этом хочу рассказать, а о том, что говорил Рихтер, прохаживаясь в фойе. Это очень интересно и даже... знаменательно. Он делился своими впечатлениями от первого отделения (примерно так): «Клиберн — молодец, он не боится публики. А я боюсь публику. Когда выхожу на сцену, стремлюсь как можно быстрее к роялю. Мне нужно какое-то время посидеть перед раскрытой клавиатурой, прежде чем взять первые аккорды. Вот почему я люблю выступать в Москве или Ленинграде. Здесь публика терпеливая, она ждёт».

Когда дали звонки на второе отделение, Рихтер неожиданно стал перебираться в ложу, ловко и смело (я бы сказал) перешагивая через барьеры балкона и соседней ложи. Старушка-билетёрша, поначалу не узнав нарушителя порядка, пыталась довольно резко пресечь «такое хулиганство», но, увидев, кто «нарушает»,

она с ещё большей эмоциональностью стала умолять Рихтера не делать этого: «Святослав Теофилович! Ради Бога... Вы расшибётесь... Идите через коридор». Но Рихтер был уже в ложе, явно довольный и удовлетворённый своим поступком.

Ещё мне хотелось бы сказать несколько слов о Дмитрие Сергеевиче Лихачёве. Я имел честь и, не скрою, удовольствие быть знакомым с ним, сотрудничать многие годы в комиссии по научному наследию Виктора Владимировича Виноградова. Даже сложилась переписка (правда, не очень большая) с Дмитрием Сергеевичем.

Дмитрий Сергеевич был всегда очень сдержанным в общении, как прирождённый петербуржец. Однако за этой сдержанностью чувствовался темперамент — темперамент личности высоконравственной, выстрадавшей (это сказано мною не ради красного словца, а действительно так было) право на своё независимое мнение, имеющей мужество высказать и отстаивать его!

Одна из императивных идей Дмитрия Сергеевича Лихачёва (и он её неоднократно высказывал) состоит в том, что главное для каждого человека, для формирования нравственно здоровой, цельной личности — выработка самостояния. Это одно из высоких понятий академика Лихачёва и одно из любимых, дорогих для него слов, взятых из почитаемого им Пушкина («самостоянье человека, закон величия его» — кажется, так). Имеется в виду тот нравственный стержень, который не позволяет человеку идти на компромиссы с совестью, даёт силы противостоять лжи, злу, собственной слабости. Он не уставал повторять, что это самостояние чрезвычайно важно воспитывать в себе с молодых лет. Сам Дмитрий Сергеевич прошёл суровую, жестокую школу самостояния именно в молодые годы: в двадцать два года он был арестован и несколько лет провёл в Соловецком лагере.

Нравственное начало было основной движущей силой жизни, поступков Дмитрия Сергеевича. Я помню, как в начале семидесятых годов, после процедуры выборов в «большую» Академию наук, делясь своими впечатлениями об этих выборах, в частности о том, что один довольно плодовитый учёный не прошёл в академики, Дмитрий Сергеевич сказал примерно так:

«Он надеялся на количество своих пухлых трудов, но не учёл, что для учёного, для его признания коллегами не менее важно быть честным человеком, нравственно чистым».

Известен случай, когда именно нравственная позиция академика Лихачёва, его твёрдое слово в поддержку, в защиту одного из своих учеников спасли этого учёного от ареста.

Строгий, академический исследователь русской литературы, Дмитрий Сергеевич был художественной натурой. Эта черта проявлялась не только в изящной стилистической манере его научных работ, но и в его всегда безукоризненном костюме, в со вкусом подобранных аксессуарах одежды.

Вот только один штришок. Дарственную надпись на своей книге «Поэтика древнерусской литературы», адресованную мне («Дорогому Юлию Абрамовичу...»), Дмитрий Сергеевич оформил очень неожиданно и вместе с тем весьма экспрессивно: на форзаце заглавная буква Д изображена в виде башни, напоминающей Адмиралтейскую иглу (на всю высоту страницы), причем верхушка Д оказалась выше облаков, намеченных лёгкими чернильными штрихами.

В.Е. *А что представлял собой филологический факультет, когда Вы учились?*

Ю.Б. Состав студентов был очень взрослый. И на моём курсе (набора сорок шестого года), и на старших курсах основной костяк мужской части составляли фронтовики. Многие ещё ходили в военной (без погон, разумеется) или полувоенной форме, с орденскими планками. Я с уважением относился к этим ребятам. Поражало, как целеустремлённо и, я бы сказал, жадно они учились, стремясь наверстать то время, на которое их оторвала война от изучения литературы, в которую они почти все были влюблены, жили ею. Среди них было много поэтов (во всяком случае пишущих стихи) и прозаики были. Например, на одном курсе со мной учился Григорий (*Цезаревич*. — В.Е.) Свирский — он пришёл в университет с почти законченной повестью; какое-то время учился Дыховичный (*Владимир Абрамович Дыховичный — драматург, поэт*. — В.Е.). А мальчишек со школьной скамьи — вроде меня — было очень мало. На моём курсе — от силы человек пятнадцать.

Серьёзный настрой на добывание знаний и буквально самоотверженное отношение к учению (а надо сказать, студенты тех послевоенных лет жили более чем скромно, питались скудно) были замечены и преподавателями. Одна из преподавательниц латинского языка (а латинисты были самые строгие и на похвалы скупые) говорила, что наш курс её коллеги называли «золотой курс». И действительно, курс набора сорок шестого года дал немало известных учёных, критиков, литераторов, получивших всесоюзное и даже международное признание, «достигших степеней известных» в своей области. Сейчас «иных уж нет, а те далече». Достаточно назвать, наверное, Владимира Николаевича Топорова, Дмитрия Николаевича Шмелёва, Вячеслава Всеволодовича Ива́нова (на курсе его звали «Кома» — это детское домашнее имя, как он рассказывал, пристало к нему в связи с тем, что в детстве, когда зимой его одевали на прогулку, он напоминал ком), Василия Кулемина (мы учились с ним в одной группе) — рано умершего тонкого, немного грустного, проникновенного лирического поэта, Георгия Гачева — глубокого исследователя национальных культур, замечательного оригинального философа, Елену Самойловну Кубрякову, Татьяну Вячеславовну Булыгину (Шмелёву) — ведущих теоретиков в области общего языкознания, известного психолога Юрия Фёдоровича Полякова, прекрасного лингвиста, тонкого аналитика Майю Владимировну Всеволодову, талантливого литературного критика Гурама Асатиани (тоже умершего рано), писателя-публициста Юрия Рюрикова... Всех назвать сложно. Ясно одно, что в те первые послевоенные годы — трудные и в чисто житейском, и в жизненном плане — на филфаке учились увлечённые люди, движимые искренним желанием «познания и добра»...

А другая часть студентов — меньшая, но интересная для меня — это были девушки! (Смеётся.) Красивые девушки были, особенно на романо-германском отделении! Очень красивые!

В.Е. *А тогда была такая же обстановка, когда романо-германское отделение было более... ну... престижным, привилегированным что ли, куда труднее было поступить? Или не было такого?*

Ю.Б. Не знаю насчёт привилегированности, но то, что на русском отделении девушки были как-то... попроще, поскромнее одеты, — это точно.

В.Е. *И вас на романо-германское не тянуло?*

Ю.Б. Нет, не тянуло... Первый курс прошёл как в тумане. Видимо, это всегда у первокурсников. Мне запомнились лекции Евдокии Михайловны Галкиной-Федорук по современному русскому языку, занятия по анализу художественных произведений (такой был у нас просеминарий к курсу «Введение в литературоведение»). В рамках этого просеминария я написал первый в своей жизни «труд» (как, впрочем, и мои товарищи) — о стихотворениях в прозе Тургенева. И конечно (это впечатление на всю жизнь) — лекции Сергея Ивановича Радцига по античной литературе! А на втором курсе объявили спецкурс Виктора Владимировича Виноградова «Язык Пушкина».

В.Е. *И Вы уже тогда знали, кто такой Виноградов?*

Ю.Б. Вообще, я узнал о Виноградове на первом курсе. Я знал, что он декан. И так как я был любознательный (и до сих пор этим страдаю), то я знал, что его книгу «Русский язык» учёный совет университета удостоил первой премии.

Летом, на каникулы, мы с двоюродным братом поехали в Звенигород, в дом отдыха. И я взял с собой виноградовский «Русский язык». Да, летом сидел где-нибудь на природе и читал. Читал, надо сказать, с большим интересом.

В.Е. *Упивался грамматическим учением о слове?*

Ю.Б. Меня, признаться, привлекала больше не теория, а вот то, что в книге мелким шрифтом набрано: разные факты из истории слов, особенности употребления слов, словоформ (хотя тогда такого термина не было). Я всё это выписывал. Впрочем, теоретические вопросы, особенно связанные со словообразованием, тоже были мне интересны. И естественно, когда на втором курсе был объявлен спецкурс Виноградова (нет, спецкурс и спецсеминар; спецкурс — «Язык Пушкина», а спецсеминар — по словообразованию), я записался и туда, и туда. Надо сказать, что первые занятия... лекции (и о Пушкине, и о словообразовании) произвели на меня громадное впечатление. Помните, как у Ленина: «...этот роман меня перепахал».

В.Е. *Да-да, Ленин о «Что делать?» Чернышевского. И лекции Виноградова Вас «перепахали»?!*

Ю.Б. Вот именно... В результате лекций Виктора Владимировича и занятий в его семинаре, при всей поглощённости литературоведением, я стал подумывать о лингвистике... о лингвистике, обращённой в литературные тексты, если можно так сказать.

В.Е. *Поразили Вас эти лекции по существу или по форме, исполнению? Всё-таки второй курс... человек тут обычно ещё маловато смыслит.*

Ю.Б. И по форме, и по существу... По характеру изложения.

В.С. *Как он это делал? Как читал?*

Ю.Б. Дело в том, что Виноградов как лектор... Нельзя сказать, что он был образцовый лектор. Он всегда приходил с большим количеством материала, который был отнюдь не предназначен для лекционного воспроизведения. Это впоследствии я уже понял, что он проговаривал перед аудиторией те темы, те идеи, над которыми работал. И то, что Виктор Владимирович «впускал»... допускал слушателей, студентов в свою лабораторию... не только в логику мыслей, но и в логику исследования... вот это было прекрасно. В этом была сильная, привлекательная сторона лекций Виноградова, его всегда слушали с заинтересованным вниманием. Будучи сам увлечён излагаемым материалом, Виктор Владимирович не отгораживал себя от аудитории. Во-первых, это проявилось в том, что, в отличие от «затруднённой научной прозы» (по определению Д.С. Лихачёва) его печатных трудов, устная речь Виноградова была понятна, воспринималась «с первого предъявления». Во-вторых, лектор обращался к слушателям с разного рода пояснениями, в основном культурно-исторического характера. При этом Виктор Владимирович нередко шутил. Так, говоря о «Метели» Пушкина, он пококетничал: «Я не знаю, как сейчас пишется слово “метель”. Напишу его по-старинному, как во времена Пушкина» — и написал «мѣтель» (через ять). Комментируя выражение из Лескова «синим хером перечёркнуто», он с улыбкой пояснил, что здесь имеется в виду название кириллической буквы (буквы Х х — «хер». — **В.Е.**), что отсюда и глагол «похерить», а также рассказал об обыкновении в дореволюционных канцеляриях перечёркивать бумаги двумя диагональными линиями — от угла до угла — синим или красным карандашом.

В.Е. А не присылали записочек Виноградову?

Ю.Б. Нет, как-то не повелось. Но после лекции подходили: кто-то что-то спрашивал, уточнял... Причём студентов обычно было немного. В основном слушателями были преподаватели московских вузов, научные работники. В начале пятидесятых годов его лекции дружно посещали стажёры и соискатели из числа иногородних вузовских преподавателей. Они ежегодно на год приезжали на кафедру русского языка филфака МГУ для подготовки к защите диссертации или на курсы диссертантов. Это было организовано Минвузом после «сталинской дискуссии» по языкознанию... по инициативе, как говорили, Виноградова.

Слушать лекции Виноградова или доклад (а Виктор Владимирович в начале пятидесятых годов часто выступал с докладами) было интересно и значимо для каждого филолога! Это всегда был новый — и в теоретическом плане, и по иллюстрациям, и по исследуемым проблемам — материал, поэтому его лекции и доклады проходили с большим успехом.

Виноградов любил живые примеры. Его иллюстрации всегда были наполнены интереснейшей культурно-исторической информацией. Особенно убедительно он анализировал композиционно-речевую структуру художественного текста. Мне вспоминается разбор «Станционного смотрителя» Пушкина: как он анализировал стиль повести, как показывал эту «стереоскопичность» композиции, стилевой организации текста, «перекличку» голосов персонажей, автора и персонажа. Это очень ново было для того времени — раскрыть стилистическую перспективу текста.

В.Е. Это, кажется, термин его...

Ю.Б. Да... Получалось так, что отвлечённая лингвистика (на первом курсе — да и дальше тоже — приходилось запоминать многочисленные парадигмы из старославянского, древнерусского, латыни, что, кстати, я делал охотно — иначе не занимался бы на третьем-четвёртом курсах факультативно санскритом, сравнительной грамматикой индоевропейских языков)... так вот, отвлечённая лингвистика в изложении Виноградова обретала живую плоть. Все эти абстрактные категории получали конкретное текстовое, в конечном итоге, культурно-

историческое осмысление. Именно это и было самым интересным, самым интригующим. Естественно, всё это меня очень увлекало! И до сих пор увлекает. Тогда ещё я не понимал, что для такого анализа надо глубоко изучать структуру языка и закономерности функционирования его единиц, категорий в процессе речевого общения. Всё равно, первое увлечение было для меня очень важным, решившим не только направление моих студенческих и аспирантских занятий, но — сейчас уже можно сказать — и всей моей дальнейшей работы, по существу, всей моей жизни (может быть, получилось несколько выпендрено, но это так и есть на самом деле). Потом уже я осознал, что главное для Виноградова — семантика, а не форма сама по себе, осмысленная форма, семантизированная форма.

В семинаре Виноградова я написал курсовую работу на тему «Мёртвые суффиксы существительных в современном русском языке». В семинаре было человек тринадцать. И вот, разбирая работы, Виктор Владимирович, когда дошла очередь до меня, говорит: «Ну, здесь особый разговор...» Как-то так взглянул на меня, как мне показалось, с укоризной... У меня сердце ёкнуло. А в конце занятия... уже звонок... он сказал: «С Вами отдельный разговор. Приходите ко мне домой, в спокойной обстановке мы с Вами побеседуем». Тут у меня сердце ёкнуло в обратную сторону. (Смеётся.)

В назначенный срок я пришёл к Виноградову в Большой Афанасьевский переулок. У него была очень большая комната на первом этаже и ещё две комнаты на третьем. Принял он меня на первом этаже. В своей работе я сделал такое наблюдение (сейчас-то это кажется самоочевидным, а тогда для меня это было открытием), что суффикс «-анин» присоединяется к основе топонима, если обозначается житель южного... южнорусского города, а если житель средней полосы или северных земель, то суффикс «-ец» или «-ич» (например, «москвич»). Виноградов дошел до этого места и спрашивает: «А почему Вы здесь на Шахматова не сослались? Нужно знать библиографию вопроса и на авторитеты сослаться».

В связи с этим первым визитом к Виноградову я хочу подчеркнуть, что в поведении Виктора Владимировича была одна

такая черта... Она поразила меня в тот памятный визит (и потом я это часто подмечал). Я говорю о том органическом уважении, которое обнаруживалось у Виктора Владимировича (и в мелких, внешних деталях поведения) к начинающему исследователю. Он серьёзно, без академического напускного величия (что нередко встречается у маститых деятелей науки, когда они консультируют безусого студента или аспиранта) или сюсюканья обсуждал исследовательские проблемы молодого коллеги. Именно коллеги!

И что бы там ни говорили о «ядовитости» Виноградова (а у него действительно была такая «способность»)... Однако эта ядовитость распространялась главным образом на людей должностных и на коллег, которые по отношению к нему были несправедливы, а также на недоучек, «учёных», обременённых званиями, но недостаточно, плохо «осведомлённых» (его словечко!) в своей области, выскочек. Причём эти его оценки были исключительно метки и точны. Тем и обиднее они были для их адресатов. Так вот... Его ядовитость не распространялась на начинающих исследователей, молодых коллег, которые искренне, с увлечением занимались своей темой, научными проблемами. К таким молодым коллегам Виноградов всегда относился с взыскательной доброжелательностью! (Между прочим, о поддержке Виноградовым молодых учёных пишут в своей мемуарной книге Т.И. Сильман и В.Г. Адмони. Это тем более важно отметить, что к Виктору Владимировичу они относились, мягко говоря, не очень, что со всей очевидностью прочитывается в их тексте.) Конечно, и в общении с ними он не упускал случая подшутить, поддеть собеседника, но незлобиво, ради красного словца. А «играть словами» он любил. Так, Виктор Владимирович в шутку называл меня «одним из крупных советских лингвистов» (намекая на мой избыточный вес), при этом добавлял после паузы: «В нём сто десять килограмм». А Ивана Афанасьевича Василенко, действительно человека могучего телосложения, он квалифицировал как «крупнейшего советского лингвиста» (правда, говорили, что Иван Афанасьевич обижался на эту шутку). Когда у меня родился сын — а мне было уже далеко за тридцать — Виктор Владимирович шутливо представил меня

присутствовавшим в кафедральной комнате: «Вот пришёл молодой... нет, свежий отец!» Когда Виктор Владимирович обсуждал со мной проблематику кандидатской диссертации и предложил тему, а я попросил его оставить тему дипломной работы (об общественно-политической лексике Белинского), но, испугавшись собственной дерзости, согласился на его тему (а тема была очень интересная, связанная с анализом стиля пушкинской публицистики — это вполне отвечало моим «научным» интересам и склонностям), Виктор Владимирович сказал: «Нет-нет, остановимся на Вашей теме — это хорошо, когда тема идёт изнутри».

Чтобы закончить разговор о моих впечатлениях от первого визита к Виноградову, скажу, что мне запомнилась его комната: просторная, на нескольких столах лежали стопки книг и рукописи (он одновременно работал над несколькими темами), старинная мебель «павловских» и «александровских» времён, изящные вещицы, декоративная посуда и, конечно, множество книг — всё это создавало очень своеобразный эстетически-академический дизайн (как сказали бы сегодня).

Я продолжал слушать спецкурсы Виноградова. Это уже стало для меня внутренней потребностью — слушать Виноградова. И Виктор Владимирович, вероятнее всего, видел, что я на все его лекции хожу (вообще, состав слушателей Виноградова был в течение многих лет стабильным). И потом, когда я уже работал на факультете журналистики и не всегда мог посещать его лекции (расписание совпадало)... Однажды, когда после двух- или трёхмесячного перерыва я появился на лекции, Виктор Владимирович мне после лекции говорит: «Что же Вы перестали ходить на мои лекции? Или уже решили, что Вы просветились?»

В конце сороковых годов Виноградов часто публикует очерки по истории слов. (Вообще-то, вопросами исторической семантики русского языка он начинает заниматься вплотную ещё до войны.) Под влиянием этих очерков я написал несколько аналогичных штудий. Страничек на пять получилось об истории слова «мещанин». Ещё были очерки о словах «средняк», «натура». Я пришёл на кафедру, когда там был Виноградов (это было в сорок восьмом году), и «стоял в очереди» к нему. Евдокия Михайловна

Галкина увидела меня (она меня знала — на первом курсе читала нам современный русский язык), спрашивает, с чем я пришёл к Виктору Владимировичу. Я держу в руках свои листочки. Говорю: «Хотел бы Виктору Владимировичу показать свои очерки». Галкина обращается к Виноградову: «Вот, Виктор Владимирович, пожинайте плоды своей популярности!» Он посмотрел моё «рукописание», полистал: «Хорошо, позвоните мне через неделю». Ну, я звонить не стал, постеснялся... Так получилось, что мы увиделись на факультете. Виктор Владимирович сказал мне: «Вот этот очерк... о слове “мещанин”... Если хотите, пишите на эту тему курсовую работу. Это очень интересное слово. На его судьбе можно проследить существенные процессы в движении русской лексики». С большим энтузиазмом писал я эту курсовую. Пропадал в Ленинской библиотеке, вчитывался в древнерусские тексты XVIII в. Обложился исторической литературой. Когда дошёл до XX в., мне попался в одном журнале отклик Бердяева на статью Ленина о партийности в литературе — очень критический, даже ругательный. Я очень удивился, что мне выдали этот журнал без всяких препятствий. В сорок девятом году я передал Виноградову эту курсовую работу. Видимо, работой он остался доволен, потому что сказал, что её можно опубликовать, и уточнил: «Например, в “Вестнике Московского университета”». Она и была опубликована там, только в пятьдесят третьем году. Виктор Владимирович при встрече часто спрашивал: «Где же Ваша статья?» — «Ещё не напечатана». И вот наконец, в пятьдесят втором году, Виноградов спросил: «Что же вы не несёте Вашу статью?» У меня традиционный ответ: «Она застряла в журнале». Он ничего не сказал. Но вскоре звонок из журнала: «Зайдите». Я зашёл. На папке с моей рукописью написано: «Ученик академика Виноградова», а в папке, кроме рукописи, две рецензии — Е.М. Галкиной и Н.С. Поспелова. Редактор, который вёл мою статью, объясняет задержку с публикацией: «Знаете, мы задержали статью из-за того, что неудобно начинать со слова «мещанин». Мещанин не... рабочий». А тогда, нужно сказать, все статьи писались «в свете трудов товарища Сталина по языкознанию». В ходу был термин «словарный состав», фигурировавший в этих трудах. Я предложил: «А нельзя ли назвать статью так: "Из истории

словарного состава русского языка"? И подзаголовок — "Из истории слова *мещанин*". И вот статья вышла. Первая в моей жизни! На неё вскоре последовал отклик. И не кого-нибудь, а профессора Б.Г. Унбегауна, крупнейшего историка русского языка, жившего тогда во Франции (выходца из России). В очередном обзоре литературы по русскому языку в «Revue des études Slaves» он заметил мою статью. Правда, ругнул за то, что я считал слово «мещанин» не заимствованием из польского, а собственно русским словом, возведя эту точку зрения по частному вопросу в проявление провинциализма, свойственного, как он считал, советским русистам. Виктор Владимирович по поводу критики Унбегауна заметил: «Это он не против Вас, он в мой огород камешек забросил». (Нужно сказать, что Виноградов и Унбегаун были оппонентами. Это продолжалось и позже, но никак не влияло на их личные — очень хорошие! — отношения. Этому я нашёл подтверждение, разбирая архив Виктора Владимировича после его кончины. Там были письма Унбегауна, в которых высказывалась трогательная озабоченность состоянием здоровья Виноградова.) А Рубен Иванович Аванесов, увидев меня на кафедре, поздравил с первой статьёй и с таким солидным, именитым (!) рецензентом: «Это ничего, что он Вас критиковал. Главное, что Вы теперь, после первой же статьи... известность... европейская...» Такой шуткой, с мягкой иронией, утешил меня Рубен Иванович.

Очень долго я собирался вручить оттиск этой статьи Виноградову. Наконец решился это сделать. Надо сказать, что Институт языкознания (позже Институт русского языка) был на Волхонке, а я жил в начале Остоженки (совсем рядом). Так как меня знали в секретариате Виноградова (часто консультации мне Виктор Владимирович давал в институте), я позвонил его референту, спрашиваю, есть ли Виктор Владимирович. «Он здесь, только, если хотите застать, приходите сейчас же». Я срочно иду со своей статьёй. И буквально столкнулся с Виноградовым на лестнице: «Вот вам, Виктор Владимирович, моя статья!» Очень торопится и со словами «Ваша любезность сногшибательна» (я его действительно чуть не сшиб с ног) старается запихнуть оттиск в туго набитый портфель. Вот вам пример словесной игры

Виноградова. Я уже говорил, что острословие Виноградова чаще всего было язвительным или, как тогда оценивали его многие, «ядовитым». И это вредило ему. Например, одному высокому партийному чиновнику (языковеду по специальности) Виноградов сказал на каком-то совещании: «У Вас много званий, да мало знаний». Виноградов, я так считаю, имел моральное право на столь резкие, но точные оценки его коллег, особенно людей чиновных. Во-первых, он возвышался Монбланом над всеми современными ему лингвистами, а во-вторых, он выстрадал это право вследствие (не очень удачное слово) всех тех репрессий и несправедливых гонений и проработок со стороны «общественности», которым он подвергался. Виктор Владимирович, между прочим, любил повторять одну мысль: если бы в нашем обществе чины и звания раздавались по таланту и уму, то у нас была бы совсем другая расстановка людей (по-моему, я точно передал смысл).

Острое слово, словесную игру любили и другие филологи. Например, Сергей Иванович Ожегов придумал шутку. Что такое трикотаж? Ответ: когда трое ухаживают за одной. (У Сергея Ивановича есть статья о словах на «-аж». Скорее всего, эта шутка относится ко времени его работы над данной статьёй.) Большой выдумщик на словесные выкрутасы был Александр Александрович Реформатский; например, Мао Цзедун он называл «Маоцзедуня». Виртуозный острослов был академик Орлов, крупнейший учёный в области древнерусской литературы. Правда, его острословие имело... скажем так... натуралистический уклон, поэтому воспроизводить его сложно, да и небезопасно. Николай Семёнович Пospelов, призывая меня поскорее определиться в выборе между литературоведением и языковедением (это было на третьем курсе, кажется), сказал мне: «Что ж Вы, как буриданов осёл, никак не решитесь?» Признаюсь, такое определение стимулировало меня, и даже очень!

На четвёртом курсе я окончательно определился. И дипломную работу писал у Виноградова. Он согласился заниматься со мной. Тема диплома была «К изучению общественно-политической лексики в сочинениях В.Г.Белинского 40-х гг.». Выбор темы определился тем, что я много читал Белинского. На третьем

курсе, наряду с курсовой о слове «мещанин», я написал большое курсовое сочинение (у профессора Николая Александровича Глаголева) о Белинском как историке русской литературы. Стиль Белинского, строй его рассуждений, манера компоновать фразу и весь текст статей — всё это мне импонировало. Я с удовольствием запоминал целые куски из Белинского. Ну и потом... здесь была в значительной мере семейная традиция. Дядя мой, Николай Фёдорович, занимался Белинским, он был даже лауреатом академической премии Белинского. Он много говорил со мной о Белинском, о его языке. Подсказывал прочитать ту или иную статью, книгу о «неистовом Виссарионе».

Судя по отзыву о моём дипломном сочинении, Виноградов оценил его положительно. В результате он рекомендует меня в аспирантуру.

В.Е. Сам?

Ю.Б. Сам, сам. Тут дело в следующем. Я, конечно, был комсомольцем. Но у меня так сложилась моя общественная работа, что я работал (и работал много) не на факультете. Сначала меня почему-то вызвали в райком комсомола и сказали: «Будешь вести кружок по биографии товарища Сталина с молодыми продавцами Военторга».

В.Е. И вели?

Ю.Б. Да. Я вёл этот кружок. А потом я оказался в лекторской группе горкома комсомола. И вся моя общественная работа протекала вне факультета. Я очень много работал как лектор и в самой лекторской группе. А когда на пятом курсе комсомола решал вопрос, кого в аспирантуру рекомендовать, а кого нет, и когда очередь дошла до меня, то было сказано, что Юлий Бельчиков «неактивен в общественной работе». Это касалось, видимо, не только меня, потому что и другие мои товарищи, такие же, как и я, студенты (среди нас был и маститый теперь литературный критик Стасик Лесневский), просили руководителя лекторской группы, чтобы сообщали по месту учёбы о нашей общественной работе. А мы действительно с душой занимались лекторской работой, много было споров о том, как лучше читать лекции для разных групп молодежи. Мы ездили на заводы, в воинские части, школы что называется «на своих двоих»: не только

по Москве, но и по Московской области (без всяких командировочных)... и в любую погоду.

В.Е. *А о чём лекции? Это было общественно-политическое или общепросветительское что-то?*

Ю.Б. Я выступал, например, с лекциями «Культура речи». Или «Образ молодого человека в советской литературе». Нет, это не был чистый политпросвет. Ещё тема: «О любви и дружбе»!

В вопросе о моей аспирантуре позиция Виноградова сыграла, пожалуй, решающую роль. Тем более это был пятьдесят первый год. Виноградов уже «главный советский языковед». Но, скажем, в сорок девятом году на комсомольском собрании Борис Стахеев (потом он стал крупным полонистом, литературоведом; к сожалению, он рано умер), тогда секретарь курсовой парторганизации, выступает и говорит, что на нашем курсе есть неразумные головы, которые создают ложный авторитет буржуазной науке, буржуазным направлениям в языкознании, профессорам Виноградову и Петерсону. И среди других называет меня. (Вообще-то, с Борисом у меня были хорошие, нормальные отношения, и после этого собрания мы остались добрыми товарищами.)

В.Е. *А у кого же была «неразумная голова»?*

Ю.Б. Были объявлены, кроме моей, также фамилии: Володя Торопов, Таня Булыгина (позже — жена Д.Н. Шмелёва), Тася Елизаренкова, Павел Гринцер, Ив́анов Кома (Вячеслав Всеволодович). Я почти всех перечислил. При всей моей внешней флегматичности я всё-таки среагировал. Вскочил! Видимо, это я первый сказал: «Борис, ты не прав!», а не Лигачёв. (Смеётся.) Вскочил и говорю: «Виноградов и Петерсон не марристы, конечно, но они владеют материалом, у них методика исследования материала отработана, и мы у них должны взять всё это! Нужно слушать их лекции, овладеть той систематикой, которая есть в их лекциях, их методами работы с лингвистическим материалом, его анализом, чтобы потом преобразовать всё это в духе марризма, «в духе учения Марра». Я, разумеется, верил, что «теория Марра верна».

В.Е. *Да, если можно, потом поподробнее про Марра, про марризм, про атмосферу эту.*

Ю.Б. Продолжения этому (то есть «оргвыводов», как тогда говорили) не было никакого... Мне повезло. А вот Володю Журавлёва (Владимира Константиновича, ставшего во взрослой жизни крупным славистом) — он учился курсом старше — вызвали на комсомольское бюро и сделали внушение за то, что он занимался в семинаре профессора Петерсона. Продолжение было такое: вскоре появилась «Комсомолия». Это газета, которая вывешивалась в коридоре филфака... метров десять она была. Если Вы помните... Вы там, наверное, учились... на четвёртом этаже старого здания на Моховой.

В.Е. *Что Вы! Мы на Ленинских горах уже учились!*

Ю.Б. Выход «Комсомолии» — это всегда было событие. Она делалась очень профессионально. Содержательная, разнообразная (в ней было много отделов) и вместе с тем весёлая, даже озорная. Там и стихи печатались, и был отдел юмора — очень задиристый. Однажды я стал героем одной юморески: будучи освобождённым от физкультуры из-за болезни печени, я всё же «бежал» на стадионе дистанцию в три километра. И по этому поводу под соответствующей карикатурой были такие стишки: «Быстрее пули / Ветру навстречу / Летит наш Юля, / Забыв про печень» (что-то вроде этого). Как ни странно, стишки эти запомнились. Совсем недавно мне их воспроизвёл известный германист профессор М.В. Раевский, тогда учившийся на филфаке на младшем курсе. В общем, газета хорошая, пользовалась всеобщим вниманием — от самого нерадивого студента до маститого профессора. И в «Комсомолии» Саша Лебедев (сейчас известный литературный критик А.А. Лебедев) написал отчёт об этом собрании. Моё выступление было им изложено неправильно, основная мысль искажена. Я прочитал это и, разгорячённый, обращаюсь к Лебедеву (он тут же стоял): «Сашка, почему ты меня неправильно извратил?» (Смеётся.)

В.Е. *Хорошо сказано.*

Ю.Б. Надо мной потом долго смеялись. Над этой избыточностью речи. Ну, в общем, никаких последствий не было. Мы продолжали ходить на лекции Виноградова, на санскрит... Санскритом я стал заниматься у Михаила Николаевича Петерсона с третьего курса. Как раз в группе санскрита вот эти «неразумные

головы» и занимались. У Петерсона же слушали курс сравнительной грамматики индоевропейских языков. Так что Виноградов и Петерсон были пугалом для марристов.

В.Е. Мы много говорили о М.Н. Петерсоне как профессоре, учёном. А каким он был в жизни? Живой, так сказать, портрет...

Ю.Б. Вообще-то, о Михаиле Николаевиче как человеке много интересного могли бы рассказать его непосредственные ученики.

Внешность Михаила Николаевича очень необычная! Создавалось впечатление, что он ходит в корсете — такая у него была выправка. Он был среднего роста, коренастый, широкоплечий. Особенно меня вводила в смущение исключительная «этикетность» поведения Михаила Николаевича. При встрече на улице, скажем, он очень церемонно, по-старинному, приветствовал меня. Это было очень непривычно. Одет он был всегда, что называется, с иголочки: костюм был безукоризненно отутюжен, «выхоленная» шляпа, пальто или плащ как только что из магазина. Это, при подчёркнуто спортивной осанке и искренней приветливости, производило, конечно, впечатление, особенно на фоне всеобщей «демократичности» и в одежде, и во взаимном обхождении.

Конечно, на меня производило впечатление, что Петерсон знает множество языков. Михаил Николаевич не ограничивался только темами занятий. Как прирождённый педагог он интересовался и нашими научными пристрастиями, и, так сказать, «внеклассным» времяпрепровождением. Его страшно поразило, что мы и не интересовались, и не занимались спортом. «Как же так? Вы же молодые люди». На одном из занятий Михаил Николаевич спросил у нас о международных соревнованиях по конькам, которые проходили в то время в Японии: «Как там? Кто стал чемпионом?» В ответ: «Мы не знаем». — «Как вы не знаете? Может быть, вы и на коньках не катаетесь?!» Наступила какая-то пауза, пока он не пришёл в себя от ошеломившего его открытия. Сам-то он был прекрасным,

разносторонним спортсменом (говорили, что был он чуть ли не первым чемпионом Москвы по конькам) и замечательным танцором.

В.Е. *Ему сколько лет тогда было примерно? Уже в возрасте?*

Ю.Б. Да-да! Он родился... по-моему, в 1885 г. Окончил Московский университет... Обратил внимание, что у него всегда очень печальные глаза... Совсем недавно прочёл книгу Веры Александровны Кочергиной (это ученица Михаила Николаевича) о Петерсоне.

В.Е. *Она недавно прекрасный словарь издала.*

Ю.Б. И книгу выпустила о Петерсоне. Очень тепло написана... и по существу.

В.Е. *Да-да... Очень интересную.*

Ю.Б. Да, и Вера Александровна пишет, что сын Михаила Николаевича пропал без вести в самом начале войны. Михаил Николаевич писал в разные военные инстанции. Мать мальчика рано умерла, а вторая жена Михаила Николаевича, как пишет Кочергина, добрая была и отзывчивая женщина, но с пасынком у неё отношения не сложились. Так что Михаил Николаевич сам воспитывал сына.

Петерсон был очень внимательным человеком... и деликатным. Причём это было искреннее внимание. Мы все увлекались этимологией. И я, в частности, на одном из занятий узнав, что «райя» на санскрите — «богатство», тут же присоединил (присобачил, я бы сказал) «Русь» к «райя» и об этом «открытии» сообщаю Петерсону на перемене. И вместо того чтобы сказать: «Ты, дескать, молодой человек, побольше почитай да поучись, прежде чем лезть в этимологию», он выслушал меня и говорит: «Всё это очень интересно, но дело в том, что в индоевропейских языках до сих пор не обнаружено чередования «е» и «и» Вот если Вы это чередование обнаружите, тогда можно будет рассматривать Вашу гипотезу».

В.Е. *А вот увлечение этой этимологией откуда у Вас было? Это не с марризмом как-то связано?*

Ю.Б. Нет-нет... С марризмом это никак не связано.

В.Е. *Ну, как раз Марр-то славился своей вольной... лихой такой... этимологией!*

Ю.Б. У меня это было связано с изучением старославянского языка, исторической грамматики русского языка, латыни, санскрита, с чтением трудов Потебни, Богородицкого, Шахматова, Булаховского, историко-лексикологических очерков Виноградова. Перелистывал и «Этимологический словарь» Преображенского. Эти занятия побуждали, что ли, к собственным разысканиям. Но, конечно, для серьёзных этимологических штудий у меня знаний не хватало. Так что мои этимологические упражнения были своего рода реакцией на приобщение к основам и азам филологической науки. Ну, я, например, возвёл в доисторическую форму свою фамилию. Получилось то ли *bojlikikovus*, то ли *bojlikikavus*.

Возвращаясь к внимательности Петерсона... Когда я уже перестал заниматься у него, Петерсон при встречах со мной всякий раз интересовался: «Над чем Вы сейчас работаете?» Мне особенно запомнилась одна из таких встреч: я уже был в аспирантуре. Михаил Николаевич спросил о теме моей диссертации. «Общественно-политическая лексика Белинского». Он приостановился и сказал: «Это очень глубокая тема... и сложная. Исследуя эту проблему, бойтесь идеологических презумпций!» (при этих словах Михаил Николаевич сделал многозначительный жест: поднятый вверх указательный палец). Тогда, на общем фоне идеологизированности всего и вся, это прозвучало необычно, но как мудро и дальновидно! Встречи мои с Михаилом Николаевичем обычно происходили между университетом и Знаменкой (тогда улица Фрунзе) — на моём пути домой, на Остоженку, а Михаил Николаевич жил на Знаменке. О внимательности, душевной искренности Михаила Николаевича красноречиво говорит и его отзывчивость, доброта, всегдашняя готовность помочь студенту во всём (и в занятиях, и в бытовых делах). Как вспоминает Мария Сергеевна Панюшева, по совету своих друзей она, страшно стесняясь, обратилась к Петерсону (у которого занималась литовским языком) с просьбой дать ей в долг денег, чтобы купить ботиночки для своей маленькой дочки. Михаил Николаевич сразу же со словами «Сделайте одолжение, Мария Сергеевна» (он, оказывается, знал не только имя, но и отчество своих студентов) дал ей просимую сумму.

В.Е. *Знаете... извините, что Вас перебиваю...*

Ю.Б. Да-да...

В.Е. *А как они, все эти... зубры, так сказать, относились к политике? Как они в быту себя в связи с этим вели? Говорили что?*

Ю.Б. О политике не говорили. Не знаю, как в своей среде, но со студентами таких тем, таких разговоров не было.

Что касается Виноградова, то Ухалов Ефим Степанович (был тогда секретарём партийного бюро факультета) убеждал Виноградова, что Вы, мол, должны выступить и признать Марра и так далее... И я помню... Это в Коммунистической аудитории было...

Много народу собралось... Это, по-моему, начало пятидесятого или осень сорок девятого... Выступает Виноградов с докладом, кажется, по вопросам исторической лексикологии, говорит о своей научной позиции. Заключает его историей выражения «сума перемётная». Заканчивает примерно так: «Мой учитель академик Шахматов о людях, которые меняли свои воззрения, обычно, говорил: «А, он несерьёзный человек... Он как сума перемётная!» Вот так! А надо сказать, что незадолго до этого в одном из исторических журналов появилась статья, в которой о Шахматове говорили как о контрреволюционере, что он был членом ЦК кадетской партии. В то время такая информация и такие оценки были очень и очень опасны.

В.Е. *А как же это всё с рук сходило?..*

Ю.Б. Нет... С рук не сходило... Во всяком случае, не всё сходило. Например, когда Ильичёва, секретаря ЦК по идеологии при Хрущёве, выбирали в академики, как тогда передавали в разговорах, Виноградов сказал на общем собрании академии, что не знает такого учёного. Я так понимаю, что из-за этого Виноградов звание Героя Соцтруда не получил. Нет, с рук ему это не сходило, как Вы говорите. Отсюда и отношение руководства факультета к нему отрицательное. А между тем ректор университета, академик Несмеянов, Виноградова всё же поддержал. Он позвонил то ли домой Виктору Владимировичу, то ли на кафедру и сказал: «Передайте академику Виктору Владимировичу Виноградову, что я его прошу не покидать университет, что его пребывание в университете для университета большая честь». Вот... здесь Виноградов получил такую неожиданную поддержку от академика

Несмеянова, ректора! Это была существенная моральная поддержка и потому, что Несмеянов был ещё и членом Московского горкома партии. Тогда это было очень важно!

В.Е. А Петерсон?

Ю.Б. Петерсона обвиняли в космополитизме и, как это ни парадоксальным сейчас представляется, в том, что он сторонник сравнительно-исторического языкознания. Дело дошло до того, что на учёном совете факультета Михаил Николаевич объяснял, что Петерсоном (иностранная фамилия!) он стал потому, что его деда усыновила шведка Петерсон, видимо, жившая в семье деда... или как-то она была связана с этой семьей.

В.Е. А... то, что... не русский вроде как...

Ю.Б. Вообще-то, род Михаила Николаевича старинный... и очень! К этому роду принадлежали Огарёв, Лермонтов (по линии своей бабушки Арсеньевой), а значит, по всей видимости, и Столыпин. Об этом, между прочим, подробно пишет Кочергина. А отец Михаила Николаевича был народником («революционным» народником), неоднократно репрессировался царским правительством, был хорошо знаком с отцом Ленина... чуть ли не друзьями они были. Когда я об этом узнал ещё тогда, в конце сороковых годов, мне показалось по меньшей мере странным (может быть, я наивный человек), почему так... неистово третировали Петерсона.

Нужно сказать, что Петерсон оставил в науке очень значительный след. Об этом Виноградов много писал... и подробно. Профессор Петерсон если и не оставил после себя «школы»... однако несомненно, что воспитал он замечательных лингвистов. Его ученики — это академики Б.А. Серебренников, Вяч. Вс. Иванов (хотя своим учителем считает профессора Р.О. Якобсона, но начинал он у Петерсона), Т.В. Шмелёва (Булыгина), такие крупные индологи, как Т.Я. Елизаренкова, П.А. Гринцер... Этим имён больше чем достаточно, чтобы по достоинству оценить роль М.Н. Петерсона в судьбах современной отечественной филологии... Ну а что касается Марра, то я как студент, конечно, верил, что Марр — это новое слово в языкознании, что марризм — это марксизм в языкознании... И прочее, и прочее. Мы с энтузиазмом учили четыре элемента Марра. (Смеётся.) А, скажем, Виноградов

никогда со мной не говорил о марризме. Единственный раз, когда речь шла о марризме, — это данная мне Виноградовым тема первого аспирантского спецвопроса (сейчас называют рефератом): «Критика взглядов Марра и марристов по вопросам семасиологии». Примерно так... И то... речь должна была идти больше и прежде всего о концептуальной стороне семасиологии... и уже на этом фоне — критика «нового учения о языке». Не случайно Виноградов обращал моё внимание в работе над этой темой на труды М.М. Покровского, А.А. Потебни. (Нужно сказать, что к Николаю Яковлевичу Марру как к человеку и лингвисту Виноградов относился с большим уважением. Они были знакомы. Нередко, судя по рассказам Надежды Матвеевны, одновременно отдыхали в одном санатории, в частности в «Узком». Когда Н.Я. Марр умер, Виктор Владимирович в письме жене из Вятки — места первой ссылки — высказал искреннее огорчение по поводу его кончины. Дальше Виноградов пишет, что не видит равной Марру фигуры среди тогдашних лингвистов. Это письмо опубликовано.) «Новое учение о языке» в беседах Виктора Владимировича со мной ни до работ Сталина по языкознанию, ни после не фигурировало. Вместе с тем методологические вопросы на консультациях, которые давал он мне, всегда были, можно сказать, в центре внимания. Так, разбирая автореферат очередной диссертации по общественно-политической лексике, где примитивно ставился вопрос о соотношении понятия и значения слова... то есть значение в ходе «анализа» подменялось понятием... Наметилась тенденция такая (я об этой тенденции написал в кандидатской диссертации). Так вот... Виноградов и в этот раз, и всё время мне твердил, что нужно анализировать значение общественно-политического термина, необходимо чётко разграничивать понятие и значение слова. И Петерсон об этом же говорил!

В.Е. *«Бойтесь идеологических презумпций!» Да?*

Ю.Б. Вот-вот. Хотя, конечно, Виноградов и Петерсон — учёные разных школ: Петерсон — фортунатовец, а Виноградов — шахматовец. Впрочем, Шахматов тоже ученик Ф.Ф. Фортунатова. Фортунатов Виноградову дедушка был научный...

В.Е. *Это Реформатский называл себя, кажется, внуком Фортунатова? Интересно... а как читал лекции Петерсон?*

Ю.Б. Как Петерсон читал лекции? Он... всё-таки действительно владел, как говорили, семнадцатью языками. Живыми, во всяком случае, владел активно. Французский, наверное его второй родной язык был. В лекциях по сравнительной грамматике индоевропейских языков был один знаменательный момент, ярко характеризовавший Петерсона и как глубокого лингвиста, и как педагога: в ходе лекции он давал параллели... скажем, не менее десяти параллелей... из десяти или больше языков. Параллели на славянских языках звучали как-то особенно певуче, особенно музыкально на фоне других языков. То есть... я хочу подчеркнуть, что Михаил Николаевич не только писал ряд лексем или словоформ на доске, но он и воспроизводил их звуковой состав, звуковой облик в соответствии с правилами орфоэпии данного языка, данных языков. Тем самым он объективно показывал различия и сходства не только в грамматике, но частично и в фонетике. Я очень признателен Петерсону, его занятиям по санскриту, лекциям по сравнительной грамматике индоевропейских языков. Эти занятия, лекции дали мне... и вообще — в общепедагогическом и методологическом планах... дают определённую историко-лингвистическую перспективу при освоении теоретического материала, закладывают фундамент лингвистического знания для общего методологического подхода при анализе конкретных языковых явлений и процессов, исследования языковой эволюции. Всё это чрезвычайно полезно для общей лингвистической подготовки начинающего филолога!

В.Е. *Мы закончили на описании занятий Петерсона.*

Ю.Б. Да. Вот такая в целом была обстановка на филологическом факультете в первые послевоенные годы. Основная масса студентов, как я уже говорил, были фронтовики. И они с жадностью набросились на знания. И тот настрой, который был у студентов, он очень гармонировал... соответствовал отношению преподавателей, профессуры к предметам преподавания. Сейчас, по прошествии многих лет, я понимаю, что преподаватели видели в нас младших коллег и видели свою задачу... сверхзадачу в том, чтобы передать всё накопленное ими: и факты, и концепции, и, если так можно сказать, «оконцептирование» материала. Вот этим объясняются и доброжелательность, и внимательность

к студентам, к их научным интересам, инициирование со стороны профессуры каких-то тем, подбадривание, поддержка. Поддержка моральная, научно-филологическая. Эта доброжелательность, это желание передать весь жизненный и научный... главное — научный... опыт создавали общую атмосферу творческого научного поиска на филфаке.

Тогда ещё держалась уходящая старая университетская традиция — устраивать занятия со студентами на дому. Так делали, скажем, Г.О. Винокур, Н.К. Гудзий, Е.М. Галкина-Федорук, И.Н. Розанов, Д.Е. Михальчи, некоторые профессора-историки, на естественных факультетах (например, на химическом). Это была очень полезная традиция. Она имела громадное педагогическое значение: студенты видели личный кабинет профессора (они сидели в нём), библиотеку, книги из которой были в повседневной работе, обстановку, в которой были написаны, созданы труды, ставшие для них учебниками, научным откровением. И потом... по ходу занятия профессор брал с полки какой-нибудь уникальный фолиант, редчайший экземпляр, изданный полтора-два века тому назад. Студенты держали в руках такое сокровище, работали с ним. Эта атмосфера жизни в науке и наукой, обстановка «неотступного думания» (как говорил академик Павлов) учёного (их учителя) над волновавшими его проблемами производили неизгладимое, незабываемое впечатление.

Я упомянул Галкину-Федорук... Мне вспомнился комичный, а для меня трагикомический, прямо сказать, конфузный случай. Наверное, не очень уместно в таком высоком контексте рассказывать о бытовой сцене... Галкина приглашала к себе домой студентов, когда была нездорова... лёгкая простуда... Я и несколько моих товарищей пришли к Евдокии Михайловне. Дело было весной, снег таял, слякоть на улицах большая. Тогда переобуваться не предлагали. Мы все ввалились в кабинет Евдокии Михайловны в уличной обуви. Она нас усадила на диван. Сама сидит напротив. И я с ужасом вижу, что у меня оттаяли ботики и струйка течёт от них... Внучок... тот самый...

В.Е. *Который Виноградова дундуком обозвал.*

Ю.Б. Да... Бегал, бегал, а потом к бабушке прислонился, к уху тянется и громким шёпотом говорит: «Баба! Отпусти этого дядю...

с усами». — «Почему?» — «Ты что, не видишь: он ведь описался». (Смеётся.) Я готов был... ну не знаю... провалиться сквозь землю.

В.Е. *А дальнейшая судьба этого остролова не известна?*

Ю.Б. Он закончил МВТУ... Бауманское, стал инженером.

В.Е. *У нас с Вами уже прозвучали подробно имена Виноградова, Петерсона... Я думаю, мы к ним ещё будем возвращаться. О ком ещё Вы могли бы рассказать?*

Ю.Б. Ну... вот, например, Николай Семёнович Поспелов. Я у него занимался в просеминарии по современному русскому языку. Это был добрейший человек, который буквально возился со студентами. Когда приносили ему какой-то текст (реферат или курсовую работу), он вместе со студентом читал. И потом, уже после того как студент кончил заниматься у Николая Семёновича, он всегда при встрече в коридоре останавливался и с искренней заинтересованностью спрашивал: «Как Ваши дела?» И это была не какая-то холодная светская вежливость. Нет, чувствовалось, что человек искренне заинтересован. Эта атмосфера доброжелательности... передать студентам как можно больше научной информации во всем сказывалась. Геннадий Николаевич Поспелов, например, приносил старые фолианты и нам их демонстрировал на лекциях. Мы видели энтузиазм, буквально горение профессуры. Вот тот же Поспелов... Геннадий Николаевич... У него было больное сердце. Он, не успевая нам прочитать курс в отведённые программой часы... он что делал... Была такая тридцатая аудитория (в здании на Моховой), под Коммунистической (сейчас в этой аудитории читальный зал). После двух лекционных часов он просил ребят закрыть дверь на стул и ещё часа четыре читал нам, и иногда доходило чуть ли не до сердечного приступа. Наши преподаватели своим отношением к предмету, этой самоотверженной отдачей заражали любовью к своему предмету, к филологии, к русской литературе, языку — к великой нашей культуре! Они показывали, как надо работать, как надо относиться к науке.

В.Е. *Да. Сейчас этого мало...*

Ю.Б. Тогда ведь было тяжёлое время. Не говоря уж о материальной стороне жизни. Это были первые послевоенные годы. Но ещё и другое... Постановление ЦК о «Звезде» и «Ленинграде»,

об Анне Ахматовой. Потом... борьба с космополитизмом... На-саждался диктат одинаковомыслия (если можно так сказать), и не только в партийных кругах, но и во всей области науки, культуры. Взять хотя бы Геннадия Николаевича Пospelова. Он ведь был активным литературоведом, ярким, острым полемистом. И к тому же самостоятельным учёным. Выступал он, скажем, со своей концепцией Достоевского... Тут же — очередной номер «Большевика» или «Коммуниста», где громят Пospelова. А он продолжал работать над своей проблематикой, продолжал нам читать лекции. Вопреки всему этому взглядов своих не менял.

В те послевоенные годы критика работ учёного, стихов, прозы или выступлений литераторов почти всегда имела какой-то разоблачительный уклон, уничтожающий характер — уничтожающий адресата критики. Тон этому, конечно, был задан печально знаменитыми постановлениями ЦК, потом борьбой Лысенко против «вейсманизма-морганизма». В связи с этой борьбой ходил такой анекдот. Мне рассказал его мой школьный товарищ студент-биолог. Вернее, не рассказал, а разыграл меня. При встрече он спросил: «А ты слышал, что улицу Горького собираются переименовать в улицу... Лысенко?» Я в ответ с энтузиазмом филолога-неофита стал горячо доказывать, что этого не может быть, потому что Горький — великий пролетарский писатель... ну и так далее... Мой биолог смотрит на меня снисходительно: «Ничего ты не знаешь. Горький объявлен вейсманнистом». — «Как это так? Причём здесь вейсманизм?» — «А как же, разве ты не помнишь его слова "Рождённый ползать летать не может?"»

Так вот... Критика в те годы была беспощадной. За ней обычно следовали неприятности для критикуемых. Уж, кажется, на что академическая наука языкознание!.. Уж как далеко от повседневной жизни исследование русской грамматики!.. Но нет... Нашлись критики и на «Русский язык» Виноградова. В «Литературке» появилась большая статья под крикливым заголовком «Нет, это не русский язык», в которой авторы громили это фундаментальное исследование — громили неосновательно, с грубыми натяжками, нахально. Или (это уже, по-моему, в конце пятидесятих годов) на конференции «по антикоммунизму»

выступает... был такой «борец за чистоту идеологии» Василёнок. Он возрился на Н.К. Гудзия... обвинил автора учебника по истории древнерусской литературы в том, что он якобы занимается пропагандой религии... «чуждой нам идеологии». Правда, тогда — это было уже при Хрущёве — Гудзия оставили в покое.

В общем-то, была какая-то разобщённость в среде филологов, как, впрочем, и в литературной среде. Не было того ощущения приобщённости к общему делу, какое было присуще творческой интеллигенции в двадцатые годы (если ограничиваться советским периодом), особенно в начале двадцатых... (Об этом говорится в чьих-то писательских мемуарах — об этом сопоставлении конца сороковых и двадцатых годов... По-моему, у Каверина.) Поэтому, наверное, не только заушательская критика (так называли после войны зубодробительную критику), но даже и критические замечания по существу чаще всего воспринимались критикуемыми болезненно, в штыки... и отношения между адресантом и адресатом критики, конечно, становились натянутыми, если не... враждебными.

В связи с этим меня — и не только меня — поразил один эпизод из того... послевоенного времени.

Вскоре после выхода работ Сталина по языкознанию была опубликована книга профессора Петра Саввича Кузнецова «Русская диалектология», пособие для заочников. Естественно, что в пособии (между прочим, очень небольшом по объёму), написанном ещё до «сталинской дискуссии», не могли быть учтены «гениальные труды товарища Сталина». И вот выходит рецензия Рубена Ивановича Аванесова на эту книгу. Рецензия получилась резкая: автор пособия упрекался в том, что не учёл труды Сталина... всё, что из этого следовало... Это было неожиданным для меня... видимо, и для других аспирантов: почему именно Аванесов написал такую рецензию? Неожиданно потому, что Кузнецов и Аванесов были для нас как... сиамские близнецы в науке. (Смеётся.) Они ведь были сокровенные друзья, с молодых лет целиком поглощённые филологией в разных её ипостасях. Вместе ездили в многодневные экспедиции (диалектологические, фольклорные), исследовали художественную литературу, увлечены были фонологией, орфоэпией, диалектологией.

А древнерусские тексты, как мы были уверены, они знали буквально наизусть. Было всегда очень интересно и поучительно слушать их споры во время заседаний кафедры. Каскад примеров, цитат из древнерусских, старославянских текстов (с точным названием источников)... как иллюстрации к фонетическим, грамматическим явлениям сменяли друг друга в доказательство своей мысли или в опровержение оппонента. И всё это говорилось легко, с остроумными шутками, с улыбкой, с готовностью понять оппонента, принять его мнение. Но истина дороже: «Нет-нет, Рубен, это не так. Помнишь в таком-то тексте такую-то форму?» — «Да что ты, Пётр Саввич! Ведь вот такая была форма... А в Ипатьевской летописи вот так...»

Эти споры можно было слушать без конца, не только впитывая языковые раритеты, но и наблюдая воочию исследовательскую кухню мастеров своего дела, «мэтров» (как называли в Ленинграде маститых), их приёмы наблюдения над языковым материалом, сопоставления фактов.

В.Е. *И там же Высотский где-то рядом...*

Ю.Б. Да, и Сергей Сергеевич Высотский. Только он в академическом институте работал. Так вот... Мы, начинающие аспиранты, ждали заседания кафедры. Напряглись: как встретятся Кузнецов и Аванесов? И они встретились... Такое впечатление, что Пётр Саввич и не знал об этой рецензии... То есть абсолютно ровные отношения, как было раньше. Кузнецов, конечно, понимал ситуацию. А Рубен Иванович, судя по всему, решил: уж лучше я напишу, чем кто-нибудь другой. Пётр Саввич и Рубен Иванович были и остались друзьями, продолжали вместе трудиться на ниве филологии и просвещения. Это были люди какого-то особого склада. Потом уж таких людей почти не стало. Вот весьма характерный штрих из бытовой сферы. Когда построили высотное здание МГУ, стали давать квартиры сотрудникам университета. Предложили квартиру В.К. Чичагову, младшему коллеге Петра Саввича по кафедре и по научным занятиям. Так Василий Константинович сказал, что он не может получить квартиру, пока не будет квартиры у Петра Саввича. Это были, пожалуй, последние представители того поколения филологов, которое сложилось или складывалось в предреволюционные

и первые послереволюционные годы. Тогда, в начале двадцатых годов, в академической среде — да и в литературной тоже — была какая-то другая ситуация, атмосфера... Люди не боялись спорить, высказывать своё мнение... мнение о прочитанном по тому или иному вопросу науки и литературы. Хотя и тогда уже были «блюстители идеологической чистоты».

Когда знакомишься с литературой двадцатых годов по поэтике и стилистике, видишь, как резко, ядовито, даже издевательски подчас, но всегда остроумно и по существу поддевают оппонентов Виноградов, Жирмунский... Между прочим, в двадцатые годы дискуссия, полемика, острые «подъелдыки» (если позволительно так сказать)... вся эта горячность дискуссии подзадоривала спорящие стороны, будила творческую, исследовательскую мысль, способствовала точности и чёткости выводов, обобщений (об этом хорошо написал Виктор Петрович Григорьев в предисловии к одному из томов избранных работ Г.О. Винокура).

Участники таких дискуссий, несмотря на остроту критики, полемики... (Ни Жирмунский, ни Эйхенбаум, ни Энгельгардт... из москвичей — Винокур, Якобсон... Особенно отличался резким критицизмом Шкловский. Да и Корней Чуковский в карман за словом не лез. Ему, правда, тоже доставалось от оппонентов)... никто из них не вставал в позу обиженного. Далёким откликом таких дискуссий были полемические оценки Бахтиным взглядов Виноградова на поэтический язык. И то потому, наверное, что это было воспроизведением давным-давно, в двадцатых годах, опубликованной работы Бахтина. Так же необычно прозвучала (во всяком случае для меня) статья В.Б. Горнунга в юбилейном сборнике, посвящённом 70-летию В.В. Виноградова (это, значит, 1965 г.), в которой он весьма категорично (разумеется, в корректной форме) не соглашался с некоторыми положениями юбиляра в области стилистики, оспаривая их. Для шестидесятых годов это было непривычно. К глубокому сожалению, до сих пор не редкость, когда человек обижается, почему в рецензии на книгу коллег один и тот же автор нашёл при оценке данной работы более «суперлятивные» формы, чем в рецензии на его, обидевшегося, книгу.

Я хочу сказать: наши «великие старики»...

В.Е. *Этот термин в каком смысле употребляете?*

Ю.Б. Это... как Вы говорите, «термин»... из быта МХАТа. А я — о наших «великих стариках». Виноградове, Винокуре, Петерсоне, Кузнецове, Аванесове, Ожегове, Пospelове... Они были действительно крупными, настоящими учёными, не дутыми. И каждый из них был — личность. Самобытная, разносторонне одарённая, наверное, потому и обладавшая... самостоянием. Помните, о самостоянии говорил Дмитрий Сергеевич Лихачёв? Как раз дутые величины, в силу своего служебного положения или излишней крикливости, приобретали якобы научный багаж, набирали очки на неосновательной, заушательской критике своих серьёзных коллег, сказавших в науке своё слово, на критике, построенной на сиюминутной конъюнктуре. Но по существу эти критики не представляли в науке собой ничего... или очень мало... А «великие старики»... они жили наукой. Рыцари науки... Такое название — не моё изобретение. Известно, что Ларин Борис Александрович «рыцарем филологии» назвал Щербу. Ещё раньше Бодуэна называли «рыцарем правды»! И это — рыцарское — отношение к науке, мне кажется, самое существенное в нравственном облике филологов старого закала. И такой душевный настрой был свойствен не только маститым учёным. Это не было чем-то исключительным. Так же были настроены и те, кто и не ходил в маститых. Скажем, Б.В. Горнунг, В.Д. Дувакин, А.В. Кокорев, Д.Е. Михальчи... Тот же А.А. Белкин — он был доцентом, кандидатом наук... Так увлечённо читал лекции по русской литературе XIX в.! Я слушал его спецкурс по Чехову. У Белкина была своеобразная манера читать лекции. Он рассуждал вслух. И выводы, обобщения как бы рождались на глазах аудитории. Абрам Александрович, приводя массу фактов, сведений, подводил своих слушателей к этим заключениям, выводам. Такой способ представления материала очень импонировал студентам. На спецкурсы Белкина всегда записывалось много народу. А как он принимал экзамены! Абрам Александрович был очень импульсивным человеком. И когда студент во время экзамена чего-то там тянул, он сам начинал рассказывать. Студенту оставалось только вовремя

поддакивать. Заканчивая свою тираду, особенно если речь шла о восьмидесятих годах, о его любимом Чехове, экзаменатор говорил: «Ну что ж, четвёрку я вам поставлю. Хорошо, хорошо знаете материал».

А Кокорев... Он жил в русском средневековье! Герои древнерусской литературы воспринимались им как живые, полнокровные люди, любящие, страдающие. Александр Васильевич прочитал нашему курсу несколько лекций, подменяя Н.К. Гудзия. Неизгладимое впечатление осталось от лекции, в которой шла речь о Петре и Февронии — повести XV в. о необыкновенной, небывалой любви, о красоте и силе этой любви. Он читал увлечённо, проникновенно, наизусть цитируя целые куски текста. И древнерусский текст не казался нам непонятным. При этом лектор не забывал и об аналитической, литературоведческой стороне излагаемого материала. И многие из нас после лекции побежали... ну, если не побежали буквально, то во всяком случае постарались побыстрее прочесть эту замечательную повесть.

В.Е. *А кто, грубо говоря, зверствовал на экзамене?*

Ю.Б. На экзаменах «зверствовал», как Вы выразились, например, Геннадий Николаевич Поспелов. Мы его очень любили, но он «зверствовал». Причём он неожиданный был. Мы, студенты, психологически не были готовы к его поворотам на экзаменах и зачётах. Мы что готовили? «Идейное и образное содержание» художественных произведений, разные трактовки, сложившиеся в литературной критике и в литературоведении. Образ Демона, например... Что это такое? Борьба двух начал... Всю критику читали. А Геннадий Николаевич сверх этого спрашивал — вернее, выспрашивал — детали художественных произведений: как одевался персонаж, как он вёл себя в определенной ситуации, что, например, сказал Рудин Наталье у Авдюхина пруда...

В своих воспоминаниях о МИФЛИ К.В. Горшкова в связи с экзаменом по русской литературе у Геннадия Николаевича пишет, что она на всю жизнь запомнила цвет фрака Чичикова и чем пахли руки жены Собакевича.

В.Е. *Фактуру, значит, спрашивал?*

Ю.Б. Да, фактуру... Ещё он очень любил узнавать у студента, где, в каком журнале, альманахе было напечатано то или иное сочинение. Каковы были взаимоотношения между писателями и издателями, редакторами журналов, какие политические и литературные позиции занимал тот или иной журнал.

Когда студенты спросили Геннадия Николаевича, где же им обо всём этом узнать (ведь в учебниках об этом если и сообщается, то очень и очень скупо), он, улыбаясь, ответил: «Вы ведь читаете тексты... А после текстов идут «Примечания». Почему же вы не смотрите эти примечания? В них-то почти обо всём и можно узнать». Позже я понял, что Геннадий Николаевич таким советом прививал нам, студентам-филологам, навыки профессионального чтения художественных и публицистических текстов — в общем-то, элементарные навыки культуры чтения.

У меня на зачёте о Пушкине Геннадий Николаевич спросил: «А где Болдино находится?» До этого вопроса я довольно уверенно излагал тему «Болдинская осень». А тут... осёкся: «Не знаю». — «Ну вот... узнаете, тогда и приходите ещё раз». — «Но сессия кончается уже». — «Приходите в Литературный институт, у меня там экзамены ещё». Пришел в Литинститут. «Ну что, узнали, где Болдино?» — «Узнал». — «Давайте зачётку». (Смеётся.) Тогда, между прочим, преподаватели со студентами были на «вы». По фамилии и на «вы». Только, пожалуй, одна Галкина была на «ты», и то с теми, кого уже хорошо знала.

В.Е. *А студенты между собой?*

Ю.Б. Студенты, конечно, на «ты». Скажем, с девочками из своей группы я был на «ты»... и вообще со всеми с русского отделения. А с девочками какого-нибудь... классического отделения я был на «вы». А ребята все между собой на «ты» были.

В.Е. *Виноградов как принимал экзамены?*

Ю.Б. Виноградов принимал очень... творчески. Правда, я ни разу не видел, как он принимал зачёты по спецкурсу. А вот аспирантский экзамен принимал... строго. Мне на аспирантском экзамене он сказал: «Аксаков...»

В.Е. *Это какой?*

Ю.Б. Который лингвист... Константин Сергеевич. «...Работа Аксакова о Ломоносове. Вот, пожалуйста, расскажите, мол,

какие основные идеи, с чем Вы согласны, с чем не согласны». Я начал говорить. «А это Вы читали? Обязательно посмотрите такую-то работу».

В.Е. А кто в комиссии ещё был?

Ю.Б. Александр Иванович Ефимов и Виноградов. Двоём. Виноградов вообще очень интересно построил программу моей аспирантской подготовки. Когда я учился в аспирантуре, нужно было написать один... тогда это называлось «спецвопрос»... ну, реферат. И сдать три основных экзамена: по иностранному языку, по современному русскому языку и его истории (то есть по специальности) и основы марксизма-ленинизма. И ещё какие-то экзамены. Не помню... Всего пять или шесть экзаменов надо было сдать. А Виноградов построил мою подготовку таким образом. Он мне дал три реферата. И говорит, что три обязательных экзамена сдадите, а другие — не нужно. У меня была диссертация о лексике Белинского сороковых годов. Виноградов дал мне такие спецвопросы: «Вопросы семасиологии в трудах Марра и марристов и критика их взглядов в области семасиологии» (я уже говорил о нём), «Словари иностранных слов 40–60-х гг. XIX в.» и «Отвлечённо-книжная лексика в прозе Лермонтова» (по «Герою нашего времени»).

В.Е. *Обрамление такое хронологическое...*

Ю.Б. Да. И у меня получилось: первый реферат — сто двадцать машинописных страниц. Это я теоретически подковывался. Второй спецвопрос (заимствованная, интернациональная лексика эпохи Белинского и после Белинского) — больше ста страниц. И третий, анализ отвлечённо-книжной лексики «Героя нашего времени»... Это в основном история ключевых слов — как они использовались до и у Лермонтова. Тоже страниц сто двадцать — сто тридцать.

Таким образом, Белинский в середине как бы... К моменту работы над диссертацией я, во-первых, активно продумал теоретическую проблематику диссертации, во всяком случае её самую существенную в методологическом отношении часть и — что не менее важно — изложил всё это в более-менее систематизированном виде. Во-вторых, освоил в общих чертах и в некоторых деталях движение литературного языка в первой

половине XIX в. (особенно движение литературной лексики), стал в курсе (как сейчас говорят) основных вопросов развития литературного языка этой эпохи. В-третьих (это тоже немало важно, а для создания диссертационного текста, пожалуй, самое главное), я приобрёл навыки профессиональной (филологической) письменной речи, культуры письменной научной речи. Ведь к началу работы над диссертацией я написал не меньше 350 машинописных страниц, продумал и реализовал (под руководством Виноградова!) план трёх научных рефератов объёмом по пять-шесть печатных листов! Причём это не просто графоманские или сырые страницы. Прочитав последний спецвопрос (о лексике Лермонтова), Виктор Владимирович сказал: «Вот, кажется, Вы научились писать. Этот спецвопрос вполне приличный. Я могу даже опубликовать его» (правда, эта публикация не состоялась, но исключительно по моей вине). Я обращаю внимание на то, что перед диссертацией мною был приобретён известный опыт писания, потому что обычно (и до сих пор!) диссертация для аспиранта — это и есть его первый опыт масштабного письменного научного текста.

И наконец, в-четвёртых, в процессе работы над спецвопросами я, по существу, уже работал над диссертацией. С одной стороны, у меня образовывался определённый теоретический задел. С другой стороны, накапливались мои наблюдения над общественно-политической, вообще над отвлечённо-книжной лексикой первой половины XIX в., без чего — и это «непосредственно очевидно» (одно если не из излюбленных, то часто говоримых Виноградовым выражений) — нельзя было исторически осмыслить политический словарь Белинского. Так что над диссертацией — благодаря предложенной мне Виноградовым программе — я стал работать с первого года аспирантуры. Это тоже очень важно для успешного и в срок завершения диссертации... К концу аспирантуры. Беда многих аспирантов (и сегодняшних тоже), что они начинают непосредственную работу над диссертационным сочинением на третьем, последнем, году. Между прочим, и меня, и всех моих товарищей очень удивило (а меня порадовало), когда в сентябре пятьдесят четвёртого года мне выплатили две аспирантские стипендии. В ректорате,

куда я пошёл узнать, не ошибка ли это, разъяснили: аспирантам, в срок положившим на стол диссертацию (а я отчитался по диссертации на июньском заседании кафедры), выдаётся дополнительная стипендия — на перепечатку, переплёт и т.д. Но так как редко кто укладывается в срок, об этом почти никто не знает. Однако ректорат бдит!

В начале моего аспирантства очень интересный был такой момент, когда Евдокия Михайловна...

В.Е. *Это Галкина знаменитая?*

Ю.Б. Да. Она говорит: «Виктор Владимирович, будут возражения, Вы неправильно составили программу Бельчикову». Виноградов: «А что, он возражает?» Это я, значит. (Смеётся.) «Да нет, но будут возражать!» — «А кто будет возражать?» — «Ну, в министерстве». — «Если в министерстве будут возражать, Вы мне скажите, я поговорю с Вячеславом Петровичем» (это министр В.П. Елютин, он много лет был министром). — «Евдокия Михайловна, скажите мне, пожалуйста (это академик Виноградов, завкафедрой, спрашивает своего заместителя!), кафедра доверяет мне подготовку аспирантов?» — «Конечно, ну что Вы!» — «Подготовку аспиранта Бельчикова я беру на себя».

В.Е. *Мягко так.*

Ю.Б. А потом ещё вот такой был эпизод. Я уже, кажется, говорил, что я только благодаря поддержке Виноградова в аспирантуре оказался. Он, правда, не всех своих дипломников брал к себе в аспиранты. За год до меня окончил университет Валентин Павлович Вомперский, и он стал аспирантом Александра Ивановича Ефимова, ученика Виноградова. Евдокия Михайловна подходит к Виноградову...

В.Е. *Это Галкина?*

Ю.Б. Да, Галкина-Федорук... И говорит: «Виктор Владимирович, обращаю Ваше внимание на аспиранта Бельчикова. Вы возьмёте его себе?» — «Да, я знаю Бельчикова, у него хорошая голова, только туману в ней много, но имеет смысл поработать над ней». (Смеётся.) Вот такая...

В.Е. *...оценка.*

Ю.Б. Оценка такая, да! Я считаю, что это лестная для меня была оценка. А мне Евдокия Михайловна говорит: «Ну, ты смотри

не подведи меня, я за тебя Виноградову говорила». И повторила слова Виктора Владимировича о моей голове.

В.Е. *Всё рассказала... А ещё о Галкиной?..*

Ю.Б. Запомнилось, к примеру, такое. Галкина не признавала никакой косметики... как дочь своего времени. А студентки, во всяком случае некоторые, хотя время было трудное, послевоенное (но молодость брала своё, как говорится), к косметике прибегали. И вот на экзамен по современному русскому языку все девочки приходили без каких бы то ни было следов даже той косметики, которая была доступна в послевоенные годы. Галкина, растроганная таким «пуриганством» студенток, искренне восхищалась: «Какие скромные, какие умницы, так поглощены наукой, что и о косметике не думают!»

В.Е. *А насчёт её лексики специфической?*

Ю.Б. Дело в том, что это больше всё легенды. Это всё мифы даже, а не легенды. Когда в лекциях дошла очередь до просторечия (грубой, сниженной лексики)... Евдокия Михайловна читала нам о бранной лексике. Она говорила о таких словах, как «стерва», «сволочь», но матерных слов не разбирала и не произносила. Во всяком случае когда Евдокия Михайловна читала нашему курсу.

В.Е. *Откуда же эта легенда взялась-то?*

Ю.Б. Легенда?.. Видимо, потому что у неё вышла статья перед войной о матерной лексике.

В.Е. *Ну да, это известно.*

Ю.Б. Наверное, поэтому. Но то, что она владела этим языком, это совершенно точно. Она сама рассказывала незадолго до кончины своей.

В.Е. *Когда это было?*

Ю.Б. Она умерла в шестьдесят пятом году. Года за два или за три до этого она рассказала, что у неё на даче рабочие колодец чинили. Евдокия Михайловна упала в этот колодец и никак не могла выбраться. В конце концов её крики, в том числе и очень даже энергичные выражения, услышали рабочие, стали её вытаскивать... Обо что-то она ударилась, и рабочим досталось... словесно. Потом Галкина рассказывала, что после этого случая эти ребята «зауважали» её. Раньше всё требовали пол-литра, а

тут без всякого пол-литра всё быстро сделали. «Я им на следующий день приношу «пол-литру», а они: «Нет, хозяйка, не надо». «За свою признали», — смеясь, заключила Евдокия Михайловна.

Евдокия Михайловна вообще была очень непосредственным человеком, открытым и откровенным. Она, например, охотно рассказывала, как пришла к Виноградову говорить о работе над кандидатской диссертацией, а Виктор Владимирович сказал: «Пирожки вы умеете печь». Но в аспирантку взял. И через много лет (а разговор этот был в тридцатых годах) на защите докторской диссертации Галкиной... в сорок девятом году... присутствовал Виноградов. Он выступил в свободной дискуссии. Виктор Владимирович сказал буквально следующее: «Именно такие исследования и должны квалифицироваться как докторские». Евдокия Михайловна даже в такой ответственный для неё момент не преминула ему сказать: «Виктор Владимирович, ну, признайте, что не только пирожки я хорошо пеку». — «Да, Евдокия Михайловна, признаю, что не только пирожки Вы умеете хорошо готовить». (Смеётся.)

В.Е. Это во время защиты?

Ю.Б. Да. Во время защиты. Это для неё очень характерно было.

Рассказывали, что Галкина делилась впечатлениями от визита Виктора Владимировича с Надеждой Матвеевной к ней в гости. Я слышал это в пересказе. У неё был внучек лет пяти-шести... словом, уже кое-что понимавший. Он подошёл к Виноградову и говорит: «А я знаю, кто ты». — «Кто?» — «Ты? Дундук». Виноградов: «А почему же ты решил, что я Дундук?» — «А как же? Ты же ведь в Академии наук сидишь?» — «В Академии». — «А в Академии наук заседает князь Дундук». (Смеётся.) Я не знаю, как Виноградов реагировал. Но Галкина — так передавали — готова была сквозь землю провалиться.

В.Е. Знаете, в нашем поколении от Галкиной осталась одна фраза... Что читает она лекцию и говорит: «Вот лежим мы с Галкиным...»

Ю.Б. А-а-а... да... да! «Лежим мы с Галкиным»... Это... действительно... она так говорила. «Лежим мы с ректором» (я такую версию знаю). «Лежим мы с ректором, а я его в бок, значит, толкаю и говорю: «Илья, а Илья...». Но вот ещё... Евдокия Михайловна сама

рассказывала... У неё украли шубу... В этот день Галкина читала лекцию в Комаудитории. Вышла на перерыв из аудитории, вернулась... а шубы нет. Дома она говорит Илье Саввичу (Галкину — мужу и ректору): «Илья, у меня сегодня в Университете шубу украли». А он: «Пишите заявление на имя ректора». Галкина пишет заявление. И Илья Саввич наложил резолюцию: «Для таких растяп у ректора денег нет, обратитесь к мужу». (Смеётся.)

В.Е. А Галкин какой был человек?

Ю.Б. Галкин... Он был вполне коммуникабельный человек. Очень общительный, живой. Несколько раз я бывал у Галкиной. Консультации она дома устраивала. И иногда заставлял Галкина. Он очень приветливый был, шутил. Я, правда, с ним мало общался. Я очень его стеснялся. Всё-таки ректор. В период «борьбы с низкопоклонством перед Западом» ходила одна курьёзная история. Она была связана с именем Галкина как ректора. У физиков первая лекция на первом курсе. Читает академик Капица или ещё кто-то из великих физиков. Может быть, Арцимович. И заканчивает лекцию таким обращением: «Я был бы счастлив, если бы хоть кто-нибудь один из вас стал Ньютоном или Эйнштейном». Ректору сразу на стол сигнал (так назывался донос), что академик Капица (или ещё кто-то) в первой лекции на первом курсе у физиков «проявил низкопоклонство перед Западом». Галкин отправляет это письмо декану физфака с резолюцией: «Дать разъяснения». Декан (профессор Власов, кажется) ему отвечает письменно — на этой же бумаге (так рассказывали): «Уважаемый Илья Саввич, думаю, Вы бы тоже не возражали, если бы на Вашем любимом историческом факультете появились (или появился? Как здесь точнее сказать?) один-два Маркса или Энгельса. С уважением...». Вот Вам такой интересный, показательный штрих из общественного быта конца сороковых годов. Как видим, в те годы в университете не все были поражены синдромом «борьбы с низкопоклонством». Евдокию Михайловну отличала исключительная порядочность. Она была совестливым человеком. Она, можно сказать, до последнего защищала Виноградова, когда он подвергался, уже будучи академиком (!), нападкам, давлению. Ведь Галкиной (вместе с аспирантом В. А. Архиповым; впоследствии он стал известным

литературоведом) партбюро факультета вынесло партийный выговор «за защиту Виноградова». И хотя она каялась на партсобрании (а «после собрания, — говорила Евдокия Михайловна, — я по-бабьи выплакалась дома»), но она всё же не признала, что Виноградов не прав! Это была не личная преданность Виноградову, а, я так понимаю, верность той научной традиции, которую она восприняла в том числе очень во многом от своего Учителя, и, несомненно, проявление благородства и гражданского мужества.

Галкина была очень колоритной фигурой, очень доброжелательна, добра. И очень жизнестойкая. Как-то раз у неё разбились очки, и оказалось, что один глаз не видит.

В.Е. *Совсем?..*

Ю.Б. Да, совсем не видит. Евдокия Михайловна пошла к врачу. Врач сказал, что у неё рак, нужно делать операцию.

В.Е. *Кошмар какой... Рак мозга или что?..*

Ю.Б. Вот я так точно и не знаю, рак глаза или мозга. Во всяком случае после того как ей сделали операцию, она ещё лет десять прожила. Перед операцией Евдокия Михайловна прислала на кафедру письмо. Такое... прощальное письмо. Это мужественный был человек. В письме она говорила... я уже сейчас всего не помню... Но на меня произвело впечатление письмо — очень цельного человека, цельной и мужественной натуры. Она писала о том, что нужно быть порядочным в любых ситуациях, стараться помогать людям и ни в коем случае гадости не делать. И когда Евдокия Михайловна вышла после операции, она говорила: «Я не понимаю мужиков, было там два генерала... Один в истерике бился, когда ему объявили диагноз, другой упал в обморок. А мне сказали, что у меня рак. Выслушала я и пошла... Ну, чего ж теперь делать? А эти мужики, генералы... Прямо стыдно за них стало». (Смеётся.)

В.Е. *Серьёзная была женщина...*

Ю.Б. Серьё-ё-ё-зная! Ещё очень интересная история её замужества. Вполне возможно, что это одна из легенд о ней, как и миф о том, что она на лекциях разбирала матерные слова. Евдокия Михайловна носила фамилию Федорук-Галкина (потом уже, после войны, — Галкина-Федорук). Федорук — это по первому мужу.

А Илья Саввич Галкин дружил с Федоруком. Федорук тяжело заболел и перед своей кончиной написал Галкину, что если он умрёт, то Илья Саввич пусть не оставит Дуню и мальчика — сына, а может быть, и женится на Дуне.

В.Е. *А сама Дуня-то об этом знала?*

Ю.Б. Да, знала. Федорук не успел отправить это письмо, и Евдокия Михайловна его послала Илье Саввичу. Об этом, между прочим, трогательно рассказывает сам Илья Саввич в мемуарах (они опубликованы), подчёркивая, что именно Евдокия Михайловна спасла его от смерти, потому что в то время у Галкина была тяжёлая форма туберкулёза, а Евдокия Михайловна буквально выходила его.

С Евдокией Михайловной у меня связано много интересного, много впечатлений о ней как о человеке и преподавателе... профессоре. Ну, например, она на старинный манер произносила «о́сьмнадцать» (так говорила моя бабушка, лет на сорок, если не больше, старше Галкиной); «богатство», «благо», «бог» — через «г» фрикативное (по старомосковской норме). Правда, я не помню, чтобы она говорила «картошная система» (так — последовательно, по-старомосковски — говорил Николай Семёнович Поспелов) или «плóтим», «уплóтим» (как произносил Сергей Иванович Ожегов). А случай с Молотовым я вам не рассказывал?

В.Е. *Нет, о Молотове — нет...*

Ю.Б. Евдокия Михайловна однажды звонит мне и спрашивает: «Есть у тебя Марр?» А мне как раз дядя дал трёх- или четырёхтомник Марра. Говорю: «Есть». — «Принеси мне». Принёс. Спросил: «Зачем?» В ответ: «Я тебе потом скажу». А было вот что. В сорок девятом году выходит книга Миханковой «Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности». Это уже было третье издание. Её выдвинули на Сталинскую премию. Сталин, ознакомившись с этим пухлым (более тридцати печатных листов) фолиантом, сказал: «Надо ещё посмотреть, насколько Марр марксист» — и отдал распоряжение: «Предложить членам Политбюро: пусть читают Марра, будем обсуждать». (Такова была молва.) И, видимо, после этого от Молотова позвонили Илье Саввичу (они, вероятно, были как-то близко знакомы). Галкина своего Марра, наверное, кому-то уже отдала. В общем,

она мне позвонила. Через некоторое время я спрашиваю Евдокию Михайловну: «Где мой Марр?» Она говорит: «На телефон и звони». В конце концов я выяснил, что это телефон Молотова. И, разумеется, не звонил. Марра мне, конечно, не вернули.

В.Е. *Зачитал Молотов Вашего Марра.*

Ю.Б. Зачитал... зачитал... В связи с упомянутым указанием Сталина, по всей видимости, и было создано в конце сорок девятого года совещание языковедов отделом науки ЦК. Сердюченко, ответственный работник ЦК (он был лингвистом), курировавший (как тогда говорили) языкознание, обратился к московским (не знаю, были ли лингвисты из других городов) языковедам говорить всё начистоту, что они думают о положении в советском языкознании: «Не бойтесь... Последствий отрицательных никаких для вас не будет».

Помню, что преподаватели кафедры русского языка и кафедры славянских языков (эти кафедры тогда размещались в одной комнате) были очень взволнованны, сосредоточенно что-то между собой обсуждали.

В.Е. *А знаете, есть такой миф, что многие или некоторые женщины — научные работники нередко используют в своих трудах идеи своих мужей — видных учёных, пользуются их советами и т.д.*

Ю.Б. Если Вы намекаете на Галкину, то такие мифы — из области досужих домыслов. Евдокия Михайловна всего в науке добилась своим горбом, как говорится, своим умом. Это я Вам говорю как автор статьи о Галкиной-Федорук к её 100-летию. Галкин же был историк, историк Германии Нового и Новейшего времени.

В.Е. *Вот Вы провели мысль, что Виноградов как лектор состоялся. Хотелось бы о них о всех, о «великих стариках» и о других, услышать, какими они были лекторами. Вот Вы говорили, что Реформатский был прекрасный лектор. Тут ведь много легенд... Радциг, скажем, пел на лекциях.*

Ю.Б. Сергей Иванович Радциг? Нет, он не пел. Это был своего рода речитатив. Радциг для нас был человеком, сошедшим со страниц Гомера. Такой благообразный седой старичок. Но он довольно бодрый был! В лекции Радциг вставлял целые куски из древнегреческих текстов (скажем, из того же Гомера)

или из трагедий. И давал часто собственные переводы, нужно сказать, безукоризненные по точности передачи колорита эпохи, духа Античности. Во всяком случае, так мне и многим моим товарищам представлялось. Да, он нередко — при декламировании стихов — переходил на своеобразный речитатив. Голос у него был замечательный, профессионально поставленный. Радциг, повторяю, был человек не от мира сего. Когда был период пресловутой борьбы против космополитизма, то однажды на одном из заседаний учёного совета Радциг свою речь закончил словами: «Да здравствует здоровый советский национализм!» (Смеётся.)

В.Е. *И сошло?*

Ю.Б. Так как он был целиком погружён в свою Античность, то и «национализм», видимо, для него звучал как-то этимологически, очень близко к латинскому корню, а не современно.

В.Е. *Ну, из тех людей, которые вам читали в течение пяти лет... и потом?.. Что было оригинального, интересного среди лекторов? Кроме Виноградова, Радцига? Может, кто-то иностранную литературу читал своеобразно, иностранные языки вели?..*

Ю.Б. Замечательно читал лекции по западноевропейской литературе доцент Пинский. Он читал, что называется, «с листа». Входил на кафедру (в «круглой» аудитории филфака в старом здании была достаточно высокая кафедра — деревянное «четвертьокружье» с одним приступком, а сверху был люпитр), начинал негромким, мягким, к тому же явственным голосом излагать лекционный материал. Пинский был небольшого роста, так что над кафедрой возвышались его плечи и голова. Из-за этого, видимо, его выразительное лицо и особенно задумчивые голубые глаза казались еще более выразительными. Я, конечно, ничего этого не видел. Но наши девочки, восторженно-романтические филологини, сидели на лекциях Пинского как замороженные, ловя те «счастливые миги», когда он поднимал глаза или опускал их. Вместе с тем лекции Пинского отличались стройностью изложения, ясные, чёткие характеристики поэтической манеры того или иного писателя запоминались. Его постигла тяжёлая судьба: он был осуждён «как английский шпион», ему приписывали ещё какие-то бытовые гадости.

Ну, ещё, например, нам очень хорошо преподавали латинский язык. В моей группе преподавала отличная латинистка Галина Глебовна Грязнова. Латинисты вообще были очень интересные люди. Среди них была Софья Николаевна Ниберг. Студенты рассказывали, как она предавалась воспоминаниям. Она рассказывала, что очень любила ходить в консерваторию. Там познакомилась с одним молодым человеком. Длинный, говорит, такой несуразный, но очень милый блондинчик... Серёжа Рахманинов... Мы с ним в консерватории на подоконнике в карты играли, в дурака. И кто проигрывал, тому по носу карты били. Так вот, чаще всего я ему по носу била. (Смеётся.)

В моей группе вела французский язык Надежда Андреевна Шамардина. Она закончила Сорбонну. Была влюблена во Францию, в её культуру, в язык, разумеется. У нас был практический курс французского, к тому же на русском отделении, то есть это, как очевидно, не основной язык специальности. Между тем Шамардина, когда это было возможно, всегда сообщала нам этимологические, историко-лингвистические сведения о какой-нибудь форме, словосочетании, раскрывала эволюцию фонетических явлений, давала культурно-исторический комментарий к какому-нибудь выражению, слову, номинации.

В.Е. *А вот сейчас... прошло много времени... Лосева не приходилось видеть... никак?*

Ю.Б. Лосева? Приходилось. У дяди старшего раза два видел. Но Лосев меня, по всей вероятности, не разглядел: у него очень плохо было со зрением. Наверное, меня он так и не воспринял зрительно. Получалось так, что, когда я приходил к дяде, он уже уходил. Он был печальный какой-то, внутренне сосредоточенный и погружённый в себя. Это произвело на меня большое впечатление. Я даже спросил дядю: «Почему Алексей Фёдорович всегда печальный?» — «Поживёшь и переживёшь с его — не таким станешь!»

В.Е. *А Гудзий читал вам?*

Ю.Б. Да, Гудзий читал. Николай Калиникович читал очень эмоционально, к записям практически не прибегал. Лекции его проходили в той же «круглой» аудитории. Гудзий стоял за высокой, очень неустойчивой кафедрой боком. Он прекрасно чувствовал аудиторию и, что называется, «будировал» её.

В.Е. *Это то слово, которое Ленин не разрешил?*

Ю.Б. Да, да... Николай Калиникович всегда на аудиторию говорил. Он жил — во всяком случае во время лекции — образами и идеями древнерусской литературы. И хотел, чтобы мы вместе с ним так же эмоционально переживали перипетии далёких эпох. И помню, однажды Гудзий буквально взорвался (это был действительно взрыв отрицательных эмоций), когда один из наших великовозрастных остолопов вдруг разворачивает газету буквально под носом Гудзия. «Ну, это ва-аще!», как сказали бы сейчас. Как этот парень не «аннигилировался» от такого мощного потока нервной энергии! Гудзий подождал, пока наш невежа выбежит из аудитории, и продолжал лекцию. Но, конечно, настроение у профессора, да и у студентов от этой выходки нашего товарища было испорчено.

А вот Александр Васильевич Кокорев... У него была эмоциональность другая. Если у Гудзия она была яркая, импульсивная, то у Кокорева — мягкая, душевная. До сих пор сохранилось незабываемое впечатление (я уже об этом говорил), как Кокорев преподнёс нам «Повесть о Петре и Февронии». Может быть, я скажу крамольную мысль: эта повесть — на уровне «Ромео и Джульетты» Шекспира, никак не меньше. Но Шекспира знают все, а нашу повесть не знает практически никто! И это досадно. Александр Васильевич нам сумел показать всю прелесть и величие «Повести о Петре и Февронии», её главных героев. А главное, что после лекций Кокорева, как я уже говорил, хотелось взять эти «занудные» древнерусские тексты и прочитать вопреки всем лингвистическим трудностям!

В.Е. *Вот слушаю я Вас, Юлий Абрамович, и думаю, неужели так все преподаватели, когда Вы учились, были такими «всепрекрасными», «всевлюблёнными в свою науку», «погружёнными в свою эпоху»?*

Ю.Б. Конечно, не все. Были и такие, что называется, «зануды», «буквоеды», были и конъюнктурщики, и дутые величины, были и себялюбцы, то есть любившие себя в науке, а не науку. Но ведь признайте, Володя, что, когда вспоминаешь о годах учения, о молодости, о научном младенчестве, так сказать, в памяти остаётся то, на что ты обратил внимание, что помогло тебе что-то важное для себя понять, осознать, что повлияло на твоё

отношение к специальности, на что и на кого (!) хотелось равняться. А внешнее, наносное, может быть, и блестящее (от «блестеть», а не «блистать»), звонкое, но пустое, пустозвонное... если всё это и не забывается, то вспоминать о нём нет никакой охоты. Оно не имеет нравственного положительного потенциала. Вот почему я, да и не только я, вспоминая годы учения, говорю лишь о дорогом моей памяти, моему сердцу, если уж на то пошло.

В.Е. *Мы с Вами говорили в прошлый раз о разных лекторах, о Виноградове как лекторе. Ещё раньше говорили о нём как о человеке. Но вот... опять возвращаясь к Виноградову... Как он учил? Какие у него были, так сказать, технические приёмы? Дидактические?*

Ю.Б. Я уже говорил, кажется, о том, как он мною руководил в аспирантуре.

В.Е. *Да, три реферата.*

Ю.Б. И в результате, как я отмечал, к моменту непосредственного начала работы над диссертацией у меня, таким образом, сложился, накопился определённый опыт писания, какая-то культура письменной речи. После многих лет работы с аспирантами я пришёл к выводу, что главная трудность для них заключается в том, что они не владеют (во всяком случае в достаточной мере) культурой письменной речи. И вот такое, виноградовское, решение проблемы подготовки аспиранта к написанию диссертации (причём не только с точки зрения культуры письма, но и по существу) представляется мне мудрым, оптимальным! Три темы... Теоретическая...

В.Е. *А, да... Вы об этом говорили. Это как в артиллерии: ближе, дальше — и в точку.*

Ю.Б. Может быть, и так. Когда я приносил Виктору Владимировичу свои тексты, он буквально учил меня писать. Он говорил так: «Вы пишете — и у вас простыня. И основное и неосновное — всё в куче. А вы ведите основную линию, закончите, завершите её и напишите: «Итак...». Сделайте вывод. А потом: «Вместе с тем... — и излагайте побочные, сопутствующие основному вашему содержанию дополнительные моменты»

(понятно, что я схематично передаю советы Виноградова). Вот я до сих пор так и пишу. (Смеётся.) И второй момент виноградовской методы, который я передаю своим аспирантам, студентам, — это о цитации. Я очень любил цитировать. И до сих пор люблю. Но... во-первых, у меня вначале была неумеренная цитация. Виноградов говорил мне примерно так: «Вы готовы, написав: «Дважды два — четыре», указать: «Смотри таблицу умножения». Он советовал знать меру в цитировании и в ссылках. Если Вы пишете о чём-то и хотите подтвердить это что-то научным авторитетом, то надо ссылаться именно на того автора, который данное положение сформулировал, выдвинул («на парадигматические тексты», сказали бы сейчас).

Совсем не требуют ссылок тезисы, положения, уже ставшие «общим местом» в данной сфере науки. В этом и состоит один из важных критериев культуры цитирования, ссылок, культура «научного производства», исследования. Конечно, чтобы так поступать, «пиша» научный опус, необходимо хоть как-то быть осведомлённым в историографии, «в литературе вопроса». Это, так сказать, формальная сторона дела. Замечания Виноградова на полях очень лаконичные и очень точные.

В.Е. *То есть он писал на полях?*

Ю.Б. Да, я ему давал машинопись, и на полях моей рукописи Виктор Владимирович делал замечания. Во-первых, он очень чуток к слогу.

В.Е. *А он действительно читал целиком, не «по диагонали»?*

Ю.Б. Нет, нет... не «по диагонали». У меня сохранились эти листы. Виктор Владимирович или подчёркивал... так, знаете... волнистой линией... Или ставил знак вопроса... Или какое-то краткое замечание, например: «Так ли?».

В.Е. *А чем? Красной ручкой?*

Ю.Б. По-моему, самописка у него была. Не шариковая, а обычная. Синяя или фиолетовая. Причём это были замечания, которые активизировали как-то, ориентировали мысль, внимание.

В.Е. *То есть это чисто оценочное что-то было?*

Ю.Б. Нет, не то что «плохо» или «хорошо». Никаких там «не в ту степь» или прочее. Очень часто было: «Перенести в другое место». Или: «Это уже было» (с указанием где). Часто он уточнял.

Я, скажем, пишу: «Середина XIX века», а он — уточнение: «60–70-е годы».

В.Е. *А вот если опять же не из приятного... Есть такое мнение, легенда, что такие люди, как Виноградов, очень часто использовали наработанное их учениками в своих исследованиях.*

Ю.Б. Нет, я этому не верю.

В.Е. *Ну, вот книжка об истории слов. Недавно вышла. Раскуплена была моментально. Ведь колоссальный материал, объём... Одному явно не справиться. Не помню, был ли там Ваш материал о мещанстве, мещанине.*

Ю.Б. Прежде всего надо сказать, что Виноградов не один десяток лет работал над этой проблемой. Что же касается истории слова «мещанин»... Действительно, в одном из докладов в пятидесятом или пятьдесят первом году (этот доклад был опубликован)... После работ Сталина проходила объединённая сессия ОЛЯ Академии наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР. Виноградов прочитал доклад на тему о значении работ Сталина для развития советского языкознания (что-то в этом роде). И в одном месте доклада буквально несколько строчек о происхождении слова «мещанин». Как Вы, должно быть, помните, я написал на третьем курсе курсовую работу об этом слове. Виноградов рекомендовал её к печати, но опубликована статья была лишь в пятьдесят третьем году. Когда Виктор Владимирович говорил со мной о проблемах этой курсовой работы, он обратил моё внимание на вопрос о происхождении слова «мещанин», высказал предположение о том, что слово это вполне могло возникнуть в русском языке (вернее, в языке Юго-Западной Руси) самостоятельно; необязательно оно было заимствовано из польского языка...

В.Е. *Насколько я помню, и у Фасмера сказано, что «мещанин» из польского.*

Ю.Б. Да, и у Фасмера, и у Преображенского. «Но Вы посмотрите, — говорил мне Виноградов, — может быть, были какие-то условия, которые способствовали тому, что это слово возникло самостоятельно». Я эту мысль развил. Доказал (так мне кажется до сих пор), что словообразовательные условия для возникновения слова «мещанин» и в польском, и в русском языках (в языке

Юго-Западной Руси) были сходные или аналогичные. Так вот, в докладе этом Виноградов на меня не сослался — и совершенно естественно, так как статья опубликована не была. Когда я вскоре после доклада пришёл на очередную консультацию к Виктору Владимировичу, он сам мне сказал, что не сослался на меня именно по этой причине. Мне же было чрезвычайно лестно, что Виноградов (!) вставил в свой доклад упоминание о слове «мещанин». Значит, мои материалы и доводы о происхождении этого слова показались ему убедительными.

В.Е. *А вообще-то, Виноградов был человек не болезненный?*

Ю.Б. В принципе, да... Видимо, какие-то отклонения были... Впрочем, у него находили признаки диабета. Так говорили. Но он никогда долго не болел. Вообще, он был человек жизнеутверждающий! От чего он страдал, так это головные боли.

В.Е. *Это мигрень?*

Ю.Б. Наверное. Во всяком случае... уже в тридцатые годы... Скажем, в письмах к жене из первой ссылки он постоянно жалуется на страшные головные боли.

В.Е. *А периодов какой-то хандры... длительных периодов у него не было?*

Ю.Б. Вряд ли... Он всегда был в работе, всегда чувствовалась напряжённая работа мысли. Иногда, особенно в пятидесятые годы, Виктор Владимирович выглядел утомлённым. Потом... у него была манера слушать выступления или «дебаты» во время кафедры, совета или какого-то заседания с закрытыми или полужакрытыми глазами. Злые языки утверждали: «Виноградов спит». Однако — и это множество раз подтверждалось — Виктор Владимирович внимательнейшим образом следил за тем, что говорилось. Нередко он поправлял оратора, уточняя исторические, историко-лингвистические факты, детали, библиографические данные.

В.Е. *То есть он жил в жёстком режиме.*

Ю.Б. Да, он жил в жёстком режиме. Причём он себя, видимо, дисциплинировал. Однажды я как-то летом приехал к Виноградовым на дачу в первой половине дня. Виктор Владимирович вышел в официальном костюме, совсем не «по-дачному». Я засмутился. Говорю: «Я ненадолго... Вы собираетесь в Москву, наверное». — «Да нет, никуда не собираюсь, я работаю».

В.Е. Это такая аристократическая привычка?

Ю.Б. Не знаю, аристократическая ли, но привычка! А Надежда Матвеевна говорит: «Виктор Владимирович всегда так». Так что у него была такая своего рода самодисциплина. Но если вернуться к нашей теме...

В.Е. Да, да...

Ю.Б. Виноградов не признавал голого теоретизирования. Теоретические положения должны быть основаны на выверенном лингвистическом материале.

В.Е. А к философии в целом, к «мыслительству», так сказать, он как относился?

Ю.Б. Относительно философии как дисциплины специально, насколько я знаю, Виктор Владимирович не высказывался. Но... это известно, что он очень много внимания (как, например, в двадцатые годы) уделял философии. И философии эстетики, и философии языка. В этом можно убедиться даже по письмам к жене.

В.Е. В «Новом мире» опубликовано было?

Ю.Б. Да. Со мной он на эти темы не говорил. В беседах со мной Виктор Владимирович больше уделял внимания, так сказать, методологии писания, научного изложения. Говоря об одном лингвисте, который уж очень так... резво печатался, Виктор Владимирович советовал: «Вы не следуйте его примеру, он звоном занимается». Голое теоретизирование Виноградов называл «рассуждательством». Он не терпел «рассуждательства», рассуждений с потолка. Всё должно быть лингвистически выверено. И исторически выверено. Вот это очень важно и ценно. Обилие фактического материала в работах Виноградова многим не нравилось. Некоторые зло говорили, что он специально листаж набирает — для гонорара. Были ехидные такие рассуждения, что он «забывает» страницы иллюстрациями. А ведь если их проанализировать, эти иллюстрации...

В.Е. Которые он к тому же приводил на память...

Ю.Б. Да... Очень многие. Кстати, о цитировании Виноградовым литературных источников... Многие считали, что Виктор Владимирович прибегает к картотеке цитат. О том, что Виноградов, работая над очередной статьёй, перебирает карточки с

цитатами, «играет на картотеке», говорил мне академик. И.И. Мещанинов. С Иваном Ивановичем я был знаком по Алма-Ате. В годы войны моя семья в эвакуации оказалась в этом благодатном городе. Одно время мы жили в общежитии пединститута, где были размещены учёные из Ленинграда. Так я ещё в отрочестве познакомился с Е.С. Истриной, Н.В. Юшмановым, В.И. Чернышёвым, С.Е. Маловым и с И.И. Мещаниновым. Разговор о Виноградове произошёл уже в Москве, после войны, в году сорок восьмом. Мне позвонил дядя и пригласил меня проводить Ивана Ивановича на Ленинградский вокзал (он по делам был в Москве). При встрече с ним дядя сказал ему, что я студент филфака университета, с увлечением слушаю лекции Виноградова и читаю его работы. В связи с этим Мещанинов раскрыл один из «секретов» работы Виноградова над своими статьями. Когда я, помогая Надежде Матвеевне разбирать архив Виктора Владимировича после его кончины, спросил, где же картотека цитат (и рассказал о разговоре с Мещаниновым), она ответила, что никогда такой картотеки у Виктора Владимировича не было: «Виктор Владимирович и картотека цитат — это несовместимые вещи. Он всегда надеялся на свою память!» Что же касается цитат у Виноградова, то они ведь необходимы, они значимы и в социокультурном плане, и в историческом, и в лингвистическом, и для прояснения обсуждаемой проблемы.

В.Е. *И он не только материал иллюстрировал, но и разные точки зрения любил приводить.*

Ю.Б. Да. Это было глубоко осознанно. Ему надо было показать всё, что было сделано предшественниками. У него, видимо, просто в крови было внимание к мнению другого. И он не просто воспроизводил разные точки зрения, а анализировал их, выясняя движение лингвистической мысли. Виноградов ведь всё «перелопатил»: от Ломоносова до Щербы и Пешковского. Некоторые забытые авторы благодаря такой внимательности к предшествующему научному опыту были возвращены Виноградовым в научный оборот. Например, замечательная работа Боголюбова о литературном языке, которая, собственно, заново была открыта им для науки. Или труды Болдырева...

В.Е. Скажите, а вот... очень многие считают себя учениками Виноградова. По-вашему, всё-таки кто максимально полно наследовал его традицию, в целом вот... всю эту... глыбу... теорию, практические методы?

Ю.Б. Дело в том, что школа академика Виноградова, которая есть...

В.Е. Извините... просто складывается такое ощущение, что всё, что есть в лингвистике нашей... ну, кроме там структуралистов каких-нибудь отчаянных, — всё это школа академика Виноградова. Да и они тоже.

Ю.Б. Ну, это совсем не так. Дело в том, что школа академика Виноградова разделяется как бы на две части, что ли: это непосредственные ученики его, кто, говоря фигурально, «вышел из рукава» Виноградова (уже есть и научные «внуки» Виноградова), и те, которые непосредственно у него не учились, однако приняли, восприняли идеи, труды этого выдающегося учёного как методологию научного (лингвистического, филологического) исследования и руководствовались... руководствуются ими. Вряд ли сейчас есть необходимость всех поимённо назвать: задачи, жанр данного текста иные. Известное представление о «списочном составе» школы Виноградова может дать статья «Виноградовская школа» Ю.В. Рождественского в книге «Русский язык. Энциклопедия» (второе издание вышло в свет в 1997 г.; первый вариант этой статьи — в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»). Впрочем, некоторые непосредственные ученики Виноградова уже были названы «выше» (как пишут в академических статьях). Последователями Виноградова, считавшими себя (вполне обоснованно) его учениками, были, например, Н.И. Толстой, Ю.В. Рождественский. Никита Ильич Толстой — славист по образованию, болгарист. Его непосредственный учитель — Самуил Борисович Бернштейн, или «Бернштейн красивый», как его называли аспиранты и молодые коллеги. Он действительно имел очень импозантную, колоритную внешность. (Как сказала о «Сэме» — это другое его «именование» — одна из слависток, «Самуил Борисович патологически красив»). Между тем, когда Толстой перешёл к проблемам литературного языка, стал исследовать в сопоставительном плане

славянские литературные языки, то — и это естественно! — он обратился к трудам Виноградова. И сам он себя считал учеником Виноградова. Рождественский Юрий Владимирович — китаист вообще-то, но в вопросах теории слова, риторики он тоже считал себя учеником Виноградова. Своё учение о риторике, как мне кажется, он целиком основывает... ну, истоки основные видит в книге Виноградова «О художественной прозе» тридцатого года. Об этом он по крайней мере дважды писал. Нужно сказать, такое деление школы Виноградова формальное. Методологически, по основным, фундаментальным идеям, принципам исследования, подходам к изучаемым проблемам, к фактическому материалу она представляется целостным научным направлением.

Наряду со школой Виноградова, можно говорить о школе Винокура, о школе Аванесова... В современной русистике, конечно, наиболее авторитетна и, так сказать, «идеологически» организована школа виноградовская. Очень важно иметь в виду, что эта школа охватывает практически весь спектр русистских дисциплин (за исключением фонетики).

В.Е. *А эти принципы, подходы... как-то... эксплицитно, так сказать, выявлены?*

Ю.Б. О них, например, достаточно чётко писал Ю.В. Рождественский. Да и сам Виноградов много внимания уделяет методологическим проблемам анализа системы русского языка, разных лингвистических уровней, его функционирования в речевой коммуникации.

В современной русистике существуют, действуют, разумеется, и другие школы. Не говоря уже об известнейших фонологических — Московской и Петербургско-Ленинградской школах... Определённо сложились школы Ю.Д. Апресяна, М.Б. Маркова (Казанско-Ижевская), ведущая свои истоки от знаменитой Казанской школы, от Бодуэна де Куртенэ. В первой половине XX в. в основном в Казани же образовалась школа В.А. Богородицкого. А школа Л.В. Щербы? Сам Виноградов — ученик Льва Владимировича.

В настоящее время отечественная русистика характеризуется развитием региональных школ, имеющих, впрочем, общенаучное значение. Я уже упомянул школу профессора Маркова.

В Перми действует мощная, продуктивно работающая школа Маргариты Николаевны Кожиной. Есть Саратовская школа Ольги Борисовны Сиротининой. Под влиянием идей Потебни, Л.А. Булаховского и В.В. Виноградова в Украине прекрасно, результативно работали замечательные исследователи в области современного русского языка, русской стилистики. Сейчас это, как ни парадоксально, заграница. Но ведь единое научно-идейное пространство (современная речевая новация) осталось, его декретивно не ликвидируешь.

Да и в школе Шахматова наряду с Виноградовым плодотворно работали и Сергей Петрович Обнорский, и Евгения Самсоновна Истрина, и Василий Ильич Чернышёв... У каждого из них были ученики, последователи. А в Петербурге — Петрограде — Ленинграде и опять в Петербурге сложилась не одна научная школа. Наряду с фонологической, существовали и существуют целые научные направления в сфере изучения поэтического языка, художественной речи. В 1997 г. в Польше вышел фундаментальный сборник, посвящённый русской стилистике. В нём помещена интересная статья о Петербургской школе стилистики. Эта школа сопоставляется с Московской стилистической школой. Сейчас определённо говорят уже о «дочерних» (если можно так их назвать) школах Шведовой, Белошапковой, Золотовой, Шмельёва — внутри Виноградовской школы. Так что разнообразие школ, направлений, как говорится, «налицо».

В.Е. *Всё это так... Однако... среднему студенту филфака во всех этих школах разобраться трудно. Хорошо известны только расхождения... даже трения между школами фонологическими. Это действительно настолько существенно? Или всё-таки раздуто немножко? А то создаётся впечатление, что вся фонетика развивается под знаменем этой вражды между москвичами и ленинградцами.*

Ю.Б. Ну, конечно, как Вы выразились, не «раздуто». Это только с точки зрения студентов кажется, что «раздуто», потому что им приходится если не разбираться, то во всяком случае зазубривать все эти фонологические тонкости. Ведь «раздувают», когда есть какой-то вненаучный интерес... в журналистике, в политике, в актёрском мире... и в научном тоже. А в нашем

случае вопрос и интерес чисто научный. И здесь ничего трагического нет. Просто разные подходы. Споры идут. И слава Богу, что эти споры остаются в рамках академических дискуссий и дело не доходило до «оргвыводов», как это нередко случалось.

В.Е. *И до рукоприкладства.*

Ю.Б. Да. Просто одни так считают, а другие иначе. А насчёт вражды Вы, по-моему, не правы. Ведь «москвичи» и «ленинградцы» часто общались (как сейчас говорят) друг с другом, ездили друг к другу. Известно, что Щерба нередко бывал в Москве, выступал с докладами, которые вызывали, конечно, споры, несогласие «москвичей». Известно также, что, например, квартира Аванесовых в районе Чистых прудов до войны, скажем, была открытым домом для приезжавших в Москву «ленинградцев», и не только для них. Да даже внутри Виноградовской школы много споров.

При всём разнообразии школ, направлений, исследовательских подходов современная русистика своими истоками во многом обязана Виноградову, опирается в очень многом на него. Многие современные идеи, особенно связанные с идеей функционализма, восходят к Виноградову... и к Щербе, конечно. Вот, скажем, А.В. Бондарко... Он не виноградовец. Между тем, прямо связывает свой функциональный подход с функционально-семантическими идеями Виноградова, в своих построениях опирается на них. Или, например, Ю.Н. Караулов. В своей концепции языковой личности, в её выработке он ориентируется тоже на труды Виноградова. И в «Ассоциативной грамматике» он на первых же страницах пишет, что к основной идее этой грамматики пришёл под влиянием Виноградова.

В связи с такого рода иллюстрациями «из истории современной науки» возникает интересный вопрос. Видимо, в определённых случаях следовало бы различать понятия «ученик такого-то учёного» и «последователь в исследовании известной проблематики».

Размышляя над научными судьбами... да и человеческой судьбой таких людей, как Виноградов, Винокур, Щерба, Ушаков, Жирмунский, Конрад и других учёных равного масштаба из наших современников, нужно назвать Дмитрия Сергеевича

Лихачёва. Они все без исключения — ренессансные люди. Каждый из них — Личность! Крупная, своеобразная и талантливая... Талантлива разносторонне. К тому же, повторюсь, были преданы своей науке до конца, жили ею, её идеями, проблемами. Виктор Владимирович во время войны писал А.М. Земскому (отцу Е.А. Земской), что не может дня прожить без мыслей о слове.

А вот многозначительное признание Ю.Г. Оксмана. В моём присутствии Юлиан Григорьевич рассказывал дяде, что во время заключения, в лагере, его (Оксмана) буквально спас Пушкин. Каждое утро он начинал с того, что прочитывал наизусть какое-нибудь стихотворение Пушкина — это было как физзарядка (между прочим, Оксман заключённым «читал лекции» о Пушкине). В лагере, говорит Юлиан Григорьевич, давали заключённым спирт (Север, сильные холода), и в больших дозах. Оксман тоже пил спирт. Но однажды, проснувшись, он не смог вспомнить очередную строчку пушкинского стихотворения. «Меня охватила паника. После этого случая я перестал принимать спирт, память восстановилась. Так что, — заключил Юлиан Григорьевич, — Пушкин меня спас!»

И что интересно: наши «великие старики» практически принадлежат к одному поколению. Ну, Ушаков и Щерба старше всех, а Лихачёв моложе. А так: Виноградов, Винокур, Жирмунский, Конрад, Якубинский, Бахтин... — все они родились в девяностых годах XIX в. Такую знаменательную закономерность подметил как-то В. П. Григорьев.

В.Е. *Некий рефлекс Серебряного века...*

Ю.Б. Может быть. Правда, они ведь развернулись несколько позже.

В.Е. *Но наука и не могла развернуться раньше, как поэзия.*

Ю.Б. Да... Конечно. Между тем, это были люди ренессансно-го типа, люди очень одарённые. И во многих областях.

В.Е. *Вот хотя бы предсмертное сочинение Аванесова.*

Ю.Б. Да. Опера... Я даже пожалел, что Вам об этом сказал. Как-то Вы не так восприняли...

В.Е. *Почему? Нормально воспринял. А интересно, Виноградов писал стихи?*

Ю.Б. Судя по переписке с Надеждой Матвеевной, да.

В.Е. А о чём?

Ю.Б. Такого... философско-лирического плана. Пётр Савич — математик, был конгениален Андрею Николаевичу Колмогорову. Он, говорят, его молочный брат. К тому же Пётр Савич три романа написал. Один из них назывался «Гангстер из Анапы». Он их писал для жены. Целые поэмы посвящал своим аспиранткам. Африканист был видный. Или взять компанию, которая у Винокура собиралась на Арбате. Сам Винокур был музыкально одарён, прекрасно пел (у него был тенор), а кроме того, увлекался футболом. Григорий Осипович был и лингвистом, и литературоведом, и дипломатом, автор политических обзоров в газетах. Рубен Иванович Аванесов один из романсов посвятил Тане Винокур. Когда чествовали Аванесова в связи с его 75-летием, Александр Александрович Реформатский рассказал, что Аванесов написал несколько вальсов. А Борис Викторович Томашевский, блестящий литературовед, классик пушкинистики, замечательный, тонкий лингвист... он был математиком, имел инженерное образование, прекрасный пианист. О нём проникновенно писал Сергей Иванович Ожегов в одном из предисловий к своему словарю. Сергей Михайлович Бонди виртуозно играл на флейте.

В.Е. И своим «бондиткам», наверное, играл?

Ю.Б. Вот эти «ушаковские мальчишки» собирались на квартире Винокура, музицировали, в паузах обсуждали лингвистические вопросы (или, наоборот, в интервалах между серьёзными разговорами предавались меломании, потягивали чаёк, острословили). Между прочим, у Тани Винокур есть интересные воспоминания об этих посиделках «ушаковских мальчишек». А эрудиция нашего старшего (для меня и моих сверстников старшего) поколения филологов поразительная: глубокие, точные знания в самых разных сферах интеллектуальной и художественной жизни, тонкое понимание, широкое осмысление явлений искусства, необычайная осведомлённость в литературе... не говоря уже о художественной и специальной — в философской, эстетической. Для них не существовало языковых барьеров в освоении интеллектуальных и словесно-поэтических ценностей. Это удивительное качество

русской интеллигенции в советское время во многом утратилось. Лишь в последнее время (ну, лет пятнадцать-двадцать назад) стало как-то, к счастью, восстанавливаться!

В.Е. *Хочу переключиться на другую тему. Вот Вы с Ольгой Сергеевной Ахмановой однажды в соавторстве выступили. В связи с этим очень интересно услышать Ваши впечатления о ней: об Ахмановой-учёном, об Ахмановой-человеке. Ведь так много ходит разных противоречивых разговоров, легенд об Ольге Сергеевне — очень интересной, незаурядной личности!*

Ю.Б. Да, Володя, Вы поставили передо мной трудную, ответственную задачу. Я ограничусь только теми впечатлениями, которые у меня сложились в период непосредственной работы с Ольгой Сергеевной над статьёй по проблемам ортологии. Когда я был аспирантом, существовали так называемые методологические семинары. В таких методологических семинарах участвовали преподаватели и аспиранты, семинар был общефакультетский.

В.Е. *Это когда было?*

Ю.Б. Такие семинары особенно активно работали в пятидесятые — шестидесятые годы. Ольга Сергеевна, по-моему, тогда, в начале пятидесятых годов, руководила таким семинаром. Вообще-то, эти семинары были одной из сфер политучёбы, обязательной в советское время абсолютно «для всех трудящихся».

В.Е. *Она тогда уже кем была?*

Ю.Б. Доцентом. Это пятьдесят первый год, а в пятьдесят седьмом, кажется, она уже докторскую защитила.

В.Е. *Когда она родилась-то? У нас говорили, что вместе с Львом Толстым.*

Ю.Б. Ольга Сергеевна родилась в 1908 г., во всяком случае, это официальная дата. Меня, надо признаться, всегда интересовали вопросы теории языка, философии языка. И на одном из семинаров я выступил и говорил что-то «умное». (Смеётся.) Видимо, это понравилось Ольге Сергеевне. И она мне предложила вести занятия практические по введению в языкознание. В пятьдесят втором — пятьдесят четвёртом годах я вёл эти занятия. А потом, позже уже, в году пятьдесят восьмом, Ольга Сергеевна позвонила мне и сказала, что приглашает меня быть её

соавтором в работе по вопросам правильности речи. Свой выбор она объяснила так: «У Вас ясный слог, нет непонятных иностранных слов. В Ваших работах много фактического материала. И, главное, Вы прошли выучку у Виноградова». Ольга Сергеевна задумала написать книгу о культуре русской речи. Я приходил к ней домой каждое воскресенье в течение нескольких месяцев. Тогда Ахманова жила на улице Чайковского, примерно напротив американского посольства. Дом её стоял «во втором порядке», во дворе. Через некоторое время присоединился Владимир Владимирович Веселитский, её ученик, англист по базовому образованию и по диссертации. Впоследствии он переключился на историю русского литературного языка. Из него выросла очень хороший исследователь, но он погиб.

Во время воскресных «сессий», как называла эти встречи Ольга Сергеевна, прежде всего речь шла о проблемах правильной речи, о норме. И не только об этом. Однажды я застал у Ахмановой английского русиста. Он занимался проблемой категории состояния. Тогда это был один из активно обсуждавшихся вопросов. В ходе разговора Ольга Сергеевна с большим уважением говорила об Абраме Борисовиче Шапиро как об учёном и как о личности очень цельной и привлекательной (речь о Шапиро зашла в связи с его дискуссионной статьёй в «Вопросах языковедения»). Однажды она сказала, что ей очень нравится как человек Никита Ильич Толстой. В конце одного из моих визитов Ольга Сергеевна говорит: «В следующее воскресенье приходите к обеду». — «Спасибо, но зачем Вам хлопотать?» — «Нет, нет, приходите». Я человек послушный, пришёл к обеду. Она принимает меня, как обычно, в своём кабинете. Через какое-то время входит домработница и ставит на небольшой столик полную тарелку супа... и чёрный хлеб. Ольга Сергеевна говорит: «Садитесь». — «А Вы, Ольга Сергеевна?» Она: «Садитесь, садитесь». Я сел. Она: «Подождите есть». Убегает... И вводит мальчика лет пяти-шести. Очень интеллигентного мальчика. Говорит мне: «Начните есть. Возьмите хлеб в руку». Я беру. Ну, словом, я как подопытная маргышка. Мальчика в зоопарк привели. И бабушка говорит: «Вот видишь, дядя ест суп с чёрным хлебом. Откусывайте-откусывайте. Видел? Ну, все, спасибо, Юлий Абрамович». (Смеётся.)

В.Е. *А в чём дело-то?*

Ю.Б. Ольга Сергеевна рассказывала мне, что, когда её сын пригласил свою пассию, чтобы познакомиться с «маман», она сказала будущей невестке: «Милочка, если Вы хотите войти в мой дом, Вы должны забыть, что такое хлеб».

В.Е. *Это диета такая?*

Ю.Б. Я объясняю это тем, что Ольга Сергеевна следила за своей фигурой: она же была спортивной, подтянутой всю жизнь. И наверное, в такой диете, в следовании ей было проявление своего рода англомании... Так мне кажется.

В.Е. *Да, я помню, где-то за год до её смерти я видел её на защите. Платье её бордовое знаменитое...*

Ю.Б. Она сама говорила: «Иду по Арбату: сзади — пионерка, спереди — пенсионерка». (Смеётся.) Ольга Сергеевна была очень жизнерадостной женщиной. На одном кафедральном «междусобойчике», как это обычно бывает после защиты чьей-то диссертации (это было на кафедре русского языка гуманитарных факультетов для иностранцев; Ольга Сергеевна выступила оппонентом), Ахманова поднимает бокал и говорит «похвальное слово» науке, как важно ею заниматься. «Но в то же время, — говорит она, — и это (показывает на бокал с вином) не следует забывать. А то станете, — неожиданно добавляет с улыбкой Ольга Сергеевна, — такими же сморщенными, как...». И показывает на присутствовавшего здесь же одного профессора, который всё же выглядел вполне бодрим.

Ахманова любила шутку и была мудрой. Перед женской аудиторией она развивала такую, например, шутейную «теорию»: «Когда вы выступаете и в зале есть мужчины (а они всегда есть), вы должны помнить: мужчины не слушают, что говорит женщина, а прежде всего смотрят на неё. И поэтому вам во время выступления не надо морщить лоб, сутулиться, теревить нос, чесать в затылке. Надо себя показать: мол, смотрите какая я, как мила и изящна».

В.Е. *Об Ахмановой множество легенд. Во-первых, это то, что она всё взяла у Смирницкого. Что он её «накачал», так сказать, идеями, которые она потом всю жизнь развивала.*

Ю.Б. Она ученица Смирницкого. И не скрывала этого. Если уж говорить об Ахмановой как об учёном, нужно особо подчеркнуть, что Ольга Сергеевна Ахманова относится к тому довольно редкому типу лингвистов, которые не ограничиваются узкими рамками своей языковой специальности. В теоретических построениях она опиралась на широкий спектр западноевропейских языков. И самое отличительное свойство научных исследований профессора Ахмановой, которое хотелось бы специально выделить, — глубокое постижение русского языка и широкая осведомлённость в «русистской» историографии (явление редкое среди лингвистов-«западников»). Не случайно её докторская диссертация была посвящена проблемам общей и русской фразеологии. Учёная деятельность О.С. Ахмановой — учительный урок верности отечественной научной и методической традиции, всегда актуальное напоминание о том, что все мы (и германисты, и романисты, и другие «язычники») вышли из русской филологической культуры, воспитаны, обучены в традициях отечественной филологии и именно как таковые представляем интерес для зарубежных коллег.

В.Е. *А есть ещё много легенд об Ахмановой... Например, что она никогда принципиально не ездила на машине. Всегда ходила пешком, ездила на метро. Или то, что у неё дома по одному, то есть по одной, дежурили сотрудницы кафедры английской. Убирались, готовили и так далее.*

Ю.Б. Не думаю. Ну, может, когда она уже, как говорится, вошла в почтенный возраст...

В.Е. *И сотрудницы в очередь выстраивались, потому что Ахманова так... походя, в бытовой обстановке идеи раздавала. Во время беседы она надиктовывала фактический материал. Надо было только магнитофончик принести.*

Ю.Б. По крайней мере, когда она со мной работала, этого не было. Она вслух действительно рассуждала. И справлялась у меня, так это или не так в русистике. Был такой смешной случай. Я уже привык немножко к Ольге Сергеевне, к её...

В.Е. *...странностям.*

Ю.Б. Лучше сказать, к манере, к стилю... Я как-то стеснялся её. Робел перед научным авторитетом Ольги Сергеевны, перед

её «светской величавостью» — при всей искренней доброжелательности к собеседнику. Ну, вот. Мы беседуем. Я замечаю, что Ольга Сергеевна строит фразы как-то не по-русски. Хотя у неё безукоризненное было произношение; очень правильно она говорила, очень чётко всегда, и с точки зрения дикции, и «синтаксиса высказывания»... Чувствовался в ней преподаватель языка. А тут я несколько осмелел и говорю: «Ольга Сергеевна, мы с Вами говорим о правильной речи, а мне кажется, что Вы как-то не совсем правильно строите фразу». — «Да-да, это вполне возможно. Я сегодня весь день читала по-шведски. Ну, ничего, я это перебую испанским языком. И к следующей нашей сессии всё будет в порядке». В следующее воскресенье к Ольге Сергеевне действительно вернулся её образцовый русский язык.

В.Е. *А то, что она сажала всех в одной аудитории (и студентов, и профессоров) и все пели это... «What is the English we use...».*

Ю.Б. Этого я не знаю. Может, это в университете... Но то, что она была очень эмоциональной дамой, экспрессивной... это факт.

В.Е. *Гнев её Вы видели?*

Ю.Б. Гнева её я не видел. На себе, во всяком случае, не испытывал. В то же время я знаю, как она непримирима была к Звегинцеву. Особенно эта дискуссия в семьдесят третьем году, когда его книга вышла. Ну, он тоже, надо сказать, хорош. Например, об одном крупном русисте написал, что тот «пещерный материалист», об Ахмановой — что она не разбирается в грамматических абстракциях. Впрочем, в этой книге были поставлены важные, принципиальные вопросы.

В.Е. *До сих пор конфликт между кафедрами есть. Структуралисты называют кафедру общего и сравнительно-исторического языкознания «бандерлогами». А те кафедру структурной и прикладной лингвистики — «хазарами».*

Ю.Б. В связи с дискуссией вокруг книги Звегинцева и конфликтом между ним и Ахмановой... Как рассказывали, к ней пришла какая-то дама из аппарата Гришина (тогда он был первым секретарём Московского комитета КПСС; его дочь — это известно — ученица Ахмановой). Говорили, что вроде бы увещевала

Ольгу Сергеевну, чтобы та помирилась, что ли, со Звегинцевым: ведь вы, мол, оба учёные, профессора, что-то в этом роде. На что Ахманова будто бы выдала такой «пассаж»: «Кто он и кто — я?»

В.Е. *Это он — Звегинцев?*

Ю.Б. Да. «Я столбовая дворянка. А он подзаборник какой-то». И какое-то ещё резкое слово. Гришин впоследствии, как рассказывали, пригласил В.А. Звегинцева, просил его написать записку о состоянии советского языкознания. Но Владимир Андреевич не успел сделать это. Он неожиданно скончался. Инфаркт...

В.Е. *А вообще свой аристократизм Ахманова подчёркивала обычно?*

Ю.Б. Нет, никогда. Может, в этом-то и состоит истинный аристократизм... Что же касается такой «аттестации» Звегинцева, так это говорилось в запале, в раздражении.

В.Е. *А англомания?*

Ю.Б. Ольга Сергеевна очень гордилась своим английским языком. Однажды рассказала, что, когда была в Англии, её коллеги были в восторге от её английского языка и говорили: «Вы говорите почти как королева». При этом разъяснила: «В Англии проблема культуры речи решается очень просто: так сказала королева! Вот главное. Если королева сказала: "Что Вы выпендриваетесь?" (правда, вряд ли она так скажет), значит, и все так могут говорить».

В.Е. *Ну, у нас так не получится.*

Ю.Б. У нас действительно так не получится.

В.Е. *У нас с вами уже целая галерея портретов получилась.*

Ю.Б. Беглых таких.

В.Е. *Да, эскизных. Но Вы обещали подумать ещё над новыми героями.*

Ю.Б. Вот... о Серебренникове я мог бы несколько слов сказать.

В.Е. *Прекрасно.*

Ю.Б. С Борисом Александровичем Серебренниковым я познакомился, когда был студентом первого курса, а он — аспирантом. Его кандидатская диссертация была посвящена теории артикля в древнегреческом языке. Борис Александрович пришёл к Варваре Георгиевне Орловой. Она читала у нас курс старославянского языка. И она же в моей группе вела семинарские

занятия. Серебренников попросил разрешения присутствовать на занятиях, чтобы освоить старославянский язык. «Посадите меня, — говорит, — к кому-нибудь, чтобы мне помогали».

В.Е. *А раньше он не изучал старославянский?*

Ю.Б. Видимо, нет. На семинарских занятиях он подсел ко мне. Орлова ему говорит: «Садитесь рядом с Бельчиковым. Это очень странный молодой человек».

В.Е. *Это о Вас?*

Ю.Б. Да. «Он единственный на курсе искренне увлечён старославянским языком». Уже когда Борис Александрович стал академиком, при встречах на конференциях он, представляя меня коллегам, с улыбкой говорил: «Мой учитель...», и после некоторой паузы: «...старославянского языка». Борис Александрович говорил мне, что знает тридцать восемь языков. Причём старается активизировать их. «У меня на тумбочке лежат тексты... там, чувашский, албанский, — рассказывал он. — Когда я отдыхаю, беру любой текст и читаю». А сам Серебренников вообще-то из Карелии, рос в разноязычном окружении.

В.Е. *А какой была его позиция по отношению к марризму?*

Ю.Б. Позиция его к «новому учению о языке» была весьма определённой. В газете «Московский университет» в году сорок девятом (не раньше) была опубликована статья Серебренникова (целый подвал), в которой он высказал своё очень критическое отношение к марризму. Это была серьёзная научная критика некоторых положений теории академика Марра. В результате партком МГУ вынес Борису Александровичу строгий партийный выговор. А когда в мае 1950 г. была опубликована статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании», Серебренников (как он рассказывал мне тогда же) сразу пошёл в партком с этой статьёй и резко, категорично потребовал, чтобы с него немедленно сняли партийное взыскание.

В.Е. *Вы много лет работали на кафедре стилистики русского языка факультета журналистики, начинали ещё при К.И. Былинском — первом заведующем этой кафедрой. Расскажите о нём.*

Ю.Б. Кафедра стилистики была организована в 1952 г., когда по постановлению правительства, подписанному, как тогда

говорили, Сталиным, в том же году в Московском университете был открыт факультет журналистики. Возглавил кафедру профессор К.И. Былинский. Я пришёл на эту кафедру в 1953 г. (и проработал до декабря 1974 г.). Кафедра была очень молодой. В значительной своей части — недавние аспиранты филфака. Всем нам очень повезло, что кафедрой руководил К.И. Былинский. Дело в том, что нас никто не учил (да и сейчас, по-моему, специально не обучают!), как преподавать студентам. А Константин Иакинфович — и за это ему великая признательность сердечная (и моя, и всех моих коллег тех лет) — буквально пестовал нас. И примером своим (почти все мы ходили на его лекции, присутствовали на экзаменах, когда принимал Константин Иакинфович, а часто он вместе с кем-нибудь из нас проводил экзамен), и советами, и разборами открытых уроков (особенно — индивидуальной беседой с преподавателем о его уроке, на котором присутствовал Константин Иакинфович), и отношением своим к студентам, и, конечно, недостижимыми для нас эрудицией (не только филологической), мастерством стилистического анализа текстов, удивительно точным знанием языковых раритетов, речевых тонкостей, изумительным чутьём языка и, несомненно, доброжелательной и притом строгой взыскательностью.

Былинский прививал нам (по крайней мере, я так ощущаю, воспринимаю его заботу, попечение о педагогическом образовании, росте каждого из нас — молодых членов кафедры) навыки преподавания студентам-журналистам стилистики, теории современного русского языка, правописания, можно сказать — вкус к кропотливой каждодневной педагогической работе. Это были уроки (в самом высоком смысле слова) не только преподавательского умения, своего рода сноровки понятно объяснить сложный вопрос, вложить в голову студента необходимое знание, научить студентов профессиональному (с точки зрения стилистики) подходу к слову, к тексту, но и (наверное, самое существенное, сокровенное) уроки педагогической этики: поглощённость преподавателя материалом, проблемами учебной дисциплины (!); его (преподавателя) глубокая личная

заинтересованность в действительных успехах студентов, в пробуждении у них творческого подхода к изучаемому предмету; искреннее стремление помочь им овладеть основами будущей профессии. Здесь позиция Былинского (как, впрочем, и Д.Э. Розенталя) полностью совпадает с позицией Виноградова, который считал: главное для преподавателя — при отличном, безукоризненном знании предмета — влюблённость в свою науку, всепоглощённость её проблематикой, что, естественно, передаётся студентам в процессе обучения.

Такое постоянное, настойчивое, целенаправленное внимание Былинского к работе молодых коллег (насколько я могу судить по себе, по-моему в корне изменившемуся отношению к преподаванию) дало замечательный, плодотворнейший результат. Из «абстрактно учёных» аспирантов Константин Иакинфович не просто подготовил, а воспитал разносторонних преподавателей, увлечённо, с душой занимающихся своим любимым делом!

К тому же — и это очень важно было для меня — Былинский всячески способствовал научному росту молодых преподавателей, расширению их научно-педагогической базы, кругозора. Достаточно сказать, что за 1954–1960 гг. были подготовлены три сборника научных статей, несколько учебных пособий. Мне и В.П. Вомперскому Константин Иакинфович предложил опубликовать кандидатские диссертации (в 1962 г. в издательстве МГУ вышла моя книга «Общественно-политическая лексика В.Г. Белинского»). В 1955 г. Былинский вовлекает меня в преподавание совершенно нового для меня курса практической стилистики, ставшей с годами моей научно-педагогической специальностью (вместе с современным русским языком и историей русского литературного языка). В дарственной надписи на книге «Литературное редактирование» (вышедшей в свет в 1957 г.) Константин Иакинфович высказал мне пожелание «окончательно погрузиться в практическую стилистику», что я и сделал к огромному своему удовлетворению, открыв для себя увлекательнейший мир бесконечно изменяющейся живой материи родного языка.

Чтобы как-то завершить — во всяком случае, на этом этапе — мои воспоминания о годах учения, размышления об учителях моего поколения филологов, мне хотелось бы подчеркнуть то главное, чем были и остаются для всех нас наши Учителя. Они преподали нам — ненавязчиво, без нудной дидактичности, повседневным своим жизненным примером — бесценный, незабываемый урок преданности делу, которому они посвятили себя, — преданности Науке.

*Аудиозапись и расшифровка диалогов:
профессор В.С. Елистратов.*

Часть 3.

Последняя прижизненная статья профессора Ю.А. Бельчикова

«К 120-й годовщине со дня рождения академика В.В. Виноградова»

Статья была опубликована в издании «Вестник Московского университета» (Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация) в № 1 «Вестника» за 2015 год.

В истории отечественной науки о языке Виктор Владимирович Виноградов — преемник и продолжатель научных идей и традиций славной когорты крупнейших российских филологов начала XX столетия. Его имя стоит в одном ряду с именами М.В. Ломоносова, Ф.И. Буслаева, В.И. Даля, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, Д.Н. Ушакова. Все они (вместе с Виктором Владимировичем) составляют золотой фонд отечественной филологии, их научное наследие — залог успешного, продуктивного развития исследования русского языка в его современном состоянии и исторической перспективе.

Научная деятельность В.В. Виноградова высоко оценивается в России: он — лауреат Государственной премии, был действительным членом Академии наук СССР, президиум АН СССР наградил его Пушкинской премией первой степени, Учёный совет МГУ имени М.В. Ломоносова отметил научные заслуги В.В. Виноградова Ломоносовской премией.

Виноградов сыграл ключевую роль в возрождении Международного комитета славистов, был инициатором, одним из создателей (и первым президентом) Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Он глава научной школы исследователей русского языка.

Научная деятельность В.В. Виноградова получила высокое признание и за рубежом: он состоял членом академии наук ряда европейских стран, избирался почётным доктором ведущих университетов Европы.

Научные интересы В.В. Виноградова сосредоточиваются преимущественно на исследовании структуры и функционирования современного русского языка во всём своеобразии его стилей и форм речевого общения, а также на анализе эволюционных процессов русского литературного языка в глубокой исторической перспективе.

Важное методологическое значение имеет разработка В.В. Виноградовым (и лингвистами виноградовской школы) проблематики языка художественной литературы, выработка понятий «литературный язык» и «язык художественной литературы».

При всей обширности проблематики научное наследие В.В. Виноградова характеризуется целенаправленностью. Академик Н.И. Конрад в статье, посвящённой 70-летию учёного, особо подчёркивает: «Когда просматриваешь работы Виктора Владимировича Виноградова, чувствуешь их связь друг с другом, видишь, что в научной эпопее Виктора Владимировича один герой — русский язык — предстаёт во многих обликах»¹.

Лингвистические идеи и труды Виноградова имеют непреходящую методологическую значимость в целом для языкознания и особенно для русистики, методическую ценность для университетского и школьного преподавания русского языка, а также для обучения русскому языку в национальных школах и иностранцев.

Круг научных интересов В.В. Виноградова исключительно широк, по охвату филологических дисциплин он энциклопедичен — от исследования языка древнерусской письменности и исторической фонетики до поэтики и эвристики. А внутри

¹ Конрад Н.И. Научная эпопея. К 70-летию академика В.В. Виноградова // Лит. газ. 1965. 16 янв.

этого филологического «пространства» — практически весь спектр описательной лингвистики, проблемы русской речевой коммуникации в стилистическом, поэтико-стилистическом, социокультурном и культурно-историческом осмыслении. Научная деятельность Виноградова (как он сам определил) была направлена главным образом «на исследование современного русского языка, его грамматики, словарного состава и стилистики, на изучение русского литературного языка и языка русской литературы XVIII–XIX вв.»². Этот перечень следует дополнить такими разделами русистики, как словообразование, фразеология, семасиология, культура речи и языковая норма, историческая лексикология, лексикография, историческая фонетика, теория литературного языка, история русской лингвистической мысли, лингводидактика, а также такими филологическими дисциплинами, как теория художественной речи, текстология, эвристика, литературоведение, палеография. Полной библиографии виноградовских трудов нет³.

Разнообразие тем, стереоскопичность аспектов изучения языка, слова, текста, словесности проистекают из общей методологической установки Виноградова на комплексное, синтетическое исследование языка (именно русского языка) как феномена национальной духовной жизни во всём многообразии его исторически сложившихся проявлений — от многоуровневой системы единиц и категорий до разномасштабных композиционно-речевых образований и отдельных классов, разрядов единиц, функционирующих в речевой коммуникации.

Академик В.В. Виноградов принадлежит к тому редкостному в наше время типу учёных-словесников, в научном творчестве которых так гармонично объединилось исследование структуры, внутрисистемных связей языка, его функционирования в речевой коммуникации с подходом к языку как выражению духовной субстанции национальной культуры, бесценному культурно-историческому достоянию народа — носителя конкретного, именно русского языка. Виноградов был филологом в

² Белошапкова В.А. Виноградов в Московском университете (к 90-летию со дня рождения)//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1979. № 6. С. 60.

³ Наиболее развёрнутый список его исследований см. в кн.: Труды учёных филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию: Библиографический указатель. Ч. I. — М., 1960; Ч. II. — М., 1968.

традиционном, уходящем, к сожалению, значении этого слова, под которым подразумевается исследователь, объединяющий в своеобразное единство знание языков, литератур и историй.

Комплексный синтетический подход, свободный от «атомарности» и известной механистичности младограмматиков, формалистических крайностей ОПОЯЗа, обогащённый историческим и функционально-семантическим осмыслением языковых единиц, категорий в их взаимосвязях и опосредствованиях (в рамках системы языка и речевой коммуникации), композиционно-речевых структур текста и жанрово-речевых подсистем литературного языка, нашёл в трудах Виноградова убедительное, отмеченное несомненным талантом воплощение.

Исследуемые Виноградовым проблемы при всём их разнообразии и энциклопедическом охвате системно-структурного и функционального «пространства» русского языка сосредоточены по нескольким основным центрам.

Обращает на себя внимание одна характерная черта научного творчества Виноградова, сложившаяся на протяжении полувека: он периодически возвращается к тем проблемам и темам, которые изучал, ставил или как-либо затрагивал в более ранний период. Большая часть работ учёного организована в своеобразные циклы и серии. Н.Ю. Шведова отмечает: «Своеобразная цикличность исследований — вообще характерное свойство научной работы В.В. Виноградова. Изучая те или иные вопросы и публикуя результаты своих изысканий, он как бы вступает лишь в первую стадию проникновения в соответствующую проблематику. Он ещё возвратится к этим вопросам, углубив и расширив и сам материал, и его теоретическое осмысление, поднимется на новую ступень научного обобщения»⁴. Многие циклы работ Виноградова имеют «сквозной» характер, проходят через всю его жизнь. Так, начало разработки проблем русской стилистики, языка писателей, грамматики, исторической семантики относятся к 20-м гг. XX в. — начальному периоду научной деятельности Виноградова. Остановимся для иллюстрации сказанного на некоторых проблемно-тематических циклах в научном творчестве В.В. Виноградова.

⁴ Шведова Н.Ю. Виктор Владимирович Виноградов (к 70-летию со дня рождения)// Проблемы современной филологии. — М., 1965. С. 7.

Так, в центре структурно-системного исследования русского языка стоит грамматика. Монографии и статьи по вопросам грамматического строя современного русского языка составляют самостоятельный проблемный концентр. Здесь, конечно, на первое место выдвигается монография «Русский язык (Грамматическое учение о слове)»⁵, ставшая эпохальным событием в истории разработки русской грамматики и вообще в системном описании грамматического строя литературного языка, служащая моделью описания грамматики современных языков. Н.И. Толстой писал об этом замечательном труде: «Предложенный учёным метод синтезирующего исследования внешних и внутренних сторон языка... предопределил путь развития русской грамматики как центральной лингвистической дисциплины в русистике. Почти полвека спустя... полвека стремительно развивающейся лингвистики, изобилующей новыми проектами, методами и направлениями, книга В.В. Виноградова остаётся актуальной, остаётся надёжным сводом хорошо истолкованного и представленного материала»⁶.

В «Русском языке» Виноградов подвёл итог более чем полуторавекового этапа развития русской грамматической мысли — от М.В. Ломоносова до А.А. Шахматова, Л.В. Щербы и А.М. Пешковского. Он обобщил всю совокупность фактов и явлений современного русского языка с позиций оригинальной концепции. В её рамках анализируются грамматические категории и формы их внутрисистемных и коммуникативно-стилистических соотношений, связей и взаимодействий исходя из функционально-семантического подхода к языку.

На материале «Русского языка» Виноградов разработал учение о синтаксисе, раскрывшее широкие теоретические и исследовательские перспективы дальнейшего изучения синтаксического строя русского языка, последующего развития синтаксической науки в целом.

Другой концентр составляют исследования Виноградова по истории русского литературного языка. На первом месте среди

⁵ См.: Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: 1947; 4-е изд. М., 2001.

⁶ Толстой Н.И. Академик Виктор Владимирович Виноградов (к 90-летию со дня рождения) // Русский язык в национальной школе. 1985. № 1. С. 7.

трудов этой проблематики стоят «Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.»⁷ (далее — «Очерки...»), которые, как и «Русский язык», имеют первостепенное значение в научном наследии учёного и для развития науки о русском языке. Если в «Русском языке» Виноградов предложил своё видение системы русского языка, опираясь на результаты теоретического переосмысления богатейшей отечественной лингвистической традиции, то «Очерки...» создавались им практически на «ровном месте». Конечно, он не прошёл мимо тех трудов своих предшественников, в которых были собраны материалы по истории русского литературного языка, представлены попытки известного её осмысления, а также высказаны продуктивные мысли относительно соотношения и взаимосвязей истории русского языка с историей русского народа, с развитием культуры.

Вместе с тем история русского литературного языка — новая научная дисциплина, которая обоснованием её предмета и задач, аргументацией понятий и категорий, разработкой методологических оснований, принципов, методов исследования, выяснением связей с пограничными филологическими дисциплинами и другими областями знания обязана прежде всего и в самой большой степени трудам и идеям Виноградова.

Проблема русской стилистики, общей стилистической теории, а также вопросы культуры речи и языковой нормы составляют содержание самостоятельного научного направления, разрабатывавшегося Виноградовым (см. его книги: «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (1963); «Русская речь и вопросы речевой культуры» (1961) и др.). Основные работы учёного по вопросам культуры речи собраны в книге «Проблемы русской стилистики»⁸.

Виноградов неоднократно подчёркивал: «Исследование вопросов культуры языка тесно связано с содержанием стилистики языка и стилистики речи»⁹.

⁷ См.: Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. — М.: 1934; 4-е изд. М., 2002.

⁸ См.: Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. — М.: 1981.

⁹ Там же. С. 182; ср.: там же. С. 175.

В становлении русской стилистики, её консолидации как науки труды и идеи Виноградова сыграли ключевую роль. Виноградов разработал целостную стилистическую концепцию, основные положения которой стали общепризнанными. Благодаря ей отечественная стилистика как наука обрела завершённый вид. В разработке методологических основ русской стилистики, общестилистической теории, консолидации исследований в области функционирования языка в речевой коммуникации на материале современного русского языка наряду с работами Виноградова принципиальное значение имеют труды и идеи Г.О. Винокура, Б.А. Ларина, А.М. Пешковского, В.И. Чернышёва, Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, К.И. Былинского, Д.Э. Розенталя.

Индивидуально-авторские стили, язык русских писателей, теория литературных стилей, язык художественной литературы — круг вопросов, занимавших исследовательское внимание Виноградова в течение всей его научной деятельности.

Виноградову принадлежит заслуга в обосновании самостоятельной филологической дисциплины — науки о языке художественной литературы, её предмета, задач и основных категорий. Изучение стилей художественной литературы «должно составить предмет особой филологической науки, близкой к языкознанию и литературоведению, вместе с тем отличной от того и другого», — считает автор¹⁰.

Как подчеркивал Н.И. Конрад, имея в виду «новую науку... охватывающую и язык, и литературу», которую «стремится строить» Виноградов, он «воздвигает своё научное здание из строительного материала, предоставляемого не одним языкознанием, а тремя отраслями научного знания: языкознанием, теорией поэтической речи и поэтикой»¹¹.

В трудах Виноградова получают концептуальную определённую важнейшие, опорные научные категории (и соответствующие понятия), такие, как «литературный язык», «язык литературы», «язык писателя (или «индивидуально-авторский стиль»)», а также взаимодействие в историческом движении

¹⁰ Там же. С. 173.

¹¹ Конрад Н.И. О работах В.В. Виноградова по вопросам стилистики и теории изучения речи // Проблемы современной филологии. — М.: 1965. С. 410.

русского литературного языка. Как подчёркивается в книге «О художественной прозе», именно исследование индивидуально-авторских стилей (в аспектах концепции «образа автора») привело Виноградова к изучению вопросов теории поэтической речи¹².

Исследование проблем русской лексикологии, фразеологии, исторической лексикологии, словообразования образует самостоятельный проблемный концентр.

Уникальны по замыслу и исследовательскому представлению историко-лексикологические изыскания, задуманные Виноградовым как капитальный труд по исторической семантике русского языка. Собранные воедино под руководством Н.Ю. Шведовой, эти очерки по истории русских слов и выражений составили многостраничную монографию «История слов»¹³. Виноградов впервые в русистике («Основные типы лексических значений слова») предложил теоретическое обоснование вопроса о типах лексических значений слова и развёрнутую исследовательскую разработку этой фундаментальной проблемы на базе функционально-семантического анализа группировок слов и отдельных лексических единиц, подкрепляемого историко-лексикологическими экскурсами.

История русской филологической науки, представленная в персоналиях, аналитических обзорах и в ряде монографий («А.А. Шахматов» (1922); «Современный русский язык», вып. 1 (1938); «Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова)» (1958) занимала внимание Виноградова с самого начала научной биографии.

Разыскания в области поэтики, литературной стилистики и историко-стилистические исследования русской художественной литературы объединяются в особый цикл литературоведческих работ, составляющий одно из основных направлений раннего Виноградова (основные работы: «Гоголь и натуральная школа» (1925); «Этюды о стиле Гоголя» (1926); «Эволюция русского натурализма. Гоголь и Достоевский» (1929)).

Проблематика перечисленных работ тесно связана с проблематикой работ по вопросам изучения индивидуально-авторских стилей, языка художественной литературы.

¹² См.: Виноградов В.В. Проблемы современной филологии. — М., 1965. С. 410.

¹³ См.: Виноградов В.В. История слов. — М.: 1994.

Весь спектр анализа идейно-эстетической стороны художественного произведения, по его мнению, может быть освещён «лишь в тесном взаимодействии лингвистической стилистики художественной литературы с общей эстетикой и теорией литературы»¹⁴, а «в сфере поэтики объединяются и лингвистический, и эстетико-стилистический, и литературоведческий, и иные искусствоведческие подходы к изучению структуры литературно-художественных произведений»¹⁵.

В поле зрения Виноградова были также вопросы лексикографии. Роль академика Виноградова в разработке проблем русской лексикографии определяется не только его непосредственным участием в создании словарей (и таких значительных, как Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, академический Словарь современного литературного русского языка (в 17 томах), Словарь языка Пушкина).

Можно определённо говорить о прикладном направлении в научной деятельности Виноградова, которое имеет ряд аспектов: текстологический (прежде всего участие Виноградова в подготовке к изданию сочинений Пушкина), эвристический («Проблема авторства и теории стилей», атрибуция сочинений ряда писателей XIX в.), «орфографический» редакторский (редактирование журнала «Вопросы языкознания», многочисленных научных и учебных изданий, вузовских программ по лингвистическим дисциплинам).

Как видно из предложенного суммарного обзора работ Виноградова, их распределение по тем или иным «ячейкам» сложившейся системы довольно условно. Таксономическая «неоднозначность» трудов Виноградова, отмечаемая его историографами¹⁶, объясняется, если говорить обобщённо, синтетическим подходом учёного к языку. Этот подход предполагает всесторонний учёт теснейших связей, взаимообусловленности структурных элементов языка и их функционально-коммуникативных трансформаций, взятых в синхроническом и хроническом разрезах.

¹⁴ Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М.: 1963. С. 205.

¹⁵ Там же. С. 206.

¹⁶ См., например, в кн.: Виноградов В.В. Избранные труды: лексикология и лексикография. — М.: 1977.

Список литературы

Белошанкова В.А. Виноградов в Московском университете (к 90-летию со дня рождения)//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1979. № 6.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. М., 1934; 4-е изд. — М.: 2002.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: 1947; 4-е изд. М.: 2001.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М.: 1963.

Виноградов В.В. Проблемы современной филологии. — М.: 1965.

Виноградов В.В. Избранные труды: лексикология и лексикография. — М.: 1977.

Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. — М.: 1981.

Виноградов В.В. История слов. — М.: 1994.

Конрад Н.И. Научная эпопея. К 70-летию академика В.В. Виноградова//Лит. газ. 1965. 16 янв.

Конрад Н.И. О работах В.В. Виноградова по вопросам стилистики и теории изучения речи//Проблемы современной филологии. — М.: 1965.

Толстой Н.И. Академик Виктор Владимирович Виноградов (к 90-летию со дня рождения)//Русский язык в национальной школе. 1985. № 1.

Труды учёных филологического факультета Московского университета по славянскому языкознанию: Библиографический указатель. Ч. I. — М.: 1960; Ч. II. — М.: 1968.

Шведова Н.Ю. Виктор Владимирович Виноградов (к 70-летию со дня рождения)//Проблемы современной филологии. — М.: 1965.

Бельчиков Ю.А. К 120-й годовщине со дня рождения академика В.В. Виноградова//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1.

Часть 4.

Ю.А. Бельчиков о русском языке и речи, о языковедении

Раздел 1.

Перечень основных научных трудов

Ю.А. Бельчикова

Профессор Ю.А. Бельчиков преподавал более 60 лет, большую часть из которых — в стенах МГУ имени М.В. Ломоносова. Состоял членом Научного совета «Русский язык» РАН, Комиссии по научному наследию академика В.В. Виноградова, совета Общества любителей российской словесности, правления ГЛЭДИС. Неоднократно принимал участие в конгрессах МАПРЯЛ и в большом числе международных, всероссийских и региональных лингвистических конференций. Возглавлял филиал Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина в Праге, преподавал в Университете в финском городе Ювяскюля.

Профессор Ю.А. Бельчиков вышел на пенсию в возрасте 86 лет в 2014 году.

В период с 1953 по 2015 годы он опубликовал свыше 610 научных, научно-методических и учебных работ.

Актуальные проблемы современного русского языка, истории русского литературного языка, стилистики, культуры речи, поэтики — трудно перечислить все те сферы лингвистики и

филологии, в которых Юлий Абрамович не сказал своего слова. Слова веского и заветного.

Основным научным трудом профессора Ю.А. Бельчикова стала известная книга **«Практическая стилистика современного русского языка»**. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2008.- 422 с., 2-е изд., испр. и доп. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2012.- 432 с.

В ряду тех работ, которыми Юлий Абрамович по праву гордился сам, следует назвать следующие книги:

- Общественно-политическая лексика В.Г. Белинского. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. - 132 с.
- Стиль русских публицистов последней трети XIX века. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. - 69 с.
- Русский литературный язык во второй половине XIX века. — М.: Высшая школа, 1974. - 194 с.
- Г. И. Успенский. — М.: Мысль, 1979. - 150 с.
- Лексическая стилистика. Проблемы изучения и обучения. — М.: Русский язык, 1988. - 159 с.
- Russian readings for close analysis. With grammatical materials and tables (в соавторстве с Ч.Е. Таунсендом). Dubuque (USA), 1993. - 281 с.
- Словарь паронимов русского языка (в соавторстве с М.С. Панышевой). — М.: Русский язык, 1994.- 455 с.
- Стилистика и культура речи. — М.: Изд-во Университета РАО, 1999. - 160 с.
- Русский литературный язык: стилистика, лексика, история. — М.: 2001. - 317 с.
- Русский язык. XX век. — М.: 2003. - 317 с.

Будучи потомственным филологом и преподавателем, верным своему делу, Юлий Абрамович Бельчиков в конце жизни передал свою личную библиотеку в дар Научной библиотеке МГУ имени М.В. Ломоносова и специально в отдел редких книг.

Раздел 2.

Избранные отрывки из книг и статей

Ю.А. Бельчикова

О понятии «современный русский язык»

Правильное, научное понимание синхронного состояния и процессов эволюции современного русского языка, исторически обоснованное их объяснение предполагает осведомлённость и достаточно чёткое ориентирование в вопросе о хронологических границах современного русского языка.

Сложилось двоякое понимание термина «современный русский язык» и осмысление соответствующего понятия.

Прежде всего современный русский язык — это язык, нашедший отражение в текстах, созданных носителями русского литературного языка начиная с эпохи Пушкина (примерно с 30-х гг. XIX в.) до наших дней, и существующий в современной устной речевой коммуникации на уровне носителей литературного языка, т.е. в устной публичной речи, в языке радио, кино, телевизионной речи и в разговорной литературной речи. Такое понимание «современного русского языка», несмотря на появившиеся уточнения его хронологических границ, остаётся действительным. Именно в языке Пушкина, в 20–30-е гг. XIX в., сложился тот костяк литературного языка, та общенациональная норма литературного выражения, которые служат основой дальнейшего развития и литературного словаря, и грамматики, и фонетического строя, и орфоэпии, и системы функциональных разновидностей литературного языка вплоть до настоящего времени. «Стихи и проза Пушкина, — писал В.В. Виноградов, осуществляли задачу закрепления национально-языковой литературной нормы, общепонятной и стилистически многообразной».

Русский литературный язык вплоть до наших дней развивается по пути укрепления и углубления общенациональной нормы, расширения её функционально-стилевого «плацдарма» (распространения её, с одной стороны, на сферу выражения абстрактных идей «языка учёности, политики и философии», по выражению Пушкина, с другой — на разговорную литературную

речь), дальнейшей структурализации и конкретизации в русле именно тех принципов организации языковых средств, композиционно-речевой структуры литературных текстов, которые были определены Пушкиным и закреплены, утверждены им в его авторской практике.

Ю.А. Бельчиков. *Русский язык. XX век.* — М.: Изд-во Моск. ун-та 2003, с. 3.

Выяснение В.В. Виноградовым путей и механизмов поисков общенациональной нормы литературного выражения А.С. Пушкиным в его литературно-художественном творчестве имеет принципиальное значение не только для истории русского литературного языка, но и для теории литературного языка, и для учения о языковой норме.

Языковая норма, понимаемая как регулятор речевой коммуникации, обретает свойство многоплановости. Это не только система правил, определяющих точное «правильное» мотивированное употребление конкретных языковых единиц и фактов речи в рамках литературного языка (регламентирующе-регулирующая функция нормы), не только достаточно строгое установление относительно использования языковых единиц, тех или иных лексических группировок по смысловым, оценочным, стилистическим характеристикам в определённых функциональных стилях или в текстах известной жанрово-тематической принадлежности — последнее наблюдалось в речевой практике русской словесности, вообще письменности во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. (функционально-стилевой аспект нормы), но и общий принцип построения литературных текстов и организации в них языкового материала, единый для всех типов и жанров текстов, поскольку они создаются в рамках литературного языка.

Сущность пушкинской реформы русского литературного языка В.В. Виноградов характеризует так: «Свежие вымыслы народные» и «нагая простота», освобождённая от «обветшалых украшений», точность, краткость и смысловая насыщенность как основные признаки прозы, новые, но национально

оправданные, т.е. соответствующие духу общенародного языка «обороты для понятий самых обыкновенных» образование национальных стилей «учёности, политики и философии», очищение фразеологии авторского повествования от европейского жеманства и французской утонченности, «счастливое соединение» книжного начала с народно-разговорным, с «простонародным», освобождение стиля от «ига чужих форм», — вот что составляет цель и сущность работы А.С. Пушкина над упорядочением и усовершенствованием русского литературного языка».

Этот главный принцип для А.С.Пушкина состоял в «соразмерности и сообразности» использования языковых средств в зависимости от экстралингвистических задач данного текста, вообще от условий и целей речевой коммуникации. «Истинный вкус, — утверждал А.С. Пушкин, — состоит не в безотчётном отвержении такого-то оборота, а в чувстве соразмерности и сообразности».

Что касается теории литературного языка, то такое обобщённое понимание нормы — как общего принципа организации языкового материала в литературных текстах, в высказывании — несомненно, вносит определённую ясность в понимание самого литературного языка как коммуникативно-речевой системы, внутри которой обеспечивается достаточно свободное использование языковых единиц с единственной целью максимально адекватного выражения нужного смысла, точной передачи информации и такого же восприятия адресатом содержания текста, высказывания. Такое качество литературного языка создаёт благоприятные условия для его семантического роста, углубления стилевой, жанровой дифференциации, усложнения и совершенствования стилистической структуры.

Ю.А. Бельчиков. Русский язык. XX век. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003, с.14-15.

О языковой норме

Стержневой проблемой учения о культуре речи и учения о языковой норме является проблема нормы как таковой. Как

понимать норму? Как норма соотносится с системой языка? Каково её назначение в речевой коммуникации, в литературном языке? Видеть ли в ней некий метафизический фетиш, неизменный, постоянный образец (его же и не преjdeши) или довольно устойчивое и вместе с тем гибкое функционально-историческое явление в системе повседневной речевой коммуникации и в истории конкретного, в нашем случае — русского литературного языка?

Констатируя, что «самый вопрос о норме нельзя считать решённым», С. И. Ожегов ставит центральные вопросы учений о языковой норме, продиктованные острой общественной потребностью в эффективной нормализации русской литературной речи тех лет. «Ясно, — писал автор, — что при широте функций современного русского литературного языка отсутствие чётких и для всех убедительных норм при наличии колебаний в области словоупотребления, произношения и стилистических форм речи совершенно нетерпимо».

Приступая к теоретической разработке актуальных проблем культуры речи, С.И. Ожегов опирается на идеи и труды Л.В. Щербы, Д.Н. Ушакова, В.В. Виноградова, Р.И. Аванесова. Выяснить, что такое норма, как её понимать — это для С.И. Ожегова «самый существенный вопрос, от решения которого зависит направление и содержание работ в области нормализации всех сторон литературного языка».

Острота постановки С. И. Ожеговым вопроса о норме объясняется и тем, что в те годы имела хождение точка зрения, согласно которой языковая норма рассматривалась как некое раз и навсегда установившееся и к тому же наиболее распространённое явление. На него и следует ориентироваться при решении вопроса о нормативности конкретных речевых фактов.

Выступая против такой постановки вопроса, С. И. Ожегов выдвигает тезис об исторической обусловленности языковой нормы. Автор утверждает, что в советское время происходит «глубокий процесс становления новых норм». «Без учёта качественно новых исторических условий образования норм литературного русского языка советской эпохи, — подчёркивается в этой статье, — легко... переоценить значение тех или иных отживающих, падающих норм как идеальных». В своём историческом подходе

к норме С.И. Ожегов находит поддержку в рецензируемых им в той же статье работах С.П. Обнорского («Культура русского языка», 1948) и Г.О. Винокура («Русская сценическая речь», 1948).

С.И. Ожегов даёт развёрнутое обоснование исторической детерминированности языковой нормы, её хронологической, историко-лингвистической и культурно-исторической прикреплённости к определённом периоду эволюции конкретного литературного языка. Правильная оценка языковых явлений, по его убеждению, возможна только при учёте всех современных условий существования языка. Он делает совершенно определённый вывод: «каждый этап развития языка... имеет свои нормы, и объективное развитие языка есть становление его нормы».

Несомненная заслуга С.И. Ожегова в разработке вопросов культуры речи, учения о языковой норме состоит в том, что он впервые, во всяком случае — в русистике, предложил научно выверенное, исторически обоснованное определение нормы, ставшее классическим в силу своего всеобъемлющего характера. Оно дано в той же статье 1955 г.: «...норма — это совокупность наиболее пригодных правильных, предпочитаемых для обслуживания общества средств языка, складывающаяся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов». Это определение С.И. Ожегов сформулировал в контексте исторического обоснования самого явления нормы: «...языковая норма — не извечная, неподвижная, застывшая категория. Языковая норма есть исторически обусловленный факт, проявление исторических закономерностей развития языка и типических для каждой эпохи тенденций развития, поддержанное и одобряемое обществом в его языковой практике».

Вписываясь в научную традицию функционального подхода к проблеме литературного языка и языковой нормы, идущую от Пражского лингвистического кружка и работ Г.О. Винокура 20-х годов, рассматриваемая дефиниция в свою очередь стала важным методологическим ориентиром в дальнейшей

разработке проблем культуры речи, языковой нормы и нормализации литературной речи.

Ю.А. Бельчиков. Сергей Иванович Ожегов (К столетию со дня рождения)//Русский язык в школе, 2000, №5, с.23-25.

О культурном компоненте смысла слова

Культурный компонент смысла слова неоднороден. Он может иметь интеллектуальное и экспрессивно-эмоциональное содержание, рационалистическую и эмоциональную оценку. Такой его характер выявляется полнее всего в «обстановочных» контекстах, в непосредственных комментариях конкретного слова, вернее, его словоупотребления. Это больше всего и в первую очередь распространяется на слова общественно-политической и философской сфер, культурный компонент смысла которых имеет интеллектуальное содержание.

Уточнение смыслового содержания слов, обозначающих важные, ключевые понятия социологии, политики, этики, философии, происходит чаще всего в ходе политической борьбы. Такими уточнениями, разъяснениями терминов политического, философского, мировоззренческого характера, публицистических номинаций, за которыми стояли важные понятия, определявшие принципиальные позиции, кредо политических партий, группировок, того или иного деятеля, сопровождается развитие русской общественной мысли нового времени. Именно этим объясняется тот факт, что в текстах русской публицистики, отчасти русской литературы мы встречаем немало «обстановочных», содержательных контекстов употребления общественно-политической, философской и публицистической лексики.

Вот, к примеру, свидетельство Н.Г. Чернышевского: «Как все высокие слова, как любовь, добродетель, слава, истина, слово патриотизм иногда употребляется во зло не понимающими его людьми для обозначения вещей, не имеющих ничего общего с истинным патриотизмом, потому, употребляя священное слово

патриотизм, часто бывает необходимо определять: что именно мы хотим разуметь под ним».

Ю.А. Бельчиков. *О культурном коннотативном компоненте лексики//Язык: система и функционирование: сборник научных трудов/ под. ред. Ю.Н. Караулова. — М.: Наука, 1988, с.30.*

О творчестве и языке Глеба Успенского

Глеб Успенский в истории русской литературы и публицистики — явление самобытное и сложное.

Уже одно то, что сочинения Глеба Успенского отличает глубоко своеобразное переплетение публицистического и художественно-беллетристического начал в интерпретации действительности, определяет его особое место в русской литературе. Он серьёзно способствовал разнообразию стилей литературного выражения в рамках художественной реалистической прозы, окончательно и авторитетно утвердив права публицистичности в идейно-образной и композиционно-стилистической структуре малых форм реалистической литературы.

Творческая разработка поэтики и стилистики очерковой литературы, стоящей на грани художественной прозы и публицистики, даёт все основания считать Глеба Успенского одним из основателей в русской литературе жанра проблемного очерка, и прежде всего такой его разновидности, как очерк художественно-публицистический.

Глеб Успенский был признанным художником слова. Такие авторитетные ценители литературного творчества, как И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, высоко оценивали его художественное мастерство. Тургенев, одобрительно относившийся к циклу «Крестьянин и крестьянский труд», восторженно отзывался об очерке «Мишка». «С особенным удовольствием, — писал он Г. Успенскому в январе 1881 г., — прочёл я Ваши последние этюды в «Отечественных записках». Они прекрасны. Тут не одно знание деревенского быта, которым Вы всегда обладали, — но проникновение в самую его глубь — художественное

схватывание характерных черт и типов». Великий писатель отмечал и художественные достоинства «Книжки чеков». Известен отзыв Салтыкова-Щедрина о «Неизлечимой». «Повесть Успенского, — писал он Н.А. Некрасову в 1875 г., — прелесть». Л.Н. Толстой, доброжелательно относившийся к Глебу Успенскому с самого начала его литературного пути, высоко ценил рассказ «Паровой цыплёнок».

Вместе с тем Г. Успенский принадлежит и русской публицистике. Он имеет несомненные заслуги в постановке острых, «больных» вопросов пореформенной России, в их социологическом исследовании и философско-публицистической интерпретации с позиций страстного, неутомимого защитника крестьянских масс, в смелой и глубокой постановке ключевых проблем духовного, идейного развития русского общества той поры.

[...]Авторство «крылатого слова» — всегда неопровержимое свидетельство незаурядного литературного, публицистического мастерства. В ёмких афористических выражениях Г. Успенского, как в своего рода формулах, сконцентрирована сущность того или иного явления русской жизни конца XIX — начала XX в.: «ловля рубля», «власть земли», «господин Купон», «живая дробь»...

Горький специально останавливается на народности языка Г. Успенского, на удивительно точной мере в передаче речи крестьян. Необходимо подчеркнуть в связи с данным утверждением Горького, что именно «деревенская проза» 50-70-х гг. XX в. (в том числе и очерковая) «в значительной степени утвердила в литературе отношение к языку как богатству народному». В этом, несомненно, сказываются крепкие традиционные связи «деревенской прозы» середины XX в. с литературой классической и не в последнюю очередь — с творчеством Г. Успенского.

Следует отметить, что в разработке языка персонажей из народа очеркисты середины XX в. обнаруживают типологическое сходство с принципами воспроизведения народной речи, нашедшими и своё наиболее отчётливое выражение именно в творчестве Г. Успенского.

[...]Внутренняя творческая связь очеркистов середины XX в. с наследием Г. Успенского находит выражение в том, что в их «деревенских» очерках определённо ощущается влияние

творческих принципов великого писателя и публициста в исследовании народной жизни.

Одна из основных проблем деревенской темы — нравственные начала, нравственное содержание крестьянского труда. Например, В. Солоухин в «Лирических записках» в конце описания сцены покоса, когда в прошлом отличный косарь, а теперь уже старый человек Кунин самозабвенно косит траву, обходя молодых и сильных, пишет: «...я шёл впереди и думал: что же такое таится в ней, в извечной работе земледельца, что и самая тяжёлая она и не самая-самая благородная, но вот привораживает к себе человека так, что, и на ладан дыша, берёт он ту самую косу, которой кашивал в молодости, и идёт, и косит, да ещё и плачет от радости?»

Примечательно, что в ходе обсуждения данной проблемы обратились к Г. Успенскому, к его поискам «механики» народной жизни, ответа на вопрос: «Что же держит крестьянина на земле?» — к его опыту художественно-публицистического освещения и исследования этого вопроса.

Конкретное творческое воплощение этой моральной проблемы и подходы к ней у разных авторов могут быть разными.

Опыт творческого решения этой проблемы Г. Успенским подсказывает оптимальный путь — через раскрытие неразрывной связи труда, его характера с нравственными устоями личности, семьи, всего её жизненного уклада.

Ю.А. Бельчиков. Глеб Успенский и «деревенский очерк» середины XX в. (К 170-летию со дня рождения Г.И. Успенского) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 1, сс. 132-133; 135; 137-138.

О непрерывности обновления языка

Забота о правильности и чистоте родной речи, о высоком уровне национальной речевой культуры — профессиональный и гражданский долг в первую очередь лингвистов и учителей-словесников.

Их ответственность возрастает в период ломки общественных отношений, коренных исторических перемен, которые не только активизируют языковую эволюцию, но и провоцируют негативные явления, процессы в повседневной речевой коммуникации.

В наше время русский литературный язык испытывает, с одной стороны, серьёзное давление ненормированной речевой стихии. Наблюдается мощный напор жаргонной речи и детабулизация грубопросторечной, инвективной лексики и фразеологии. С другой стороны, отмечается наплыв иноязычной лексики, преимущественно английского происхождения, немотивированное и неумеренное использование такого рода слов главным образом из сферы финансов, торговли, шоу-бизнеса, спорта, политики, особенно в текстах СМИ и рекламы.

Изучая новые явления современной русской речи, недостаточно ограничиваться констатацией отступлений от сложившихся литературных норм, коллекционированием (хотя это тоже полезно) неуместно, немотивированно употребляемых варваризмов, ошибок «против нормы», всякого рода смысловых нелепостей и курьёзов вследствие неумелой организации фразы, вообще — изложения.

Принципиально важно, проводя систематические наблюдения над языковой жизнью современного общества, стремиться выявить тенденции (поначалу — хотя бы некоторые) в использовании языковых средств, в их функционировании в повседневной речевой коммуникации, в различных её сферах, «участках» — социокультурных (в речевом обиходе тех или иных социальных групп, слоёв), функционально-стилистических, жанрово-тематических. И конечно, прежде всего — в рамках литературного языка, организуемого системой общелитературных и стилевых норм, глубокими традициями национальной речевой культуры. Это — во-первых.

Во-вторых, не менее существенно выяснить (на базе анализа «поведения» языковых средств в реальной речевой коммуникации) проявления, действие эволюционных процессов, присущих языку вообще и конкретному (русскому) национальному языку на протяжении ряда эпох или в предшествующий период (последнее особенно необходимо).

И здесь мы подходим к главному методологическому требованию при изучении современной речи, процессов, протекающих в современном языке, в первую очередь — в современном литературном языке. Это требование состоит в обязательности исторического подхода к исследуемым явлениям «живой материи» языка.

Ведь (и это общеизвестно) язык находится в постоянном движении. Он непрестанно, непрерывно обновляется в средствах выражения мысли и эмоций, в передаче информации в результате его функционирования в обществе, благодаря его употреблению членами соответствующего социума (а проще говоря, народа — носителя данного языка) в процессе их совместной жизни, сотрудничества, взаимодействия буквально во всех областях деятельности — общественной, хозяйственной, духовной... Когда мы говорим «язык», имеются в виду конкретные языки, а в новой и новейшей истории — национальные языки, в том числе — в первую очередь — их наиболее репрезентативная форма реализации, форма социального, культурно-исторического существования — литературный язык. В нашем случае — русский литературный язык.

Обращение к истории русского литературного языка, особенно в её «послепушкинский» период, убедительно показывает, что наш литературный язык имеет исторически сложившуюся гибкую систему общелитературных, стилевых, жанрово-текстовых норм, в конечном счёте оптимально приспособившуюся к новой языковой ситуации, к новым культурно-историческим обстоятельствам, в которых функционирует литературный язык в известный период его развития.

Большую стабилизирующую роль в устойчивости этой системы и в её «мягкой» перестройке под влиянием «внешних» воздействий играют стилистические нормы. Именно благодаря им речевые новации, попадая в литературные тексты (в том числе и в устную речь), подвергаются влиянию устоявшихся, укоренившихся в литературном языке речевых средств и правил их использования в типических контекстах и ситуациях общения. Совершается сложный, во многом противоречивый процесс, с одной стороны, притирки «пришельцев» к сложившимся

литературным нормам, и с другой — модификации литературных средств выражения под влиянием новых явлений, актуальных тенденций в использовании языковых средств в современной речевой коммуникации. Достаточно привести в пример пришедшие из жаргонов слова «беспредел» и «чернуха».

Исторический взгляд на новые явления в современной русской речи, с одной стороны, убеждает, что всё или почти всё «мы проходили»: и наплыв иноязычных слов, выражений (Петровская эпоха, первая треть XIX в.), и «две волны» жаргонизмов в советское время, и увлечение «канцеляритом» (в 50-60-е гг. XX в.), и пристрастие к диалектизмам (вторая половина XIX в., 20-е — начало 30-х гг. XX в.) ...И что же? Литературный язык из перечисленных и аналогичных ситуаций выходит обновлённым.

Отбросив ненужное, наносное: социально ограниченное, узкопровинциальное, низкого «пошиба», лишнее (поскольку известный смысл уже имеет адекватное выражение), — он совершенствуется прежде всего в синонимическом отношении, вырастает словарь, усложняется лексическая и грамматическая семантика, углубляется стилистическая структура литературного языка...

С другой стороны, внимательный взгляд на современные речевые новации убеждает, что эти новации в той или иной степени представлены в предшествующем периоде развития литературного языка. Во многих случаях их активизация обусловлена резко изменившимися условиями социального существования русского литературного языка в последние 10-15 лет.

Высказанные соображения (изложены они в силу понятных обстоятельств весьма сжато и суммарно) относительно языковой эволюции литературного языка подводят к мысли о том, что изменения в языке — естественный процесс, протекающий менее или более активно, даже бурно (последнее характерно для нашего времени, как, впрочем, и для 20-х годов текущего столетия).

Из этого вывода, разумеется, не следует, что можно сидеть сложа руки, «добру и злу внимая равнодушно». Отнюдь! Всякие речевые новшества, грубо, резко нарушающие сложившиеся литературные нормы, приводят к нежелательным «помехам» в восприятии литературных текстов (тем самым

литературный язык лишается своей главной функции: «быть всем понятным», по определению академика Л.В. Щербы), к однозначному пониманию их интеллектуального и эмоционального содержания, смысловых и экспрессивных оттенков всего спектра языковых средств: слов, выражений, форм, конструкций, фоном и их вариантов.

Забота о высоком уровне национальной речевой культуры, а также о правильности речи, обеспечивающей верность передачи информации, смысла и адекватность понимания текста при интеллектуальной и экспрессивной выразительности сказанного и написанного (особенно — в СМИ), — главный стимул для изучения новых явлений и процессов, наблюдаемых в современной речи, и просветительской работы в области лингвистического воспитания носителей русского языка.

Ю.А. Бельчиков. От редактора/Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком: О нарушениях норм литературной речи в электронных и печатных СМИ: Монография/под ред. Ю.А. Бельчикова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: РУДН, 2010. — с. 5-8.

О речевом поведении

Напрасно думают многие школьники, да и иные взрослые, что только в школе, «проходя» того или иного классика, нужно вслушиваться в слова персонажа, анализировать, как он строит фразы.

Вовсе нет! И в реальной жизни, встречаясь с друзьями, родственниками, коллегами, просто со случайными прохожими, мы невольно реагируем на то, что и, главное, как они говорят!

Согласитесь, вам будет не очень приятно, если просьбу пробить талончик пассажир сопроводит обращением: «Эй!», «Эй вы», «Эй вы, в очках, (с усами)!» Вы расцените такое обращение как невежливость (вот вам и ошибка речи говорящего) и вряд ли с удовольствием выполните просьбу этого пассажира.

Употребление языковых средств, предпочтение определённых слов и синтаксических конструкций лингвисты называют речевым поведением говорящего/пишущего.

Речевое поведение — неотъемлемая часть поведения человека. Очень часто по манере говорить/писать, по тому, как человек строит фразу, какие слова предпочитает в разговоре с разными людьми или на письме, судят не только о речевой культуре говорящего/пишущего, но и об уровне его общей культуры.

Уместно напомнить один эпизод из книги Корнея Чуковского «Живой как жизнь»: «Какая-то “дама с собачкой”, — писал автор, — одетая нарядно и со вкусом, хотела показать своим новым знакомым, какой у неё дрессированный пудель, крикнула ему повелительно — Ляжь!..<...> В этом “ляжь”, — продолжает К. Чуковский, — отпечаток такой тёмной среды, что человек, претендующий на причастность к культуре, сразу обнаруживает своё самозванство, едва только произнесёт это слово».

А какой психологический, даже культурно-психологический портрет вполне интеллигентного вида девушек можно составить, услышав их обсуждение вчерашней дискотеки: «А Витька-то, оказывается, вовсе и не лох. Он такой обалденный!..» — «Ну ты даёшь, блин! Совсем охренела?! Кто прикольный мужик на вчерашней тусовке — так это диджей!..»

Небрежная, нарочито грубая, приклатнённая речь недвусмысленно говорит об их приземлённом восприятии окружающих, о том, что они слепо и неразборчиво подражают современной языковой моде низкого пошиба. Нечего говорить и о внутреннем такте, душевной мягкости, о хорошем, тонком языковом вкусе.

Нередко довольно одного обронённого слова, неверно поставленного ударения, чтобы составить представление о культурном уровне человека, о его отношении к товарищам и коллегам.

Вы, наверное, замечали, что к строгому начальнику обычно обращаются, чётко проговаривая его имя-отчество, слова «здравствуйте», «пожалуйста»: «Здравствуйте, Павел Павлович! Скажите, пожалуйста...» А к человеку доступному, доброму или не пользующемуся уважением нередко обращаются, произнося его имя-отчество в редуцированном, сокращённом виде: Пал Палыч, Анна Ванна (помните, в стихах Агнии Барто дети, обращаясь к доброй, приветливой женщине-бригадиру на свиноферме, говорят: «Анна Ванна, наш отряд // Хочет видеть поросят» — при этом «здравствуйте» выговаривается как «здрасьте», а «пожалуйста» как «пъжалуста»).

Но за такой дружеской, мягкой фамильярностью чаще всего стоит признание окружающими душевных достоинств «адресата» речи, искреннее, сердечное к нему расположение. Замечательного учёного и прекрасного, доброго человека, вместе с тем взыскательнейшего учителя, профессора Александра Александровича Реформатского младшие коллеги и ученики называли «Сан Саныч».

А вот иллюстрация из современной беллетристики — из «вполне романа» М. Арбатовой «Визит нестарой дамы». Главная героиня, от имени которой ведётся повествование, рассказывает об одном разговоре с женой любовника: «...Тут она берёт трубку, я говорю, мол, с мужем договорилась, он согласен... Она говорит: “Очень прекрасно”. Для меня было психолингвистической загадкой, как можно спать с человеком, который говорит “очень прекрасно”...» Обращает на себя внимание комментарий ответа по телефону: «очень прекрасно». Через эту, достаточно неожиданную, реакцию главной героини на слова «очень прекрасно» автор очень ёмко и точно даёт характеристику женщине, для которой такое словосочетание является нормой.

Они действительно свидетельствуют о её скудном словарном запасе и весьма ограниченном образовательном цензе: «прекрасно» и есть в данном контексте «очень хорошо»; «очень прекрасно»; «очень-очень хорошо». Таким образом, сочетание «очень прекрасно» — это тавтология, представляющая собой лексико-стилистическую ошибку. Достаточно говорить просто «прекрасно».

Профессор С.И. Ожегов — автор знаменитого одноименного «Словаря русского языка» — называл грубые речевые ошибки, серьёзные отступления от литературной нормы «лакмусовыми бумажками» речевой культуры. Они — безошибочные свидетельства низкого уровня культуры речи говорящего/пишущего. В наши дни такими «лакмусовыми бумажками» являются, например, «звонит», «вылазит», «свекла», «ложи», «облазит» (кожа от загара); «облегчить», «определимся», «заключим», «блин», «иди ты», «ну ты даёшь», «прикол»; «прикид», «не подскажите», «прикольный», «отвалить», «тащусь от тебя» и т.п. Так же как во времена Чехова подобными «лакмусовыми бумажками» были, к примеру, употребление «лакейского» «они» вместо «он», «хочут» вместо

«хотят» — вспомните крылатую фразу из чеховской «Свадьбы»: «Они хотят свою образованность показать».

Писатели, люди особенно чуткие к языку, часто характеризуют своих персонажей или даже знакомых в мемуарах, давая оценку их манере говорить. Так, П. Павленко в романе «Счастье», описывая «отвоевавшегося» чиновника Боярышникова, обращает внимание прежде всего на его манеру выражать мысль: «Мысль его не умела ветвиться придаточными предложениями, а была коротка, как палка».

«Воропаев, — продолжает автор, — уже за одно это неумение пользоваться языком, за пренебрежение к густым, размашистым, разнообразно вьющимся образам, которые так характерны для русской речи и составляют её главную прелесть, бешено ненавидел Боярышникова». А.М. Горький описывает как отличительную черту одного из своих современников его «блестящее умение, с которым он владел афоризмом, этой характерной особенностью подлинной русской речи»: «Точно фольклорист, он знал бесчисленное количество пословиц, поговорок, артистически вплетал их в свою яркую речь, однако не перегружал её... слушать его было наслаждением».

Симптоматичны отзывы современников о манере говорить И.С. Тургенева: «...В самом звучании его фраз было нечто чарующее для слуха и для чувства; вы ощущали себя легко и свободно, как будто знали собеседника с детства... главным очарованием тургеневской речи было вызываемое ею полное доверие, свободное и естественное течение ясной и сильной мысли и, пожалуй, больше всего — полное отсутствие в его речи какого-либо усилия, стремления к блеску и эффекту.<...> Эти золотые изречения, не заключающие в себе ни одной громкой или вульгарной фразы, эти суждения, точные, правдивые и логичные, с неумолимым презрением клеймящие всякую ложь, даже в искусстве...» В этих отзывах в полной мере находит подтверждение тезис «стиль — это человек».

Ю.А. Бельчиков. *Человек живёт словами... Интернет-портал ГРАМОТА.РУ: http://gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_26. 29.11.2000 г.*

О герменевтике — истолковании текста

Лингвистическая экспертиза спорного текста по юридическому поводу — специализированный жанр междисциплинарного филологического исследования: она непосредственно относится к одной из древних отраслей филологии — к герменевтике (греч. *heimenēutikē* — от *hermēneuo* «истолковываю», «разъясняю»).

[...]Лингвистическую судебную экспертизу роднит с герменевтическим исследованием текста «по внутреннему существу своему работа сложная тонкая, аналитическая и планомерная, кропотливая и динамическая» (В.В. Виноградов. *Проблема авторства и теории стилей*. М., 1961), присущая филологической интерпретации текста. Многоаспектность анализа текста в ходе судебной лингвистической экспертизы определяется целью, состоящей в том, что в анализе спорного текста акцент сделан на его рассмотрение в юридических аспектах.

Это важнейшее обстоятельство усугубляет ответственность исследователей спорного текста, требует, с одной стороны, повышенной тщательности, фактологической, культурно-исторической и историко-лингвистической выверенности анализа содержания композиционно-речевой структуры рассматриваемого текста, а также исследования его коммуникативно-прагматического характера. С другой стороны — требует высокой научной квалификации лингвистов-экспертов, досконального и точного знания ими русского литературного языка, его стилистической структуры, современной речевой коммуникации во всех её узувальных проявлениях, включая ненормированную речь; свободно ориентирующихся в историографии и текущей библиографии по проблемам комплексного междисциплинарного филологического исследования текстов, в совершенстве освоивших современные методы филологического исследования, профессионально владеющих исследовательским инструментарием, необходимым для результативного анализа текста.

Ю.А. Бельчиков. *Лингвистические экспертизы и интерпретация, истолкование текста (герменевтика)//Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ/Сост. Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский, И.В. Жарков/Издание Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам по заказу Роскомнадзора. — М.: ИПК Информкнига, 2010. — С.189.*

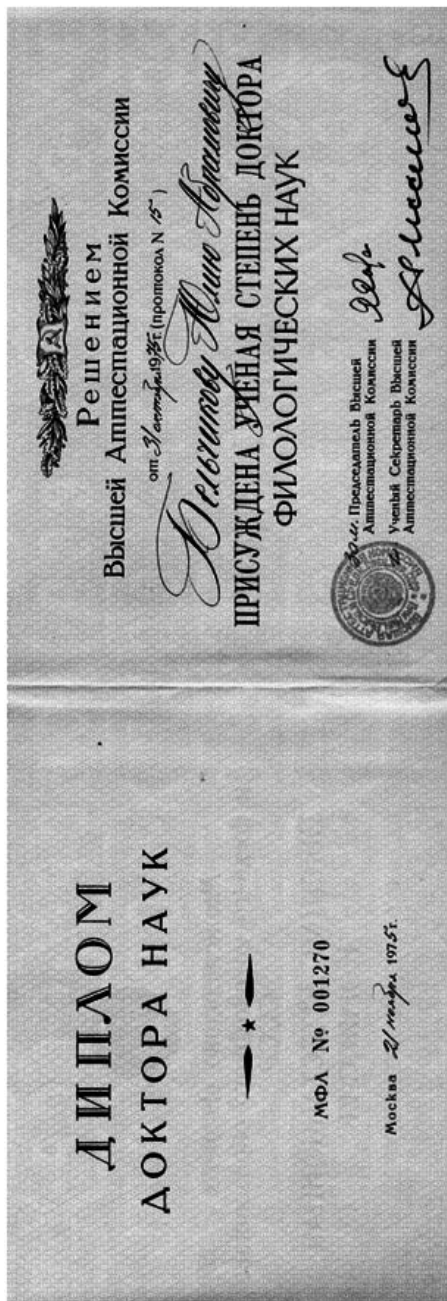
Приложение

Из фотоархива семьи Ю.А. Бельчикова и Гильдии лингвистов-экспертов

Для этого небольшого раздела А.Ю. Бельчиков отобрал некоторые фотографии из семейного архива. На двух редчайших фотографиях 1951 года (первая представлена на обложке книги) запечатлены моменты научной консультации, которую проводил академик В.В. Виноградов для своего молодого дипломника Юлия Бельчикова. Эта работа начинающего исследователя была отмечена учёным советом МГУ в качестве одного из лучших дипломов 1951 года (уже в 1954 году Ю.А. Бельчиков успешно защитил кандидатскую диссертацию, выполненную под руководством В.В. Виноградова). В раздел «Приложение» включены также шесть фотографий профессора Ю.А. Бельчикова из архива ГЛЭДИС.

*Академик В.В. Виноградов и дипломник МГУ Юлий Бельчиков.
Консультация. 1951 г.*

Диплом доктора филологических наук Ю.А. Бельчикова. ВАК СССР. 21 ноября 1975 г.
Диссертация на тему «Вопросы соотношения разговорной и книжной лексики
в русском литературном языке второй половины XIX столетия»
была блестяще защищена Ю.А. Бельчиковым
в 1974 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова.

*Чествование профессора Ю.А. Бельчикова по случаю его 85-летия.
Выступает декан факультета иностранных языков и регионоведения
МГУ имени М.В. Ломоносова профессор С.Г. Тер-Минасова.
Москва, 13 февраля 2013 г. Кафедра лексикографии и теории перевода.*

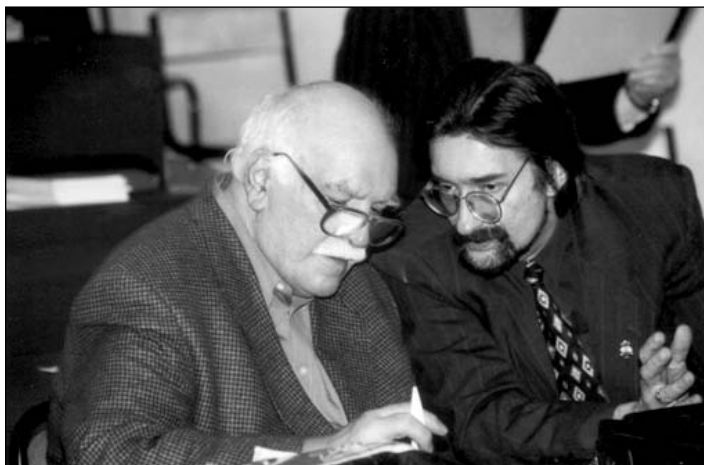
*Чествование профессора Ю.А. Бельчикова по случаю его 85-летия.
Профессор В.С. Елистратов возлагает на юбиляра
почётный восточный головной убор.
Москва, 13 февраля 2013 г. Кафедра лексикографии и теории перевода.*

Профессор Ю.А. Бельчиков — член оргкомитета первой научно-практической конференции ГЛЭДИС. Москва. РУДН. 7 декабря 2002 г. Пленарное заседание.

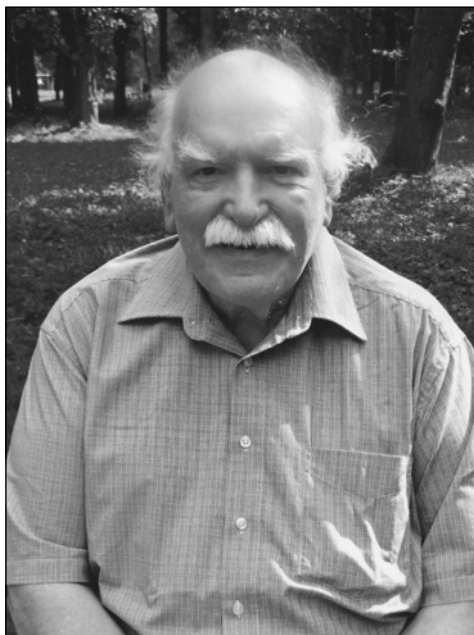
Профессор Ю.А. Бельчиков — член оргкомитета первой научно-практической конференции ГЛЭДИС. Москва. РУДН. 7 декабря 2002 г. Пленарное заседание.

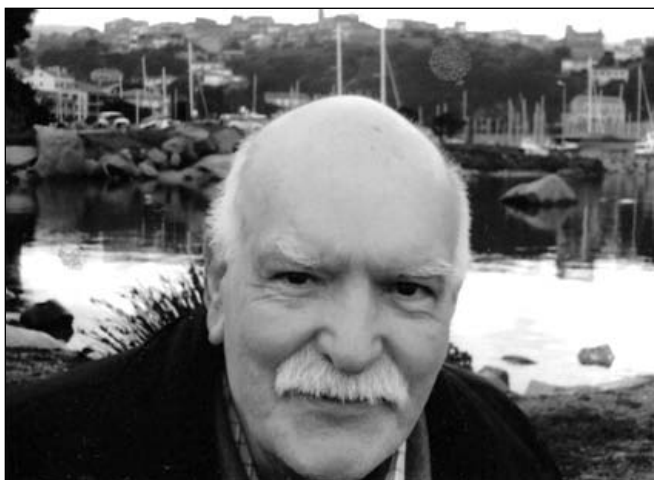
Профессор Ю.А. Бельчиков консультирует учёного секретаря ГЛЭДИС и своего бывшего аспиранта профессора А.С. Мамонтова в перерыве первой научно-практической конференции ГЛЭДИС. Москва. РУДН. 7 декабря 2002 г. Пленарное заседание.

Профессор Ю.А. Бельчиков — оппонент по защите докторской диссертации зам. руководителя ГЛЭДИС Г.Н. Трофимовой на тему «Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты». Москва. РУДН. Филологический факультет. 24 декабря 2004 г.

*Профессор Ю.А. Бельчиков на отдыхе в Старой Руссе.
9 августа 2008 г. Санаторий «Старая Русса»*

*Профессор Ю.А. Бельчиков на отдыхе во Франции.
Январь 2013 г. Корсика, Порто-Веккьо.*

Содержание

Предисловие

Профессор М.В. Горбаневский, председатель
правления ГЛЭДИС 3

ЧАСТЬ 1. Легенда русской лингвистики и педагогики

Из очерков профессора В.С. Елистратова 9

ЧАСТЬ 2. «В назначенный им срок я пришёл к Виноградову в Большой Афанасьевский переулок...»

Воспоминания Ю.А. Бельчикова об истории семьи,
о годах учёбы и работы в МГУ имени М.В. Ломоносова,
об академике В.В. Виноградове, о наставниках и
коллегах, о непростых страницах в истории
советской филологии 17

ЧАСТЬ 3. Последняя прижизненная статья профессора Ю.А. Бельчикова

Ю.А. Бельчиков. «К 120-й годовщине со дня рождения
академика В.В. Виноградова». *Вестник Моск. ун-та. Сер. 19.*
Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1 92

ЧАСТЬ 4. Ю.А. Бельчиков о русском языке и речи, о языковедении

Раздел 1.

Перечень основных научных трудов Ю.А. Бельчикова 102

Раздел 2.

Избранные отрывки из книг и статей Ю.А. Бельчикова 104

Приложение

Из фотоархива семьи Ю.А. Бельчикова
и Гильдии лингвистов-экспертов 121

Научно-просветительское издание

Из истории русской лингвистики XX века

Беседы с профессором Ю.А. Бельчиковым

Составители — А.Ю. Бельчиков, проф. В.С. Елистратов

Ответственный редактор — проф. М.В. Горбаневский

Макет и компьютерная вёрстка — И.В. Астапов

Корректор — Е.Г. Казаринова

Обработка архивных фотографий — А.В. Роз

Редакционный совет

Гильдии лингвистов-экспертов по документационным
и информационным спорам:

А.С. Щербак (председатель), И.В. Астапов (секретарь),

М.В. Батюшкина, В.В. Буйлов, С.В. Вахитов,

В.А. Ефремов, Е.С. Кара-Мурза, Л.Е. Кириллова,

Е.А. Колтунова, Т.В. Чернышова, В.М. Шаклеин.

Подписано в печать 26.01.2022. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Greta Text Pro».

Усл. печ.л. 8. Тираж 300 экз.